

РУДОЛЬФ ШТАЙНЕР

АНТРОПОСОФСКИЕ РУКОВОДЯЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ
ПУТЬ ПОЗНАНИЯ АНТРОПОСОФИИ МИСТЕРИЯ МИХАИЛА

"АНТРОПОСОФИЯ" МОСКВА 1996

Редакция перевода выполнена с издания:

Rudolf Steiner. Anthroposophische Leitsätze der Erkenntnisweg der Anthroposophie. Das Michael-Mysterium. Rudolf Steiner Verlag; Dornach/Schweiz, 1989.

По Библиографическому указателю Полного собрания трудов Рудольфа Штайнера, которое издаёт Rudolf Steiner Verlag, данная книга является томом 26.

Штайнер Р. «Антропософские руководящие положения. Путь познания Антропософии. Мистерия Михаила». Редакция перевода: Богословский В.А. Усачёв Д.А. М.: Издательство "Антропософия", 1996.

Данную работу Рудольф Штайнер (1861 - 1925), основатель антропософски ориентированной духовной науки — Антропософии, начал создавать после основания Всеобщего антропософского общества, произошедшего в Рождество 1923 года в Дорнахе, и трудился над ней до последних дней своей жизни. В письмах-статьях и кратких положениях представлен антропософский путь познания, который в смысле Архангела Михаила - Духа настоящего времени можно назвать Михаилическим путем к Христу. Работа будет необходима всем, кто честно ищет соответствующих Духу времени путей само- и миро- познания. ISBN 5-86951-012-4

© Издательство "Антропософия" Редакция перевода. Оформление. 1996.

СОДЕРЖАНИЕ

Данные в скобках даты являются датой первой публикации в Приложении к выходящему в Дорнахе, Швейцария, еженедельнику "Das Goetheanum": "Was in der Anthroposophischen Gesellschaft vorgeht". ("Дас Гетеанум"; "Что происходит в Антропософском обществе"). Датировки самого Рудольфа Штайнера даны без скобок. Названия двух первых статей ("Антропософские руководящие положения" и "К предшествующим руководящим положениям об образной природе человека") введены Марисей Штайнер в изданиях 1930 г. и 1944 г.

АНТРОПОСОФСКИЕ РУКОВОДЯЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ (17 февр. 1924).	6
<i>Антропософские руководящие положения № 1-3 (17 февр. 1924).</i>	
<i>Дальнейшие руководящие положения № 4-5 (24 февр. 1924).</i>	
<i>Руководящие положения № 6-7 (2 март 1924).</i>	
<i>Руководящие положения № 8-10 (9 марта 1924).</i>	
<i>Руководящие положения № 11-13 (16 марта 1924).</i>	
<i>Руководящие положения № 14-16 (23 марта 1924).</i>	
<i>Руководящие положения № 17-19 (30 марта 1924).</i>	
<i>Руководящие положения № 20-22 (6 апр. 1924).</i>	
<i>Руководящие положения № 23-25 (13 апр. 1924).</i>	
<i>Руководящие положения № 26-28 (20 апр. 1924).</i>	
<i>Руководящие положения № 29-31 (27 апр. 1924).</i>	
<i>Руководящие положения № 32-34 (4 мая 1924).</i>	
<i>Руководящие положения № 35-37 (11 мая 1924).</i>	
К ПРЕДШЕСТВУЮЩИМ РУКОВОДЯЩИМ ПОЛОЖЕНИЯМ ОБ ОБРАЗНОЙ ПРИРОДЕ ЧЕЛОВЕКА (18 мая 1924).	15
<i>Руководящие положения № 38-40 (18 мая 1924).</i>	
<i>Руководящие положения № 41-43 (25 мая 1924).</i>	
<i>Руководящие положения № 44-46 (1 июня 1924).</i>	
<i>Руководящие положения № 47-49 (8 июня 1924).</i>	
<i>Руководящие положения № 50-52 (15 июня 1924).</i>	
<i>Руководящие положения № 53-55 (22 июня 1924).</i>	
<i>Руководящие положения № 56-58 (29 июня 1924).</i>	
<i>Руководящие положения № 59-61 (6 июля 1924).</i>	
НЕЧТО О ПОНИМАНИИ ДУХА И О ПЕРЕЖИВАНИИ СУДЬБЫ.	21
<i>Руководящие положения № 62-65 (13 июля 1924).</i>	
<i>Руководящие положения № 66-68 (20 июля 1924).</i>	
ДУХОВНЫЕ МИРОВЫЕ СФЕРЫ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ САМОПОЗНАНИЕ.	25
<i>Руководящие положения № 69-71 (27 июля 1924).</i>	
<i>Руководящие положения № 72-75 (3 авг. 1924).</i>	
КАК МОЖНО ПРИМЕНЯТЬ РУКОВОДЯЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ.	28
<i>Руководящие положения № 76-78 (10 авг. 1924).</i>	
В НАЧАЛЕ ЭПОХИ МИХАИЛА.	31
<i>Руководящие положения № 79-81 (17 авг. 1924).</i>	
<i>Руководящие положения № 82-84 (24 авг. 1924).</i>	
ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ДУШЕВНЫЙ СКЛАД ПЕРЕД НАЧАЛОМ ЭПОХИ МИХАИЛА.	34
<i>Руководящие положения № 85-87 (31 авг. 1924).</i>	

АФОРИЗМЫ ИЗ ДОКЛАДА ЧЛЕНАМ ОБЩЕСТВА В ЛОНДОНЕ (24 августа).	36
<i>Руководящие положения № 88-90 (7 сент. 1924).</i>	
<i>Руководящие положения № 91-93 (14 сент. 1924).</i>	
<i>Руководящие положения № 94-96 (21 сент. 1924).</i>	
<i>Руководящие положения № 97-99 (28 сент. 1924).</i>	
<i>Руководящие положения № 100-102 (5 окт. 1924).</i>	
ДОМИХАИЛИЧЕСКИЙ ПУТЬ ИПУТЬ МИХАИЛА.	40
<i>Руководящие положения № 103-105 (12 окт. 1924).</i>	
ЗАДАЧА МИХАИЛА В СФЕРЕ АРИМАНА. 10 окт. 1924.	43
<i>Руководящие положения № 106-108 (19 окт. 1924).</i>	
ОПЫТЫ И ПЕРЕЖИВАНИЯ МИХАИЛА ВО ВРЕМЯ ИСПОЛНЕНИЯ ЕГО КОСМИЧЕСКОЙ МИССИИ. 19 окт. 1924.	46
<i>Руководящие положения № 109-111 (26 окт. 1924).</i>	
БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИХАИЛА. 25 окт. 1924.	49
<i>Руководящие положения № 112-114 (2 ноября 1924).</i>	
ПЕРЕЖИВАНИЕ ЧЕЛОВЕКОМ МИХАИЛА-ХРИСТА. 2 ноября 1924.	53
<i>Руководящие положения № 115-117 (9 ноября 1924).</i>	
МИССИЯ МИХАИЛА В МИРОВУЮ ЭПОХУ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СВОБОДЫ. 9 ноября 1924.	57
<i>Руководящие положения № 118-120 (16 ноября 1924).</i>	
КОСМИЧЕСКИЕ МЫСЛИ В ДЕЙСТВИЯХ МИХАИЛА И В ДЕЙСТВИЯХ АРИМАНА. 16 нояб. 1924.	61
<i>Руководящие положения № 121-123 (23 ноября 1924).</i>	
ПЕРВОЕ РАССМОТРЕНИЕ: ПЕРЕД ВРАТАМИ ДУШИ СОЗНАТЕЛЬНОЙ. КАК МИХАИЛ ЧЕРЕЗ ПОБЕДУ НАД ЛЮЦИФЕРОМ СВЕРХЗЕМНЫМ ОБРАЗОМ ПОДГОТОВЛЯЕТ СВОЮ ЗЕМНУЮ МИССИЮ. 23 ноября 1924.	65
<i>Руководящие положения № 124-126 (30 ноября 1924).</i>	
ВТОРОЕ РАССМОТРЕНИЕ: КАК СИЛЫ МИХАИЛА ДЕЙСТВУЮТ В ПЕРВОМ РАЗВЕРТЫВАНИИ ДУШИ СОЗНАТЕЛЬНОЙ. 30 ноября 1924.	71
<i>Руководящие положения № 127-130 (7 дек. 1924).</i>	
ПРОДОЛЖЕНИЕ ВТОРОГО РАССМОТРЕНИЯ: ПОМЕХИ И СОДЕЙСТВИЯ СИЛАМ МИХАИЛА В НАСТУПАЮЩЕЙ ЭПОХЕ ДУШИ СОЗНАТЕЛЬНОЙ. Дек.1924.	75
<i>Руководящие положения № 131-133 (14 дек. 1924).</i>	
ТРЕТЬЕ РАССМОТРЕНИЕ: СТРАДАНИЕ МИХАИЛА ИЗ-ЗА ХОДА РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ПЕРЦ ВРЕМЕНЕМ ДЕЙСТВИЯ МИХАИЛА В ЗЕМНОМ МИРЕ. 14 дек.1924.	79
<i>Руководящие положения № 134-136 (21 дек. 1924).</i>	
РОЖДЕСТВЕНСКОЕ РАССМОТРЕНИЕ МИСТЕРИЯ ЛОГОСА. На Рождество 1924.	83
<i>Руководящие положения № 137-139 (28 дек. 1924).</i>	
НЕБЕСНАЯ ИСТОРИЯ. МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ. ЗЕМНАЯ ИСТОРИЯ. МИСТЕРИЯ ГОЛГОФЫ. В рождественские дни 1924.	89
<i>Руководящие положения № 140-143 (4 янв. 1925)</i>	
ЧТО ОТКРЫВАЕТСЯ, КОГДА ВЗИРАЮТ ОБРАТНО, НА ПОВТОРНЫЕ ЗЕМНЫЕ ЖИЗНИ. К новому – 1925 году.	94
<i>Руководящие положения № 144-146 (11 янв. 1925).</i>	
ПЕРВАЯ ЧАСТЬ РАССМОТРЕНИЯ: ЧТО ОТКРЫВАЕТСЯ, КОГДА ВЗИРАЮТ В ОБРАТНОМ НАПРАВЛЕНИИ НА ПРОШЛЫЕ ЖИЗНИ МЕЖДУ СМЕРТЬЮ И НОВЫМ РОЖДЕНИЕМ? В канун Нового года – 1925.	98
<i>Руководящие положения № 147-149 (18 янв. 1925).</i>	

ВТОРАЯ ЧАСТЬ РАССМОТРЕНИЯ ЧТО ОТКРЫВАЕТСЯ, КОГДА ВЗИРАЮТ В ОБРАТНОМ НАПРАВЛЕНИИ НА ПРОШЛЫЕ ЖИЗНИ МЕЖДУ СМЕРТЬЮ И НОВЫМ РОЖДЕНИЕМ? Новый год – 1925	101
<i>Руководящие положения № 150-152 (25 янв. 1925).</i>	
ЧТО ПОИСТИНЕ ЕСТЬ ЗЕМЛЯ В МАКРОКОСМОСЕ? Янв. 1925.	105
<i>Руководящие положения № 153-155 (8 февр. 1925).</i>	
СОН И БОДРСТВОВАНИЕ В СВЕТЕ ПРЕДЫДУЩИХ РАССМОТРЕНИЙ. Янв. 1925.	108
<i>Руководящие положения № 156-158 (8 февр. 1925).</i>	
ГНОЗИС И АНТРОПОСОФИЯ. Янв. 1925.	111
<i>Руководящие положения № 159-161 (15 февр. 1925).</i>	
СВОБОДА ЧЕЛОВЕКА И ЭПОХА МИХАИЛА. Янв. 1925.	115
<i>Руководящие положения № 162-164 (22 февр. 1925).</i>	
ГДЕ НАХОДИТСЯ ЧЕЛОВЕК КАК МЫСЛЯЩЕЕ И ПОМНЯЩЕЕ СЕБЯ СУЩЕСТВО? Янв. 1925.	118
<i>Руководящие положения № 165-167.</i>	
ЧЕЛОВЕК В СВОЕЙ МАКРОКОСМИЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ. Янв. 1925	121
<i>Руководящие положения № 168-170 (8 марта 1925).</i>	
СИСТЕМА ОРГАНОВ ЧУВСТВ И ОРГАНИЗАЦИЯ МЫШЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ОТНОШЕНИИ К ВНЕШНЕМУ МИРУ. Февр. 1925.	125
<i>Руководящие положения № 171-173 (15 марта 1925).</i>	
ПАМЯТЬ И СОВЕСТЬ. Февр. 1925.	128
<i>Руководящие положения № 174-176 (22 марта 1925).</i>	
КАЖУЩЕЕСЯ УГАШЕНИЕ ДУХОВНОГО ПОЗНАНИЯ В НОВОЕ ВРЕМЯ. Март 1925.	131
<i>Руководящие положения № 177-179 (29 марта 1925).</i>	
ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОТЯСЕНИЯ ПРИ ВОСХОЖДЕНИИ ДУШИ СОЗНАТЕЛЬНОЙ. Март 1925.	134
<i>Руководящие положения № 180-182 (5 апр. 1925)</i>	
ОТ ПРИРОДЫ К ПОДПРИРОДЕ. Март 1925.	137
<i>Руководящие положения № 183-185 (12 апр. 1925).</i>	
ПРИМЕЧАНИЯ.	140

АНТРОПОСОФСКИЕ РУКОВОДЯЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

В будущем вы найдете здесь нечто вроде антропософских руководящих положений. Их следует воспринимать таким образом, что своим содержанием они могут дать направление докладам и обсуждениям, которые подготавливаются ведущими членами Общества в отдельных его группах. Надо иметь в виду, что эти руководящие положения являются не более чем побуждением, данным из Гетеанума Обществу в целом. Этим не будет затронута самостоятельность действий отдельных ведущих членов Общества. Хорошо, когда в развитии Общества совершенно свободно проявляется то, что хотят сказать ведущие члены отдельных групп. Благодаря этому обогатится и разносторонне сформируется жизнь Общества.

Однако необходимо, чтобы в Обществе могло возникнуть единое сознание. Это произойдет, если повсюду будут знать о тех импульсах, которые существуют в разных местах. Поэтому здесь в виде тезисов представлено изложение моих докладов в Гетеануме для Общества. Я думаю, что для тех, кто делает в группах (ветвях) доклады или проводит обсуждения, эти положения послужат направлениями, которые можно развивать дальше свободным образом. Тем самым будет сделан вклад в единый образ действия Общества, не имеющий при этом в виду никакого принуждения.

Для всего Общества работа может стать плодотворной, если этот процесс вызовет соответствующие встречные шаги, если ведущие члены в свою очередь будут сообщать Правлению Гетеанума о содержании и о характере своих докладов и инициатив. Только благодаря этому мы от хаоса различных групп придем к Обществу с единым духовным содержанием.

Основные направления, которые даются здесь, послужат некоторым началом для тех или иных тем. Затем в антропософских книгах и циклах можно будет найти в самых разных местах исходные точки для такого формирования тем, которое составит содержание обсуждений в группах.

Также и новые идеи, появляясь у ведущих членов отдельных групп, могут тогда соединиться с тем, что таким образом иницируется Гетеанумом как некая основа для духовной деятельности Общества.

Существует абсолютно верная истина, против которой нечего возразить. Она состоит в том, что духовное действие может возникнуть только из свободного проявления деятельной личности. Однако нельзя возразить и против того, чтобы внутри Общества один член правильным образом действовал в согласии с другим. Если бы это было невозможно, то принадлежность отдельных людей или групп к Обществу всегда оставалась бы чем-то внешним, в то время как она должна ощущаться как нечто внутреннее.

Нельзя допустить того, чтобы существование Антропософского общества использовалось той или иной личностью, как возможность говорить нечто из личного интереса, но Общество должно быть тем местом, где заботятся о самой Антропософии. Ведь обо всем остальном можно заботиться и вне рамок Общества. Оно существует не для этого.

В последние годы отдельные члены внесли в Общество свои личные интересы, полагая, таким образом, найти поле деятельности для своих растущих желаний, что не послужило на пользу Обществу. Можно было бы спросить:

почему этому не был дан надлежащий отпор? Пусть бы это произошло, и тогда сегодня можно было бы повсюду услышать суждение: если бы в то время приняли ту или иную инициативу, то, как далеко мы были бы уже теперь. Теперь, однако, многое принятое тогда, окончилось весьма плачевно и отбросило нас назад.

Но довольно этого. На опыте проверено то, что хотели дать Обществу отдельные экспериментаторы. Нельзя одно и то же повторять до бесконечности. Правлению Гетеанума следует быть неким органом, который заботится об Антропософии, а Общество должно представлять собой объединение людей, желающих достичь живого взаимопонимания с Правлением в отношении своей заботы об Антропософии.

Не надо думать, что то, к чему мы стремимся, может быть достигнуто не сегодня-завтра. Нужно время. И необходимо терпение. Снова будет нанесен вред делу, если верить, что можно через несколько недель осуществить намерения Рождественского собрания.

Антропософские руководящие положения как данные Гетеанумом побуждения

1. Антропософия есть путь познания, стремящийся духовное в существе человека вести к духовному во Вселенной. Она выступает в человеке как потребность сердца и чувства. Оправдание свое она должна находить в том, что дает удовлетворение этой потребности. Признать антропософию может только тот, кто находит в ней то, что он ищет из своих душевных побуждений. Поэтому антропософами могут быть те люди, которые известные вопросы о существе человека и мира ощущают как жизненную необходимость, как голод и жажду.

2. Антропософия сообщает познания, приобретаемые духовным путем. Но она делает это только потому, что повседневная жизнь и наука, основанная на чувственном восприятии и на деятельности рассудка, ведут к границе жизненного пути, где человеческая душевная жизнь должна была бы замереть, если невозможно было переступить эту границу. Эта повседневная жизнь и эта наука не потому подводят к границе, что на ней необходимо было бы остановиться, но на этой границе чувственного восприятия открывается благодаря самой человеческой душе перспектива в духовный мир.

3. Есть люди, которые полагают, что с границами чувственного восприятия даны также границы всякого понимания. Если бы эти люди обратили внимание на то, как они приходят к осознанию этих границ, то открыли бы в этом осознании также и способность переступить границы. Рыба доплывает до границ воды; она вынуждена вернуться, так как ей недостает физических органов для существования вне воды. Человек приходит к границе чувственного восприятия; он может осознать, что на пути туда он приобрел душевные силы, дающие возможность душевно жить в стихии, не охватываемой чувственным восприятием.

4. Для уверенности в своем чувствовании, для энергичного развития своей воли человек нуждается в познании духовного мира. Он может ощущать в самом большом объеме величие, красоту и мудрость природного мира, но этот мир не дает ему никакого ответа на вопрос о его собственном существе. Собственное существо человека до тех пор удерживает вместе вещества и силы

природного мира в живом и подвижном человеческом образе, пока человек не переступит врата смерти. Тогда природа принимает в себя этот образ. Она не может удержать его, она может его только рассеять. Великая, прекрасная, исполненная мудрости природа дает, может быть, ответ на вопрос, как распадается человеческий образ, но не на то, как он удерживается. Никакое теоретическое возражение не может загасить этот вопрос в чувствующей душе человека, если она не хочет сама себя усыпить. Присутствие этого вопроса должно неустанно и деятельно поддерживать в каждой, действительно бодрствующей человеческой душе тоску по духовным путям познания мира.

5. Для внутреннего покоя человеку нужно самопознание в духе. Он находит самого себя в своем мышлении, чувствовании и волеии. Он видит, насколько мышление, чувствование и воление зависят от природного существа человека. В своих проявлениях они должны следовать за здоровьем, болезнью, укреплением и повреждением тела. Каждое погружение в сон угашает их. Обычный жизненный опыт обнаруживает величайшую, какую только можно себе представить, зависимость духовного переживания человека от телесного бытия. Тогда в человеке просыпается сознание, что в этом обычном жизненном опыте могло быть утрачено самопознание. Прежде всего, возникает тревожный вопрос: может ли существовать самопознание, превышающее обычный жизненный опыт, а с ним уверенность в истинном «Я»? Антропософия хочет на основе достоверного духовного опыта дать ответ на этот вопрос. При этом она опирается не на какое-нибудь высказывание или верование, а на переживание в духе, которое в существе своем так же достоверно, как переживание в теле.

6. Обращая взор к безжизненной природе, мы находим мир, проявляющийся в закономерных связях. Рассматривая эти связи, находим их как содержание законов природы. Но также находим, что благодаря этим законам безжизненная природа объединяется с Землей в одно целое. Затем можно от этой земной связи, господствующей во всем безжизненном, перейти к созерцанию живого растительного мира. Мы видим, как из далей пространства внеземной мир посылает силы, и они выносят живое из лона безжизненного. В живом мы замечаем сущностное, которое вырывается из чисто земной связи и становится откровением того, что из далей мирового пространства воздействует на Землю. В самом невзрачном растении мы обнаруживаем существо этого внеземного света, подобно тому, как в глазу - светящийся предмет, который находится перед ним. При таком восходящем рассмотрении можно узреть различие между земным-физическим, которое господствует в безжизненном, и внеземным-эфирным, которое действует в живом.

7. Человека, в отношении его внедушевного и внедуховного существа, мы находим поставленным в этот мир земного и внеземного. Поскольку он поставлен в земное, охватывающее область безжизненного, он несет на себе свое физическое тело; поскольку он развивает в себе силы, притягивающие жизнь из далей мира в область земного, он обладает эфирным, или жизненным телом. То направление в области познания, которое свойственно новейшему времени, совершенно обошло своим вниманием эту противоположность между земным и эфирным. Именно по этой причине оно развило самые невероятные воззрения на эфирное. Страх впасть в фантастику удерживал от разговора об

этой противоположности. Но без такого разговора не прийти к пониманию человека и мира.

8. Можно рассматривать существо человека, поскольку оно проявляется в его физическом и эфирном телах. Мы найдем, что в человеке все связанные с этим явления не ведут к сознанию, а остаются в бессознательном. При повышении деятельности физического и эфирного тел сознание не просветляется, а затемняется. Состояния обморока можно признать как результат такого повышения. Следуя такой ориентации суждения удастся признать, что в организацию человека, а также и животного вступает что-то неоднородное с физическим и эфирным. Оно действует не тогда, когда физическое и эфирное действует из своих собственных сил, но когда эти тела на свой лад перестают быть деятельными. Так приходят к понятию астрального тела.

9. Действительность этого астрального тела обнаруживается, когда с помощью медитации переходят от мышления, возбуждаемого внешними чувствами, к некоему внутреннему созерцанию. Для этого нужно возбужденное извне мышление внутренне постичь и интенсивно пережить его в душе как таковое, без отношения к внешнему миру; и затем благодаря душевной крепости, усвоенной путем такого схватывания и переживания, заметить, что существуют органы внутреннего восприятия, которые видят духовное там, где в животном и в человеке физическое и эфирное тела удерживаются в своих пределах для того, чтобы возникло сознание.

10. Сознание возникает не путем продолжения той деятельности, которая является результатом физического и эфирного тел, но оба эти тела должны прийти со своей деятельностью в нулевую точку и даже ниже ее, чтобы "возникло такое место", где правит сознание. Они не порождают сознание, но дают только почву, на которой должен стоять дух, чтобы вызвать сознание в земной жизни. Как человек на Земле нуждается в почве, на которое он может стоять, так духовное нуждается внутри земного в материальной основе, на которой оно может развиваться. И как в мировом пространстве планета не нуждается в почве, чтобы удерживать свое место, так дух, созерцание которого направлено не органами чувств на материальное, но собственной силой на духовное, не нуждается в этой материальной основе, чтобы оживить в себе свою сознательную деятельность.

11. Самосознание, которое объединяется в «Я», восходит из сознания. Сознание возникает, когда духовное вступает в человека благодаря тому, что силы физического и эфирного тел разрушают их. При разрушении этих тел создается почва, на которой сознание развивает свою жизнь. Но за разрушением, если организации не надлежит распасться, должно следовать восстановление. Таким образом, когда для переживания сознания произошло разрушение, разрушенное будет в точности восстановлено опять. В восприятии этого восстановления заключается переживание самосознания. Можно во внутреннем созерцании проследить этот процесс. Можно почувствовать, как сознательное переходит в самосознательное, благодаря тому, что из самих себя создают послеобраз только сознательного. Лишь сознающее имеет свой образ в той до некоторой степени сделавшейся пустой части организма, которая возникает через разрушение. Оно вступило в самосознание, когда пустота снова

наполнилась изнутри. Сущностное, которое способно к этому наполнению, переживается как «Я».

12. Действительность «Я» открывается, когда внутреннее созерцание, с помощью которого познавательное охватывается астральное тело, развивают дальше благодаря тому, что пережитое в медитации мышление пронизывают волей. Сперва этому мышлению отдавались безвольно. Приводили его, таким образом, к тому, что духовное вступало в это мышление, как вступает цвет в глаз или звук в ухо при чувственном восприятии. Если затем могут воссоздать волевым актом то, что оживили, таким образом, в сознании, через пассивную отдачу, то в этот волевой акт вступает восприятие собственного «Я».

13. Путем медитации в дополнение к тому облику, в котором «Я» выступает в обыкновенном сознании, можно найти три дальнейшие формы: 1) в сознании, которое постигает эфирное тело, «Я» является как образ, который, однако, есть в то же время деятельная сущность и как таковая сообщает человеку облик, рост, созидательные силы; 2) в сознании, которое постигает астральное тело, «Я» открывается как член духовного мира, из которого оно получает свои силы; 3) в сознании, о котором только что говорилось и которое должно быть достигнуто позднее других, «Я» обнаруживает себя как самостоятельное духовное существо, относительно независимое от окружающего духовного мира.

14. Второй облик «Я», намеченный в изложении третьего руководящего положения¹, выступает как "образ" этого «Я». Благодаря осознанию этого образного характера проливается свет также и на мысленное существо, в котором «Я» является перед обычным сознанием. С помощью различных рассмотрении ищут "истинное Я" в обыкновенном сознании. Однако серьезное проникновение в переживания этого сознания показывает, что в нем нельзя найти этого "истинного «Я», но что здесь может выступить только мысленный отблеск, который есть меньше, чем образ. Мы правильно понимаем истину этого положения только тогда, когда переходим к «Я», как к образу, живущему в эфирном теле. Только благодаря этому мы получаем правильное побуждение к исканию «Я» как истинного существа человека.

15. Проникновение в тот облик, в котором «Я» живет в астральном теле, приводит к правильному ощущению связи человека с духовным миром. Этот облик «Я» для обычного переживания погружен в темные глубины бессознательного. В этих глубинах благодаря инспирации человек вступает в связь с духовным существом мира. Только совсем слабый, данный в оттенке чувства отблеск этой господствующей в душевных глубинах инспирации из далей духовного мира стоит перед обычным сознанием.

16. Третий образ «Я» дает прозрение в самостоятельное существо человека внутри духовного мира. Он вызывает ощущение, что человек со своей земной внешне чувственной природой находится перед самим собой только как откровение того, что он есть в действительности. Этим дана исходная точка истинного самопознания. Ибо то «Я», которое создает человека в его истинном облике, только тогда откроется для познания, когда он от мысли «Я» переходит

¹ Речь идёт о 13 руководящем положении (третьем пункте в предшествующей группе).

к образу «Я», от образа к творческим силам этого образа и оттуда - к духовным носителям этих сил.

17. Человек есть существо, которое развивает свою жизнь между двух мировых областей. Своим телесным развитием он включается в "нижний мир", своим душевным существом он образует "средний мир" и своими духовными силами он стремится к "верхнему миру". Своим телесным развитием он обязан тому, что дала ему природа; свое душевное существо он несет в себе как собственное достояние; духовные силы он находит в себе как дары, выводящие его из него самого вверх, к участию в божественном мире.

18. Дух является творящим в этих трех мировых областях. Природа не бездуховна. Утрачивают в познании и природу, когда не замечают в ней дух. Но в природном бытии, однако, будут находить дух как бы спящим. И так же, как в человеческой жизни сон имеет свою задачу, «Я» должно спать определенное время, чтобы в другое время быть вполне бодрствующим, так и мировой дух должен спать в "месте природы", чтобы быть вполне бодрствующим в другом месте.

19. По отношению к миру человеческая душа есть грезящее существо, если она не обращает внимания на дух, который действует в ней. Дух пробуждает ткущие в собственном внутреннем мире человека душевные грезы к участию в мире, из которого происходят истинное существо человека. Как грезящий замыкается от окружающего физического мира и заволакивает себя в собственное существо, так и душа должна была бы потерять свою связь с мировым духом, из которого она происходит, если бы она не захотела услышать в себе самой пробуждающих призывов духа.

20. Для правильного развития душевной жизни в человеке надо, чтобы он внутри своего существа полностью осознал действие, исходящее из духа. Многие сторонники новейшего естественнонаучного мировоззрения так сильно в этом отношении одержимы предрассудком, что они говорят, будто господствующей во всех мировых явлениях является всеобщая причинность. Это может создать только иллюзию, если человек думает, что он в состоянии сам из себя быть причиной чего-то. Новейшее познание природы хочет во всем точно следовать наблюдению и опыту. Из-за этого предрассудка о скрытой причинности собственных человеческих побуждений оно грешит против этого своего основного положения. Ибо свободное действие из внутреннего мира человеческого существа есть совершенно элементарный результат человеческого самонаблюдения. Этого нельзя отрицать, но необходимо привести это в согласие с пониманием всеобщей причинности внутри природного порядка.

21. Непризнание этого побуждения из духа в глубине души человеческого существа есть самое большое препятствие для достижения прозрения в духовный мир. Ибо включение собственного существа в природную связь означает отклонение душевного взгляда от этого существа. Но нельзя проникнуть в духовный мир, не постигнув дух сперва там, где он дан совершенно непосредственно: в непредвзятом самонаблюдении.

22. Самонаблюдение образует начало духовного наблюдения. И оно в состоянии образовать правильное начало, потому что человек, имея верное чувство, не может остановиться на нем, но должен идти от него вперед, к

дальнейшему духовному содержанию мира. Как человеческое тело чахнет, не получая физической пищи, так в правильном смысле наблюдающий самого себя человек ощутит оскудение своего «Я», если он не видит, как на это «Я» воздействуют силы вне его деятельного духовного мира.

23. В то время как человек идет через врата смерти, он вступает в духовный мир, чувствуя, как от него отпадают все впечатления и все душевное содержание, которые он приобрел в земной жизни посредством телесных чувств и мозга. Перед его сознанием открывается тогда в образах обширной панорамы то, что во время земного странствования в виде жизненного содержания мог он внести в память в форме безобразных мыслей, или то, что хотя и осталось незамеченным для земного сознания, но все же произвело подсознательное впечатление на душу. Эти образы бледнеют вплоть до исчезновения через несколько дней. Когда они совсем исчезли, человек знает, что он сложил с себя также и свое эфирное тело, в котором он может увидеть носителя этих образов.

24. После сложения с себя эфирного тела человек имеет еще в качестве остающихся у него членов астральное тело и «Я». Пока первое находится у него, оно заставляет сознание переживать все, что составляло во время земной жизни бессознательное содержание покоящейся во сне души. В этом содержании заключены суждения, которые напечатлевают духовные существа высшего мира астральному телу в промежутки сна, суждения, которые остаются скрытыми от земного сознания. Человек еще раз проживает свою земную жизнь, но так, что его душевное содержание является теперь обсуждением его действий и мышления с точки зрения духовного мира. Переживание совершается в обратном порядке: сперва последняя ночь, затем предпоследняя и так далее.

25. Пережитое в астральном теле по прохождении через врата смерти обсуждение жизни длится столько, сколько составляло время, которое в течение земной жизни было занято сном.

26. Только после сложения астрального тела, по окончании обсуждения жизни человек вступает в духовный мир. Здесь он находится в таком отношении к существам чисто душевного рода, в каком он был на Земле к существам и процессам природных царств. Тогда все, что было внешним миром в земной жизни, превращается в духовном переживании во внутренний мир. Тогда человек не только воспринимает этот внешний мир, но переживает его в его духовности, которая была скрыта от него на Земле, как свой внутренний мир.

27. Человек, каков он на Земле, становится в духовной области внешним миром. На этого человека смотрят, как на Земле смотрят на звезды, облака, горы и реки. И этот внешний мир не менее содержателен, чем явление Космоса в жизни земной.

28. Силы, сформированные духом человека в духовной области, продолжают действовать в образовании земного человека так же, как совершенные в физическом человеке поступки продолжают действовать в жизни после смерти как душевное содержание.

29. В развитом имажинативном познании действует то, что живет душевно-духовно внутри человека, формирует в его жизни физическое тело и на этой основе развивает в физическом мире человеческое бытие. Непрестанно обновляющемуся в обмене веществ физическому телу противостоит постоянно развивающаяся в существе своем от рождения (зачатия) до смерти внутренняя

сущность человека; физическому пространственному телу противостоит тело временное.

30. В инспиративном познании живет в отражении то, что претерпевает человеческое существо в период между смертью и новым рождением внутри духовного окружения. Там созерцается существо человека в его мировой связи, без физического и эфирного тел, благодаря которым человек проходит земное бытие.

31. В интуитивном познании осознается воздействие прежних земных жизней на настоящую. Эти прежние земные жизни отбросили при своем дальнейшем развитии связи, в которых они находились с физическим миром. Они превратились в чисто духовное ядро существа человека и действуют как таковое ядро в настоящей жизни. Благодаря этому они являются также предметом познания, которое оказывается результатом развития имажинативного и инспиративного познания.

32. В голове человека физическая организация есть некий отпечаток духовной индивидуальности. Физическая и эфирная части головы являются как завершенные образы духовного, а рядом с ними находятся астральная часть головы и часть «Я» в их самостоятельной душевно-духовной сущности. Поэтому в голове человека представлено параллельное развитие относительно самостоятельных физического и эфирного с одной стороны, астрального и организации «Я» с другой стороны.

33. В конечностях и обмене веществ человека четыре члена его сущности тесно связаны между собой. Организация «Я» и астральное тело находятся не рядом с физической и эфирной частями. Они находятся в них, они оживляют их, действуют в их росте, в способности движения и так далее. Но благодаря этому область конечностей и обмена веществ является как бы зачатком, который хочет развиваться далее, который постоянно стремится к тому, чтобы стать головой, и бывает постоянно удерживаем от этого в течение земной жизни человека.

34. Ритмическая организация находится посередине. Здесь организация «Я» и астральное тело попеременно соединяются с физической и эфирной частью и опять отделяются от них. Дыхание и кровообращение являются физическим отпечатком этого соединения и отделения. Процесс вдыхания отображает соединение; процесс выдыхания - отделение. Процессы в артериальной крови представляют соединение; процессы в венозной крови - отделение.

35. Физическое существо человека понимают только тогда, когда рассматривают его как образ духовно-душевного. Взятое само по себе физическое тело человека остается непонятным. Но в своих различных членах оно по-разному является образом духовно-душевного. Наиболее полным, законченным внешне чувственным образом духовно-душевного является голова. Все, что принадлежит системе обмена веществ и конечностей, есть как бы образ, который не принял еще своих конечных форм, но над которым еще продолжается работа. Все, что принадлежит ритмической организации человека, находится в том, что касается отношения духовно-душевного к телесному, между этими противоположностями.

36. Кто рассматривает с этой духовной точки зрения человеческую голову, тот получает помощь для понимания духовных имажинаций; ибо в формах головы

имагинативные формы сгустились некоторым образом до физической плотности.

37. Рассмотрение ритмической части человеческой организации может подобным же образом помочь пониманию инспираций. Физический вид жизненных ритмов носит во внешнечувственном образе характер инспирированного. В системе обмена веществ и конечностей, если рассматривают их в полном действии, в разворачивании необходимых или возможных отправлений, имеют чувственно-сверхчувственный образ чисто сверхчувственного интуитивного.

К ПРЕДШЕСТВУЮЩИМ РУКОВОДЯЩИМ ПОЛОЖЕНИЯМ ОБ ОБРАЗНОЙ ПРИРОДЕ ЧЕЛОВЕКА

Многое зависит от того, чтобы благодаря антропософии было понято, что при рассмотрении человека надо отказаться от представлений, которые достигаются в наблюдениях внешней природы. Против этого требования грешит способ мышления, который вступил в человеческие души вследствие духовного развития последних столетий. Именно таким способом привыкают мыслить законы природы и посредством ее законов объяснять себе явления природы, воспринимаемые органами чувств. Тогда направляют взор на человеческий организм, рассматривая и его, таким образом, как если бы его устройство могло быть постигнуто применением к нему законов природы.

С этим дело обстоит именно так, как если бы картину, созданную живописцем, рассматривали в отношении вещества красок, той силы, с какой краски пристают к холсту, того способа, каким краски наносятся на холст, и еще с каких-либо подобных точек зрения. Но всем этим не затрагивается то, что открывается в самой картине. В откровении, которое является посредством картины, живут совсем другие закономерности, чем те, какие могут быть добыты, исходя из указанных точек зрения.

Все дело в том, чтобы уяснить себе, что также и в человеческом существе обнаруживается нечто такое, что не может быть постигнуто с тех точек зрения, из которых добываются законы внешней природы. Если правильно усвоили это представление, тогда будут в состоянии понять человека как образ. В этом смысле минерал не есть образ. Он обнаруживает лишь то, что могут непосредственно воспринять органы чувств.

При наличии образа созерцание направляется сквозь чувственно воспринятое на содержание, которое постигается в духе. Именно так обстоит дело при рассмотрении человеческого существа. Если его постигают верным образом с помощью законов природы, то чувствуют себя в представлении этих законов природы не рядом с действительным человеком, но лишь с тем, через что открывается этот действительный человек.

Надо пережить в духе, что с законами природы стоят перед человеком таким образом, как если бы стояли перед картиной, зная лишь то, что тут- синее, а там- красное, но не были бы в состоянии во внутренней душевной деятельности отнести это синее и красное к чему-то, что обнаруживает себя через эти краски.

Надо иметь ощущение одного рода, когда с законами природы подходят к минеральному, и ощущение другого рода, когда подступают к человеку. В отношении минерального для духовного постижения дело обстоит таким образом, как если бы объект восприятия непосредственно ощупывали; в отношении же человека дело обстоит так, как если бы с законами природы находились от него так же далеко, как от картины, которую не разглядишь, а лишь коснешься душевным взором.

Если, созерцая человека, сначала поняли, что он есть образ чего-то, тогда с верным душевным строем пойдут дальше также и к тому, что представляется этим образом.

И в человеке образная природа обнаруживается неоднозначно. Орган внешних чувств в своем существе есть в наименьшей мере отображение, но в наибольшей

мере, некий вид проявления самого себя, как и минерал. Как раз к органам внешних чувств можно ближе всего подойти с законами природы. Рассмотрите хотя бы чудесное устройство человеческого глаза. Это устройство в некотором приближении понимают посредством законов природы. И в отношении других органов чувств дело обстоит подобным же образом, хотя это и не обнаруживается у них так явственно, как у глаза. Происходит это потому, что органы чувств показывают в своем образовании известную завершенность. Они включены в организм в виде готовых образований и, как таковые, они передают восприятия внешнего мира.

Но не так обстоит дело с ритмическими процессами, разыгрывающимися в организме. Они не представляют собою что-то готовое. В них совершается непрерывное возникновение и прохождение организма. Если бы органы чувств были такими, как ритмическая система, то человек воспринимал бы внешний мир таким образом, что этот внешний мир находился бы в непрерывном становлении.

Органы чувств представляются подобными картине, висящей на стене. А ритмическая система предстает перед нами как событие, развертывающееся тогда, когда мы наблюдаем холст и художника в процессе возникновения картины. Картины тут еще нет; но она все больше и больше выявляется. В этом рассмотрении имеют дело только с неким процессом возникновения. То, что возникло, продолжает какое-то время существовать. При рассмотрении человеческой ритмической системы обнаруживается, что к процессу возникновения, к процессу созидания тотчас присоединяется процесс прохождения, разрушения. В ритмической системе открывается становящийся образ.

Та деятельность, которую совершает душа, когда она, воспринимая, отдает себя тому, что предстоит перед ней как законченный образ, может быть обозначена как имажинация. Наоборот, то переживание, которое должно быть развито, чтобы постигнуть становящийся образ, есть инспирация.

Еще иначе обстоит дело, когда рассматривают систему обмена веществ и движения человеческого организма. Это так, как если бы мы стояли перед еще совсем чистым полотном, перед горшочками с красками и художником, еще не начавшим писать картину. Если хотят придти к пониманию в отношении системы обмена веществ и конечностей, то надо развить некое восприятие, для которого все, что схватывают внешние чувства, есть не более, чем вид горшков с красками, чистого полотна и художника в сравнении с тем, что позднее выступает перед нашими глазами как картина художника. И деятельность, при которой душа чисто духовно переживает человека, исходя из его обмена веществ и движений, протекает так, как если бы при вводе художника, чистого полотна и горшочков с красками переживалась написанная позже картина. В отношении системы обмена веществ и конечностей, чтобы придти к ее постижению, в душе должна править интуиция.

Необходимо, чтобы активно действующие члены Антропософского общества именно таким образом указывали на сущность, которая лежит в основе антропософского рассмотрения. Ибо должно быть понято не только то, что получено посредством антропософии как содержание познания, но также и то, как достигнуто переживания этого содержания познания.

Изложенное здесь приводит на пути такого рассмотрения к следующим руководящим положениям.

Антропософские руководящие положения как данные Гетеанумом побуждения

38. Если, идя в указанном в предыдущих положениях направлении, мы достигли рассмотрения человека в его образной природе и в открывающейся благодаря этому духовности, то мы стоим перед созерцанием в духовном мире, где видят человека, царящего как духовное существо, и видят душевно-моральные законы в их действительности. Ибо моральный мировой порядок представляется тогда как земное отображение некоего порядка, принадлежащего к духовному миру. И физический, и моральный мировые порядки сочленяются в единство.

39. Из человека действует воля. Она является совершенно чуждой полученным во внешнем мире законам природы. Существо органов чувств познается еще по его сходству с предметами внешнего мира природы. В деятельности органов чувств воля еще не может развиваться. Существо, открывающееся в ритмической системе человека уже не так похоже на все внешнее. Эта система уже может быть до известной степени затронута волей. Но эта система пребывает в постоянном возникновении и уничтожении. Ею воля еще связана.

40. Хотя в системе обмена веществ и конечностей существо открывается при помощи веществ и происходящих в них процессов, но эти вещества и эти процессы имеют с ним столь же мало общего, как художник и средства, которыми он пользуется, с готовой картиной. Это существо может уже поэтому непосредственно затрагиваться волей. Постигая за живущей в законах природы человеческой организацией творящее в духовном бытии человеческое существо, мы имеем в этом существе область, в которой можно заметить творящую деятельность воли. По отношению к области органов чувств человеческая воля остается словом без всякого содержания. И кто хочет схватить ее в этой области, тот покидает в познании истинное существо воли и ставит на ее место нечто другое.

41. В третьей части предыдущего положения указывается на существо человеческой воли. Только тогда, когда мы заметили это существо, мы находимся с нашим пониманием внутри мировой сферы, где действует Судьба (Карма). Пока мы видим только закономерность, царящую в общей связи вещей и фактов природы, мы остаемся совсем вдалеке от того, что действует закономерно в судьбе.

42. В подобном постижении закономерности в судьбе открывается также и то, что судьба не может осуществить в ходе отдельной земной физической жизни. Пока человек живет в том же физическом теле, он может довести до действительности моральное содержание своей воли лишь в той мере, в какой это позволяет его физическое тело внутри физического же мира. Только когда человек вступил через врата смерти в сферу духа, духовное существо воли может достичь полной действительности, только там достигнет духовного осуществления доброе в своих соответствующих ему результатах и злое в своих.

43. В этом духовном осуществлении человек сам себя формирует между смертью и новым рождением; он сущностно становится отображением того, что сделал в земной жизни. Из этого сущностного он создает при возвращении на Землю свою физическую жизнь. Духовное, действующее в судьбе, может найти свое осуществление в физическом только тогда, когда обуславливающее его отошло перед этим осуществлением в духовную область. Ибо то, что изживает себя как судьба, создается из духовного, а не вследствие физических явлений.

44. Перехода к духовнонаучному рассмотрению вопроса о судьбе следовало бы достигать с помощью примеров из переживаний отдельных людей, на которых можно пояснить ход судьбы в его значении для жизненного пути человека, например, как некое переживание, испытанное в юности, которое, наверное, не вызвано вполне свободно самой личностью человека, может в большой мере определить всю его дальнейшую жизнь.

45. Необходимо было бы обрисовать значение того факта, что в ходе физической жизни между рождением и смертью добрый может стать несчастным во внешней жизни, а злой может - по крайней мере по видимости - стать счастливым. Примеры в образах важнее для обсуждения, чем теоретические объяснения, потому что они лучше готовят к духовнонаучному рассмотрению.

46. Необходимо было бы показать на отдельных случаях судьбы, вступающих в человеческую жизнь так, что нельзя найти обусловленности их в настоящей земной жизни, - как по отношению к ним уже чисто рассудочное рассмотрение жизни указывает на пережитое в далеком прошлом. Разумеется, из самого способа такого изложения должно быть ясно, что подобными указаниями не утверждается что-то обязательное, но лишь говорится нечто такое, что направляет мысли на духовнонаучное рассмотрение вопроса о судьбе.

47. То, что заложено в форме судьбы человека, вступает лишь в самой незначительной части в обычное сознание, а большей частью действует в бессознательном. Но как раз благодаря раскрытию того, что свершается в порядке судьбы, явствует, как бессознательное может быть доведено до сознания. Поэтому вовсе неправы те, которые говорят об этом, временно бессознательном, как если бы оно должно было оставаться абсолютно в области неведомого, тем самым представляя собою некую границу познания. С каждым фактом, который открывается человеку в его судьбе, поднимает он до тех пор бессознательное в область сознания.

48. Благодаря такому осознанию мы замечаем, что ткань судьбы закладывается не в пределах жизни между рождением и смертью человека; вопрос судьбы приводит как раз к рассмотрению жизни между смертью и новым рождением.

49. Обсуждение того, как человеческое переживание отсылает за пределы самого себя в вопросе судьбы, поможет развить верное ощущение в отношении между чувственным и духовным. Кто созерцает действие судьбы в человеческом существе, тот находится уже внутри духовного. Ибо связи, устанавливаемые судьбой, не имеют в себе ничего природного.

50. Особенно важно указать, как оживляется рассмотрение исторической жизни человечества, если развивают сознание, что человеческие души сами

переносят результаты одной исторической эпохи в другую, двигаясь в своих повторных земных жизнях от эпохи к эпохе.

51. Против подобного рассмотрения легко будет возразить, что оно принимает историю элементарно и наивно. Но этот упрек несправедлив. Оно, скорее, углубляет взгляд на историческое, прослеживая его вплоть до самой глубины человеческого существа. История становится благодаря этому богаче и конкретнее, а вовсе не беднее и абстрактнее. Нужно только при ее изложении развить в себе сердечность и понимание живой человеческой дулю, в которую тогда можно глубже заглянуть.

52. Эпохи, переживаемые человеком в его жизни между смертью и новым рождением подлежат обсуждению в связи с образованием Кармы. Как должно трактоваться это образование Кармы, составит содержание дальнейших руководящих положений.

53. Развитие человеческой жизни между смертью и новым рождением совершается по следующим одна за другой ступеням. В течение немногих дней непосредственно после прохождения сквозь врата смерти обзревается в картинах минувшая земная жизнь. Этот обзор показывает вместе с тем отделение носителя этой жизни от духовно-душевного существа человека.

54. В течение времени, охватывающего около трети только что завершившейся земной жизни, человеческая душа в своих духовных переживаниях испытывает на себе то воздействие, какое должна оказать в смысле этически справедливого мирового порядка минувшая земная жизнь. Во время этого переживания рождается намерение образовать ближайшую земную жизнь для выравнивания предыдущей в соответствии с этим переживанием.

55. Затем следует длительная, чисто духовная эпоха бытия, в которой человеческая душа вместе с другими кармически связанными с ней человеческими душами и с Существами Высших Иерархий слагает в смысле кармы грядущую земную жизнь.

56. Эпоха бытия между смертью и новым рождением, в течение которой слагается карма человека, может быть изображена только на основании результатов духовного исследования. Но нужно всегда держать в сознании, что это изображение является ясным для разума. Ему стоит только непредвзято рассмотреть сущность действительности внешних чувств, как он обнаружит, что эта сущность так же указывает на духовное, как форма тела- на обитающую в нем жизнь.

57. Результаты духовной науки показывают, что человек между смертью и рождением так же принадлежит к духовным царствам, как между рождением и смертью он принадлежит трем царствам природы: минеральному, растительному и животному.

58. Минеральное царство можно познавать в данной в настоящее мгновение форме человека; растительное царство является в виде эфирного тела основой его становления и роста; животное царство является в виде астрального тела импульсом для развития ощущений и воли. Увенчание сознательной жизни ощущений и воли самосознающей жизнью духа делает связь человека с духовным миром непосредственно зримой.

59. Непредвзятое рассмотрение мышления показывает, что мысли обычного сознания не обладают собственным бытием, что они выступают лишь как

отражения чего-то. Но человек чувствует себя словно живущим в мыслях. Мысли не живут, но он живет в мыслях. Эта жизнь первоначально находится в духовных Существах, к которым можно обращаться (в духе моего "Тайноведения") как к Существам третьей Иерархии, как к некоему Царству Духа.

60. Расширение этого непредвзятого рассмотрения на чувствование указывает, что чувства поднимаются из организма, но что они не могут быть порождены им. Ибо их жизнь несет в себе независимую от организма сущность. Человек может чувствовать себя со своим организмом в мире природы. Но как раз тогда, когда он делает это, понимая самого себя, он будет чувствовать себя с миром своих чувств в некоем духовном Царстве. Это Царство второй Иерархии.

61. Как существо волевое, человек обращается не к своему организму, но к внешнему миру. Он не спрашивает себя, когда хочет пищи: "Что я ощущаю в своих ногах?", но: "Какова там, вовне, цель, к которой я хочу прийти?" Он забывает о своем организме, когда он водит. В своей воле он не принадлежит к своей природе. Он принадлежит к духовному Царству первой Иерархии.

НЕЧТО О ПОНИМАНИИ ДУХА И О ПЕРЕЖИВАНИИ СУДЬБЫ

В сообщения и рассмотрения, адресованные к членам Общества, должно на этот раз влиться нечто такое, что может придать мыслям относительно этих руководящих положений дальнейшее направление.

Непрестанное обращение человеческой души к связи между человеком и окружающим миром может содействовать пониманию антропософского познания.

Если человек направляет внимание на мир, в который он вступает при рождении и из которого он уходит со смертью, то он, прежде всего, имеет вокруг себя изобилие внешнечувственных впечатлений. Он размышляет об этих впечатлениях внешних чувств.

Внося такую мысль в свое сознание: "Я размышляю о том, что мои внешние чувства являют мне как окружающий мир", человек может уже приступить к самосозерцанию. Он может сказать себе: в моих мыслях живу Я. Мир дает мне побуждение пережить в мыслях меня самого. Я нахожу себя в своих мыслях, рассматривая мир.

Продолжая так размышлять, человек утрачивает мир из сознания; и в это последнее вступает «Я». Он перестает представлять мир; он начинает переживать самого себя.

Если, наоборот, внимание направляется на то внутреннее, в котором отражается мир, тогда в сознании всплывают события жизненной судьбы, в которые излилось человеческое «Я» с того момента времени, как себя вспоминают. Переживают собственное существование вследствие этих переживаний своей судьбы.

Внося в свое сознание: "Я имел в себе некое переживание своей судьбы", можно приступить к рассмотрению мира. Можно сказать себе: в моей судьбе я был не одинок: мир вторгался в мое переживание. Я хотел того или иного; в мою волю проник мир. Я нахожу мир в своей воле, в то время как я переживаю эту волю через самосозерцание.

Продолжая так вживаться в собственное «Я», человек утрачивает это «Я» из сознания; в это последнее вступает мир. Человек перестает переживать свое «Я»; в том, что он прочувствовал, он начинает обнаруживать мир.

Я мыслю о внешнем мире, тогда я нахожу себя; я погружаюсь в себя самого, тогда я нахожу мир. Если человек это ощущает достаточно сильно, то он стоит внутри загадки мира и загадки человека.

Ибо чувствовать: прилагаешь все усилия мышления, чтобы постигнуть мир, и все же наталкиваешься в этом мышлении на самого себя, - это значит задать первую мировую загадку.

Если же чувствовать себя формируемым в своем «Я» судьбой и в этом формировании ощутить поток мирового свершения, то это теснит ко второй мировой загадке.

В переживании этих мировой и человеческой загадок зарождается тот душевный строй, при котором человек может так встретить антропософию, что он получит от нее в глубине души впечатление, привлекающее его внимание.

Ибо антропософия делает действенным некое духовное переживание, при котором можно жить в мышлении, не утрачивая в мышлении мир. Она

указывает в медитировании на такое внутреннее переживание, когда, не утрачивая в мышлении мир внешних чувств, достигают духовного мира. Вместо того, чтобы проникать в «Я», в котором чувствуют тонущим мир внешних чувств, проникают в духовный мир, где чувствуют «Я» окрепшим.

Дальше антропософия показывает, что существует переживание судьбы, в котором не утрачивают свое «Я». Так что можно пережить самого себя, как действующего в судьбе. Антропософия указывает в не эгоистическом наблюдении на такое переживание человеческой судьбы, когда учатся любить не только собственное существование, но и мир. Вместо того чтобы оцепенело смотреть в мир, несущий на своих волнах в смене счастья и несчастья человеческое «Я», обретают то «Я», которое, воля, образует собственную судьбу. Вместо того, чтобы наталкиваться на мир, о который разбивается человеческое «Я», проникают в «Я», которое чувствует себя связанным с мировым свершением.

Судьба человека подготавливается из того мира, который ему являют его внешние чувства. Если он находит свою собственную действительность в управлении своей судьбой, то тогда его «Я» сущностно восходит не только из глубины его собственной души, но оно выступает ему навстречу также из мира внешних чувств.

Если можно даже немного ощутить, как мир появляется в «Я» в виде духовного мира и как «Я» обнаруживает себя в мире внешних чувств действующим «Я», то уже пребывают в верном понимании антропософии.

Ибо тогда будут развивать в себе некое чувство для того, что в антропософии можно описать как мир духа, охватываемый «Я». И из этого чувства развивается также понимание того, что в мире внешних чувств «Я» может быть найдено человеком еще иным образом, чем посредством погружения внутрь самого себя. Антропософия отыскивает человеческое «Я», показывая, что из мира внешних чувств человеку открываются не только чувственные восприятия, но также и последствия, действующие из его предземного существования и его прежних земных жизней.

И вот, человек может направить взор на мир внешних чувств и сказать: тут, ведь, есть не только цвет, звук, тепло; тут действуют также переживания, испытанные душами прежде их нынешнего земного существования. И человек может заглянуть внутрь самого себя и сказать: тут есть не только мое «Я», тут открывается духовный мир.

В таком понимании человек, затронутый мировой и человеческой загадками, находится рядом с Посвященным, который в своих прозрениях должен так говорить о мире внешних чувств, как если бы из него возвещали о себе не только чувственные восприятия, но также и впечатления о том, что свершили человеческие души в предземном бытии и в прошлых земных жизнях; и который о внутреннем мире «Я» должен сказать, что этот мир являет духовные связи, столь же впечатляющие и действенные, как восприятия мира внешних чувств.

Члены Общества, желающие быть деятельными, должны сознательно сделать себя посредниками между тем, что чувствует человеческая душа, вопрошающая о мировой и человеческой загадках, и тем, что должно сказать познание

Посвященных, когда оно извлекает из человеческих судеб мир прошлого и когда оно силою душевного укрепления раскрывает восприятие духовного мира.

Так Антропософское общество благодаря работе своих членов, желающих быть деятельными, становится настоящей подготовительной ступенью для Школы Посвящения. На это хотело с силой указать Рождественское собрание; и кто верно понимает это собрание, тот будет двигаться дальше, следуя этому указанию до тех пор, пока достаточное понимание его не поставит опять перед Обществом новые задачи. Дальнейшие руководящие положения будут написаны в духе этих указаний.

Антропософские руководящие положения как данные Гетеанумом побуждения

62. Чувственный мир выносит в чувственных восприятиях на поверхность только часть своего существа, которое он скрывает в глубинах своих волн. При проникающем, сообразном Духу наблюдении чувственный мир обнаруживает в этих глубинах последствия того, что совершили человеческие души еще в давно прошедшие времена.

63. Внутренний мир человека открывает обычному самонаблюдению только часть того, внутри чего он находится. При окрепшем переживании этот внутренний мир обнаруживает себя внутри духовно-живой действительности.

64. В судьбе человека открывается не только деятельность внешнего мира, но также и деятельность собственного «Я».

65. В переживаниях человеческой души открывается не только «Я», но и мир духа, который «Я» при сообразном духу познании может сознать связанным со своей собственной сущностью.

Дальнейшие руководящие положения, данные Гетеанумом Антропософскому обществу

66. Существа третьей Иерархии обнаруживают себя в жизни, которая достигает проявления в человеческом мышлении как некий духовный фон. Жизнь эта укрывается в человеческой мыслительной деятельности. Если бы она продолжала действовать в мыслительной деятельности как самостоятельное бытие, то человек не смог бы прийти к свободе. Там где прекращается космическая мыслительная деятельность, там начинается человеческая мыслительная деятельность.

67. Существа второй Иерархии обнаруживают себя во вне-человеческом душевном, которое украшается в человеческом чувствовании как космически-душевное свершение. Это космически-душевное творит на заднем плане человеческого чувствования. Оно слагает сущностное в человеке в организм чувств, прежде чем в нем самом может жить чувствование.

68. Существа первой Иерархии обнаруживают себя во вне-человеческом духовном творчестве, которое присуще человеческой воле как мир космических душевных существ. Это космически-духовное переживает творчески само себя, когда человек волит. Оно образует связь человеческого сущностного с вне-человеческим миром, прежде чем человек благодаря организму своей воли становится свободно-волящим существом.

ДУХОВНЫЕ МИРОВЫЕ СФЕРЫ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ САМОПОЗНАНИЕ

Руководящие положения, которые в эти недели были разосланы из Гетеанума членам Антропософского общества, направляют взор души к Существам духовных царств, с которыми человек - в направлении ввысь - так же связан, как - в направлении вниз - с природными царствами.

Действительное самопознание человека может стать его проводником в эти духовные царства. И если в верном смысле стремятся к такому самопознанию, тогда в нем открывается понимание того, что сообщает в виде познаний антропософия, исходя из прозрения в жизнь духовного мира. Надо только практиковать это самопознание в истинном чувстве, а не в одном только взглядывании в свой "внутренний мир".

При таком действительном самопознании находят прежде всего то, что живет в воспоминании. В мыслительных образах вызывают, поднимая в сознание, тени того, в чем находились в прошлом, переживая тогда непосредственный жизненный опыт. Кто видит некую тень, тот испытывает внутренний порыв обратиться в мышлении к тому предмету, который отбрасывает тень. Кто несет в себе какое-либо воспоминание, тот не может таким непосредственным образом направить душевный взор на переживание, которое продолжает оказывать свое действие в воспоминании. Но если он действительно размышляет о своем собственном бытии, тогда он должен сказать себе; он сам, сообразно своему душевному существу, есть то самое, что сделали из него те переживания, которые отбрасывают свои тени в воспоминании. В сознании выступают тени-воспоминания; в душевном бытии светит то, что в воспоминании дает тень. Мертвая тень присутствует в воспоминании; полное жизни бытие есть в той душе, в которой действует воспоминание.

Надо только уяснить себе это отношение воспоминания к истинной душевной жизни; и в этом стремлении к ясности в самопознании ощутить себя находящимся на пути в духовный мир.

Через воспоминание взирают на духовное собственной души. Для обычного сознания это восприятие воспоминания не приходит к действительному постижению того, на что направлен взор. Смотрят на нечто, но взгляд не встречает никакой реальности. Антропософия, исходя из имажинативного познания, указывает на эту реальность. Она отсылает от теневого к светящемуся. Она делает это, говоря об эфирном теле человека. Она показывает как в мыслях-теньях, в образах-теньях действует физическое тело, но как в светящемся живет эфирное тело.

С физическим телом человек находится в мире внешних чувств; с эфирным телом он находится в эфирном мире. В мире внешних чувств он имеет некую окружающую среду; окружающую его среду имеет он также в эфирном мире. Антропософия говорит об этой, окружающей там человека среде как о первом сокрытом мире, в котором пребывает человек. Это есть царство третьей Иерархии.

Приблизимся теперь к речи тем же способом, каким подступали к воспоминанию. Она, подобно воспоминанию, проистекает из внутреннего мира человека. В речи человек связывает себя с неким бытием, подобно тому, как в

воспоминании он связывает себя со своими собственными переживаниями. В слове также живет нечто дающее тень. Оно сильнее, чем дающее тень мыслей-воспоминаний. Человек, внутренне оттеняя в воспоминании свои переживания, сам со своим собственным сокрытым «Я» действует во всем этом процессе. Он есть в том, что как светящееся отбрасывает тень.

В речи также заключается отбрасывание теней. Слова суть тени. Что же тут светит? И светит сильнее, ибо слова суть более глубокие тени, чем мысли-воспоминания. То, что в человеческом «Я» может в ходе земной жизни создавать воспоминания, слова творить не может. Слову человек должен учиться в общении с другими людьми. В этом должно принимать участие более глубоко лежащее в человеке существо, чем то, которое отбрасывает тени в воспоминании. Антропософия, исходя из инспиративного познания, говорит об астральном теле, подобно тому, как в отношении воспоминания она говорит об эфирном теле. К физическому телу и к эфирному присоединяется астральное тело как третий член человеческого существа.

Но также и этот третий член имеет некую окружающую его мировую среду. Это есть среда второй Иерархии. В человеческой речи дан теневой образ этой второй Иерархии. Человек со своим астральным телом живет внутри сферы этой Иерархии.

Можно пойти дальше. В произнесении речи человек участвует частью своего существа. Говоря, он приводит в движение глубины своей души. То, что объемлет эти глубины, само остается в покое. Речевое движение извлекается из остающегося спокойным человеческого существа. Но весь человек приходит в движение, когда он приводит в действие то, что у него есть как конечности. В этом движении человек не менее выражает себя, чем в воспоминании и в речи. Воспоминание есть выражение пережитого; и речь имеет свою сущность в том, что она есть выражение чего-то. Так и движениями всего своего существа человек "нечто" выражает.

То, что выражает себя, таким образом, обнаруживается антропософией как следующий член человеческого существа. Исходя из интуитивного познания, антропософия говорит о том, что есть "истинное само" человека, или «Я». Также и для него находит она некую окружающую его мировую среду. Это есть среда первой Иерархии.

Когда человек подступает к своим мыслям-воспоминаниям, то его встречает первое сверхчувственное, а именно его собственное эфирное существо. Антропософия указывает ему на соответствующую мировую среду. Когда человек постигает себя, как произносящего слова, его встречает его астральное существо. Это последнее больше не постигается в том, что действует лишь внутренне как воспоминание. Оно становится созерцаемым через инспирацию как, то самое, что, исходя из духовного, формирует при произнесении слов физический процесс. Произнесение слов есть некий физический процесс. В нем осуществляет себя творчество из сферы второй Иерархии.

Когда же человек движется весь, то в нем имеет место более интенсивное физическое действие, чем при произнесении слов. Происходит формообразование не чего-то одного в человеке, но испытывает формообразование весь человек в целом. Тут в физическом, которое тклет, творя форму, действует первая Иерархия.

Так может практиковаться действительное самопознание человеческого существа. Но при этом человек постигает не одно только собственное «Я». Ступень за ступенью постигает он члены своего существа: физическое тело, эфирное тело, астральное тело, «Я». Но постигая их, он при этом ступень за ступенью приближается к Высшим Мирам, которые, как и три царства Природы - животное, растительное, минеральное - принадлежат, будучи тремя духовными царствами, к Миру в целом, в котором происходит развитие человеческого существа.

Дальнейшие руководящие положения, данные Гетеанумом Антропософскому обществу

69. Третья Иерархия открывается как чисто духовно-душевное. Она тклет в том, что человек на душевный лад переживает совсем внутренне. Ни в эфирном, ни в физическом не могло бы возникнуть никаких процессов, если бы действовала одна эта Иерархия. Было бы одно душевное.

70. Вторая Иерархия открывается как духовно-душевное, действующее в эфирном. Все эфирное есть откровение второй Иерархии. Но она не открывается непосредственно в физическом. Ее сила достигает лишь эфирных процессов. Существовало бы лишь душевное и эфирное, если бы действовали только вторая и третья Иерархии.

71. Самая могущественная, первая Иерархия открывается как духовно действующее в физическом. Она слагает физический мир в Космос. При этом третья и вторая Иерархии являются несущими служение Существами.

72. Как только подходят к высшим членам человеческого существа: к эфирному и астральному телу и к «Я»-организации, необходимо искать отношение человека к Существам духовных царств. Три физических царства природы могут осветить только физическую телесную организацию.

73. В эфирном теле к существу человека присоединяется разум Космоса. То, что это может произойти; предполагает деятельность мировых Существ, которые своим совместным деянием так формируют человеческое эфирное тело, как физические силы - тело физическое.

74. В астральном теле духовный мир напечатлевает человеческому существу моральные импульсы. То, что они могут переживаться в человеческой организации, зависит от деятельности таких Существ, которые не только мыслят духовное, но и могут сущностно слагать его.

75. В организации «Я» человек в физическом теле переживает себя как духа. Для того чтобы это могло происходить, необходима деятельность Существ, которые сами живут в физическом мире как духовные Существа.

КАК МОЖНО ПРИМЕНЯТЬ РУКОВОДЯЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

В этих Руководящих положениях, которые представлены Гетеанумом, должно быть дано побуждение для желающих быть деятельными членов Антропософского общества сформировать воедино содержание антропософской работы. Найдут, если обращаются к этим положениям еженедельно, что они дают некое руководство для углубления в имеющийся материал циклов и для приведения его в определенный порядок на собраниях отделений Общества.

Конечно, было бы вообще желательно, чтобы еженедельно, когда в Дорнахе делаются доклады, их можно было бы сразу рассылать по всем направлениям для отделений Общества. Только надо было бы подумать также и о том, как это сложно организовать технически. Конечно, со стороны Правления при Гетеануме будут стремиться делать в этом направлении все возможное. Но надо считаться с существующими возможностями. Намерения, которые были высказаны на Рождественском собрании, будут осуществляться. Но нам нужно время.

Пока что преимуществом обладают отделения, имеющие в своем составе членов, которые посещают Гетеанум, слушают здесь доклады и могут приводить их содержание на собраниях отделений. И отделения должны были бы осознать, что отправление таких их сочленов в Гетеанум есть благое дело. Но не надо было бы также слишком недооценивать ту работу, которая уже совершена в Антропософском обществе и представлена в напечатанных циклах и отдельных докладах. Кто проводит работу над этими циклами, вспоминает по их заглавиям, какой материал содержится в том или другом из них, а затем приступает к Руководящим положениям, тот обнаружит, что в одном цикле он находит одно, а в другом - другое, и все это дальше развивает то или иное Руководящее положение. Из совместного прочтения того, что стоит разьединенным в отдельных циклах, могут быть обреты те точки зрения, исходя из которых можно говорить, опираясь на Руководящие положения.

Мы действуем в Антропософском обществе как настоящие расточители, если мы совершенно не пользуемся напечатанными циклами и всегда желаем из Гетеанума получать только "самое новое". И также легко понять, что постепенно должна была бы прекратиться всякая возможность печатать циклы, если бы их эффективно не использовали.

Надо принять в соображение еще одну точку зрения. При распространении содержания антропософии необходимы, прежде всего, добросовестность и чувство ответственности. То, что говорится о духовном мире, надо довести до такой формы, чтобы даваемые образы духовных фактов и Существ не стали бы предметом недоразумений. Кто слушает доклад в Гетеануме, тот может иметь непосредственное впечатление. Если он передает его содержание, в нем еще может звучать это впечатление, и он в состоянии так формулировать факты, что они могут быть верно поняты. Но если посредником оказывается второе, третье лицо, то все большей становится вероятность того, что вкрадутся неточности. Все эти вещи надо было бы продумать.

И есть еще следующая, пожалуй, самая важная точка зрения. Дело, ведь, не в том, чтобы содержание антропософии было бы лишь внешне услышано или прочитано, но дело в том, чтобы оно было живым образом воспринято в

существо души. В дальнейшем продумывании, прочувствовании воспринятого и заключается существенное. Но к этому как раз и должны побуждать Руководящие положения в отношении уже имеющихся напечатанных циклов. Если эта точка зрения не будет достаточно принята во внимание, тогда в дальнейшем постоянно будет недоставать того, чтобы сущность антропософии могла бы открываться через Антропософское общество. Только с кажущимся правом говорят:

"Какая мне польза в том, чтобы столько слышать о духовных мирах, если я сам не могу смотреть в такие миры". При этом не принимают во внимание того, что как раз способствуют этому видению, если мыслят о переработке содержания антропософии, как это указано здесь. Доклады в Гетеануме читаются таким образом, что их содержание может потом жизненно и свободно действовать дальше в душах слушателей. Также обстоит и с содержанием циклов. Это не мертвый материал для чисто внешнего сообщения; это материал, взятый с различных точек зрения, и он побуждает к видению в духовных мирах. Не следовало бы думать: содержанию докладов я внимаю, познание же духовного мира я обретаю посредством медитаций. Так не двинешься дальше в истинном смысле. В душе должно совместно действовать и то, и другое. И продолжающееся переживание в мыслях и в чувствах антропософского содержания также есть душевное упражнение. Созерцая, вживаются в духовный мир, когда обращаются с этим материалом так, как здесь сказано.

Однако именно в Антропософском обществе слишком мало обращается внимание на то, что антропософия должна быть не тусклой теорией, но истинной - жизнью. Истинная жизнь в ней - ее сущность; и если ее делают тусклой теорией, тогда она часто бывает не лучшей, но худшей среди других теорий. Но она только тогда становится теорией, когда ее таковою делают, когда ее убивают. Еще слишком мало замечается то, что антропософия есть не только другое мировоззрение, но что она также по-иному должна быть воспринята. Ее сущность распознают и переживают только при этом ином способе восприятия.

Гетеанум надо было бы рассматривать как необходимое средоточие антропософской работы и творчества; но нельзя было бы упускать из виду того, чтобы антропософскому материалу, выработанному в отделениях Общества, также находить применение. То, что делается в Гетеануме, - это может мало-помалу иметь в полном жизненном смысле все Антропософское общество, если как можно большее число его членов, исходя из жизни его отделений, сами приходят к Гетеануму и принимают участие в его жизненном творчестве в той мере, в какой это им возможно. Однако все это надо устраивать из внутренней жизни; это невозможно сделать внешним "сообщением" содержания за каждую неделю. Правлению при Гетеануме требуется время, а у членов Общества должно найтись понимание. Тогда Правление сможет действовать в духе Рождественского собрания.

Дальнейшие руководящие положения, данные Гетеанумом Антропософскому обществу.

76. Если хотят вызвать представление о первой Иерархии (Серафимы, Херувимы и Престолы), то надо будет стараться создавать такие образы, в которых духовное (зримое лишь сверхчувственно) открывается действующим в

формах, проявляющихся во внешнечувственном мире. Содержанием мыслей о первой Иерархии должно быть духовное в образности, доступной внешним чувствам.

77. Если хотят вызвать представление о второй Иерархии (Господства, Силы, Власти), то надо будет стараться создавать образы, в которых духовное раскрывается не в формах, воспринимаемых внешними чувствами, а совершенно духовно. Духовное в образности, воспринимаемой не внешними чувствами, а совершенно духовно, должно быть содержанием мыслей во второй Иерархии.

78. Если хотят вызвать представление о третьей Иерархии (Архаи, Архангелы, Ангелы), то надо стараться создавать образы, в которых духовное открывается не в формах, воспринимаемых внешними чувствами, но и не полностью духовно, а так, как мышление, чувство и воля переживают себя в человеческой душе. Содержанием мыслей о третьей Иерархии должно быть духовное в душевной образности.

В НАЧАЛЕ ЭПОХИ МИХАИЛА

Вплоть до IX века после Мистерии Голгофы человек стоял в ином отношении к своим мыслям, чем позднее. Он не имел ощущения, что он сам производит мысли, живущие в его душе. Он рассматривал их как некие внушения духовного мира. Также и тогда, когда он имел мысли о том, что он воспринимал своими внешними чувствами, мысли были для него откровениями божественного, говорящего ему из чувственных предметов.

Это ощущение понятно тому, кто обладает духовным видением. Ибо когда духовно реальное передается душе, никогда не бывает чувства: вот - духовное восприятие, и ты сам образуешь мысль, чтобы понять это восприятие; но лицезреют мысль, содержащуюся в восприятии и данную вместе с ним столь же объективно, как само восприятие.

С наступлением IX века (само собой разумеется, что здесь указано на некую среднюю дату; переход совершается совсем незаметно) в человеческих душах воссияло лично-индивидуальное разумение. Человек получил чувство: я образую мысли. И это образование мыслей стало господствующим в душевной жизни, так что мыслители стали усматривать сущность человеческой души в разумном образе действия. А прежде о душе имели имажинативное представление; усматривали ее сущность не в образовании мыслей, но в ее причастности к духовному содержанию мира. Сверхчувственных духовных существ представляли себе мыслящими; и их деяние проникает в человека; они мыслят также и в нем. То, что, таким образом, из сверхчувственного духовного мира живет в человеке, ощущали как душу.

Как только поднимаются со способностью восприятия в духовный мир, встречаются с конкретными духовными Силами как Сущностями. В древних учениях ту силу, из которой проистекают мысли, имеющиеся в вещах мира, обозначали именем Михаил. Это имя может быть сохранено. Тогда можно сказать: люди некогда воспринимали мысли от Михаила. Михаил правил космическим разумом (intelligenz). Начиная с IX века, люди перестали ощущать, что Михаил инспирирует им мысли. Мысли выпали из области его господства; они выпали из духовного мира в индивидуальные человеческие души.

В человечестве с тех пор стала развиваться мыслительная жизнь. Люди сперва были не уверены в том, что они имеют в мыслях. Эта неуверенность жила в учениях схоластики. Схоластики разделились на реалистов и номиналистов. Реалисты, во главе которых были Фома Аквинский и близкие к нему мыслители, еще чувствовали древнюю сопринадлежность мысли и вещи. Поэтому они видели в мыслях нечто реальное, живущее в вещах. Мысли человека они рассматривали как нечто такое, что как действительность перетекает из вещей в душу. Номиналисты сильно переживали тот факт, что душа образует свои мысли. Они ощущали мысли как нечто лишь субъективное, живущее в душе и не имеющее никакого отношения к вещи. Они думали: мысли суть всего лишь имена, составленные человеком для вещей. (Тогда говорили не о "мыслях", а об "универсалиях"; но это не имеет принципиального значения, ибо мысли, ведь, всегда имеют в себе нечто универсальное по сравнению с отдельными вещами).

Можно сказать: реалисты хотели сохранить верность Михаилу; также и тогда, когда мысли выпали из сферы Михаила в человеческую сферу, они хотели

будучи мыслителями служить Михаилу как правителю разума Космоса. Номиналисты же в бессознательной части своей души отпали от Михаила. Они стали считать, что не Михаил, а человек владеет мыслями.

Номинализм выиграл в распространении и во влиянии. Так могло продолжаться до последней трети XIX века. В это время те люди, которые ориентировались в восприятиях духовных свершений внутри Вселенной, ощутили, что Михаил двинулся вслед за потоком интеллектуальной жизни. Он отыскивает новую метаморфозу своей космической задачи. Прежде он из духовного внешнего мира давал втекать мыслям в души людей; начиная же с последней трети XIX века, он хочет жить в тех человеческих душах, в которых образуются мысли. Раньше люди, родственные Михаилу, лицеизли Михаила развешивающим свою деятельность в духовной сфере; теперь же они обретают познание того, что они должны дать Михаилу жить в сердце; теперь они посвящают ему свою несомую мыслями духовную жизнь; теперь они- в свободной, индивидуальной мыслительной жизни- побуждают себя учиться у Михаила тому, каковы суть верные пути души.

Те люди, которые в их прошлой земной жизни пребывали в инспирируемой сущности мыслей, то есть были служителями Михаила, чувствовали себя в конце XIX века, когда они опять вступили в земную жизнь, стремящимися образовать некое добровольное Михаилическое сообщество. Отныне они рассматривали своего давнего Инспиратора мыслей как проводника к высшей мыслительной сущности.

Кто умеет обращать внимание на такие вещи, тот мог бы узнать, что за переворот в отношении мыслительной жизни людей совершился в последней трети XIX века. Прежде человек мог чувствовать лишь то, как формировались мысли из его существа; с указанного периода времени он может подняться над своим существом; он может направить способность восприятия и постижения в духовный мир; там навстречу ему выступает Михаил и являет себя, как издревле родственно связанного со всем творением мыслей. Михаил освобождает мысли из области головы; он расчищает им путь к сердцу; он освобождает воодушевление из сферы эмоций, так что человек с душевным самоотвержением может жить во всем том, что позволяет приблизиться к себе в свете мысли. Эпоха Михаила началась. Сердца начинают иметь мысли; воодушевление изливает больше не мистический мрак, но несомую мыслями душевную ясность. Понять это, значит принять Михаила в область своих жизненных сил. Мысли, которые ныне устремлены к постижению Духовного, должны рождаться из тех сердец, которые бьются для Михаила как пламенного правителя мыслей Вселенной.

Дальнейшие руководящие положения, данные Гетеанумом Антропософскому обществу

79. К третьей Иерархии (Архаи, Архангелы, Ангелы) можно духовно подступить тогда, когда узнают мышление, чувствование и воление, таким образом, что в них обнаруживают действующее в душе духовное. Мышление дает пока лишь некие образы, а не реальное в мире. Чувствование тклет в этой образности; оно говорит о чем-то реальном в человеке, но не может его изжить. Воление раскрывает новую действительность, которая предполагает тело, но не

участвует сознательно в его образовании. Сущностное, которое живет в мышлении, чтобы сделать тело основой этого мышления; сущностное, которое живет в чувствовании, чтобы сделать тело сопереживающим реальность; сущностное, которое живет в волеии, чтобы участвовать сознательно в образовании тела, - все это живет в третьей Иерархии.

80. Ко второй Иерархии (Власти, Силы, Господства) можно духовно подступить, если увидеть природные факты как явления живущего в них духовного. Тогда вторая Иерархия имеет своим местопребыванием природу, чтобы через природу оказать свое действие на души людей.

81. К первой Иерархии (Серафимы, Херувимы, Престолы) можно духовно подступить, если увидеть существующие в природном и в человеческом царствах факты как деяния (творения) действующего в них духовного. Тогда первая Иерархия проявляет себя в действиях природного и человеческого царств.

Дальнейшие руководящие положения, данные Гетеанумом Антропософскому обществу

82. Человек поднимает свой взор к звездным мирам; то, что там преподносится его внешним чувствам, суть лишь внешние откровения тех духовных Существ и их деяний, о которых говорилось в предыдущих рассматриваниях как о Существах духовных царств (о Иерархиях).

83. Земля есть место действия трех царств мира природы и человеческого царства, поскольку они открывают внешнюю чувственную видимость деятельности духовных существ.

84. Силы, воздействующие со стороны духовных Существ на земные царства природы и на царство человеческое, раскрываются человеческому духу через истинное, сообразное с духом познание звездных миров.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ДУШЕВНЫЙ СКЛАД ПЕРЕД НАЧАЛОМ ЭПОХИ МИХАИЛА

Сегодня тут надо включить одно рассмотрение, примыкающее к идеям, изложенным в статье "У начала эпохи Михаила". Эта эпоха Михаила восходит в развитии человечества после предыдущего господства интеллектуального образования мыслей с одной стороны и человеческого способа видения, направленного на мир внешних чувств - на физический мир, с другой стороны.

Образование мыслей по своей собственной сущности не есть развитие в материалистическом направлении. То, что в древние эпохи подступало к человеку в инспирации - мир идей, стало во время, предшествовавшее эпохе Михаила, собственностью человеческой души. Она больше не получает идеи "свыше", из духовного содержания Космоса; она активно извлекает их из собственной духовности человека. Тем самым человек созрел для того, чтобы поразмыслить о собственной духовной сущности. Прежде он не достигал этой глубины собственного существа. Он видел в себе, до известной степени, каплю, выделившуюся из моря космической духовности дня земной жизни, чтобы после нее опять соединиться с космической духовностью.

Образование мыслей, происходящее в человеке, является шагом вперед в человеческом самопознании. Положение вещей при созерцании на сверхчувственном плане представляется таким.- Духовные силы, которые можно обозначить именем Михаила, управляли в духовном Космосе идеями. Человек переживал эти идеи, участвуя своей душой в жизни Михаилического мира. Ныне это переживание стало его собственностью. Из-за этого наступило временное отделение человека от Михаилического мира. Вместе с инспирированными мыслями прежних времен человек одновременно получал духовное содержание мира. В то время как эта инспирация прекратилась, и человек образует мысли посредством собственной деятельности, его внимание направляется на восприятие внешних чувств, чтобы иметь некое содержание для этих мыслей. Так человек должен был обретенную духовность сперва наполнить материальным содержанием. Он подпал материалистическому воззрению в ту эпоху, которая подняла его собственное духовное существо на более высокую ступень, чем предшествовавшие эпохи.

Это легко можно недооценить; можно заметить лишь одно "падение" в материализм и затем горевать об этом. Но в то время как видение этой эпохи должно было ограничиться внешним физическим миром, внутри души развертывалась в виде переживания очищенная в самой себе существующая духовность человека. И вот, эта духовность с наступлением эпохи Михаила не должна больше оставаться бессознательным переживанием, но должна стать сознающей себя в своем своеобразии. Это означает вступление Михайловой сущности в человеческую душу. Человек в течение известного времени наполнял собственное духовное природно-материальным; он должен снова наполнить его исконной духовностью как космическим содержанием.

Некоторое время образование мыслей утрачивало себя в материи Космоса; оно должно снова обрести себя в космическом духе. В холодный абстрактный мир мыслей может войти тепло, может вступить исполненная сущностного духовная реальность. Это и есть начало эпохи Михаила.

Только при отделении от мыслительной сущности мира могло вырасти в глубинах человеческой души сознание свободы. То, что приходило с вышей, должно было быть снова обретено из глубин. Поэтому развитие этого сознания свободы было связано, прежде всего, с естествознанием, направленным на внешнее. В то время как человек внутри своего духа бессознательно дорабатывался до чистоты идей, его внешние чувства были направлены во внешнем мире лишь на материальное, которое ни в коей мере не вторгалось, препятствуя правильному развитию, в то, что сперва словно нежный зачаток засияло в душе.

Однако в это видение внешнего материального опять может войти в новом роде переживание Духовного и вместе с тем духовное видение. То, что под знаком материализма было достигнуто в естествознании, может быть сообразным духу способом охвачено во внутренней жизни души. Михаил, который гласил "свыше", может быть услышанным "из глубины души", где он устроит себе новую обитель. Обращаясь к более имажинативной речи, это можно выразить так: то Солнечное, что человек в течение долгих времен воспринимал в себя лишь из Космоса, станет сияющим в глубине души. Человек будет учиться говорить о некоем "внутреннем Солнце". В своей жизни между рождением и смертью он будет, поэтому не меньше знать себя как земное существо; но он познает свое собственное, странствующее по Земле существо как ведомое Солнцем. Он научится ощущать как истину то, что его самого внутри души освещает некая сущность таким образом, что этот свет, правда, светит в земное бытие, но зажигается не здесь. Пусть в начале эпохи Михаила кажется еще, что это все очень далеко отстоит от человечества; однако, "в духе" это близко; это надо лишь "увидеть". От того факта, что человеческие идеи не только остаются "мыслящими", но становятся в мышлении "видящими", зависит неизмеримо много¹.

Дальнейшие руководящие положения, данные Гетеанумом Антропософскому обществу

85. Прежде всего, в бодрственном дневном сознании переживает себя человек в настоящей мировой эпохе. Это закрывает от него то, что во время его бодрствования в его переживании присутствует третья Иерархия.

86. В сновидческом сознании человек хаотически переживает собственное существо, дисгармонично связанное с духовным существом мира. Если сновидческому сознанию противостоит как его другой полюс имажинативное сознание, то человек замечает, что тут, в его переживании присутствует вторая Иерархия.

87. В лишенном сновидений сонном сознании человек, не имея собственного сознания, переживает собственное существо соединенным с духовным существом мира. Если такому сонному сознанию противостоит как его другой полюс инспиративное сознание, то человек замечает, что в его переживании присутствует первая Иерархия.

АФОРИЗМЫ ИЗ ДОКЛАДА. ПРОЧИТАННОГО ЧЛЕНАМ ОБЩЕСТВА В ЛОНДОНЕ 24 АВГУСТА

На современной мировой стадии своей эволюции человеческое сознание развивает три формы: бодрственное сознание, сновидческое сознание и лишенное сновидений сознание сна.

Бодрственное сознание переживает мир внешних чувств, составляет о нем идеи и может, исходя из этих идей, образовать такие, какие отображают чисто духовный мир. Сновидческое сознание развертывает образы, переформирующие внешний мир; например. Солнце, светящее на кровать, связывается в сновидении с пожаром, переживаемым во многих подробностях. Или сновидческое сознание ставит перед душой в символических образах человеческий внутренний мир, например, сильно стучащее сердце - в образе слишком жарко натопленной печки. Также и воспоминания - в преобразованном виде - оживают в сновидческом сознании. К этому присоединяются содержания таких образов, которые заимствованы не из мира внешних чувств, а из духовного мира, но которые не предоставляют возможности, познавая, проникать в духовный мир; потому что их сумеречное бытие не позволяет им полностью подняться в бодрственное сознание, и потому что разыгрывающееся в них не может быть схвачено в его истине.

Однако возможно непосредственно при пробуждении столь много захватить с собой из мира сновидений,³ что обнаруживают: этот мир сновидений есть несовершенное отображение, некоего духовного переживания, наполняющего собой сон, но в своей наибольшей части ускользающего от бодрственного сознания. Для того, чтобы в этом убедиться, надо только так провести момент пробуждения, чтобы не сразу вызвать перед душой мир внешних чувств, но чтобы душа чувствовала себя, еще не глядя вовне, отдавшейся внутренне пережитому.

Сознание сна, лишенного сновидений, дает душе пройти через такие переживания, которые в воспоминании появляются лишь как совсем неразличаемое единообразие наполненности временем. Об этих переживаниях можно говорить, как о чем-то несуществующем до тех пор, пока в них не проникают посредством духовнонаучного исследования. Но если это происходит, если развивают (путем, описанным в антропософской литературе) имажинативное и инспиративное сознание, тогда из тьмы сна выступают образы и инспирации переживаний более раннего бытия Земли. И тогда можно обозреть также содержание сновидческого сознания. Это содержание, неохватываемое бодрственным сознанием, указывает на тот мир, в котором человек пребывает как невоплощенная душа между двумя земными жизнями.

Если узнают то, что в современную фазу мирового развития скрывают в себе сновидческое сознание и сознание сна, лишенного сновидений, тогда открывается путь к формам развития человеческого сознания в древнем мире. Этого во всяком случае не достигнуть посредством внешнего исследования. Ибо сохранившиеся внешние свидетельства несут лишь следы доисторических переживаний человеческого сознания. Антропософская литература разъясняет, как посредством духовного исследования можно достичь созерцания таких переживаний.

Это исследование находит во времена Древнего Египта такое сновидческое сознание, которое стоит гораздо ближе к бодрственному сознанию, чем это имеет место у нынешнего человека. Сновидческие переживания излучались на путях памяти в бодрственное сознание; а это последнее доставляло не только схватываемое в четко оконтуренных мыслях впечатления внешних чувств, но также и связанное с этими впечатлениями духовное, действующее в мире внешних чувств. Благодаря этому человек тогда инстинктивно находился со своим сознанием внутри того мира, который он оставил при своем земном воплощении и в который он опять вступит, пройдя через врата смерти.

Сохранившиеся памятники письменности, а также и другие свидетельства дают тому, кто может непредвзято проникнуть в их содержание, явственные отображения сознания, принадлежащего тому времени, от которого не имеется никаких внешних памятников.

Сознание сна во времена Древнего Египта содержало сновидения, происходившие из духовного мира, в то время как нынешнее сознание сна содержит сновидения, ведущие свое происхождение из физического мира.

У других же народов можно найти еще иное сознание. Сон излучал свои переживания в бодрствование и притом таким образом, что в этом инстинктивно открывалось созерцание повторных земных жизней. Предания о познании первобытными людьми повторных земных жизней происходят из этих форм сознания.

В развитом имажинативном познании вновь находят то, что инстинктивно существовало, угасая, в древние времена в сновидческом сознании. Но имажинативное сознание является полностью сознательным, как бодрственная жизнь.

Посредством инспиративного познания равным образом обнаруживают первобытное инстинктивное видение, которое кое-что еще усматривает в событиях повторных земных жизней. В это преобразование форм человеческого сознания современная историческая наука не вникает. Она хотела бы охотно верить, что нынешние формы сознания в существенном были всегда, с тех пор как существует земное человечество.

А мифы и сказки, указывающие, однако, на такие иные формы сознания, предпочитают рассматривать, как результат поэтической фантазии первобытного человека.

Дальнейшие руководящие положения, данные Гетеанумом Антропософскому обществу

88. В бодрственном дневном сознании человек переживает себя в настоящую мировую эпоху как находящегося в физическом мире. Это переживание закрывает от него, что внутри его собственного существа имеют место воздействия жизни между смертью и рождением.

89. В сновидческом сознании человек хаотически переживает негармоничное соединение собственного существа с духовным существом мира. Бодрственное сознание не может охватить подлинное содержание этого сновидческого сознания. Имажинативному и инспиративному сознанию открывается, что духовный мир, переживаемый человеком между смертью и новым рождением, участвует в построении его внутреннего существа.

90. В состоянии сна без сновидений человек, не имея собственного сознания, переживает свое существо как пронизанное последствиями прошлых земных жизней. Инспиративное и интуитивное сознания проникают к лицемерию этих последствий и видят воздействие прошлых земных жизней в ходе осуществления судьбы (кармы) настоящей земной жизни человека.

91. Воля вступает в обычное сознание в современную эпоху только через мысль. Но это обычное сознание может связываться только с чувственно-воспринимаемым. И оно охватывает в собственной воле лишь то, что исходит от нее в мир чувственного восприятия. В этом сознании человеку открывается знание о своих волевых импульсах только благодаря представляющему наблюдению самого себя, подобно тому как он благодаря наблюдению узнает и о внешнем мире.

92. Карма, действующая в воле, есть качество тесно скрепленное с ней из прошлых земных жизней. И поэтому она не может быть понята при помощи представлений обычного чувственного бытия, направленных только на настоящую земную жизнь.

93. Так как эти представления не могут постичь Кармы, то они отводят то непонятное, что выступает им навстречу в человеческих-волевых, импульсах в мистический мрак телесной организация, между тем как; оно есть действие предыдущих земных жизней.

Дальнейшие руководящие положения, данные Гетеанумом Антропософскому обществу

94. Своей бодрственной жизнью представлений, обусловленной органами внешних чувств, человек находится в физическом мире. Чтобы он мог воспринять этот Мир в сознание, карма должна умолкнуть в жизни представлений. Человек как существо представляющее забывает до известной степени свою карму.

95. Карма действует в откровениях воли. Но действие остается в бессознательном. Благодаря поднятию того, что бессознательно действует в воле, до имажинации постигают Карму. Чувствуют в себе свою судьбу.

96. Когда в имажинацию вступают инспирация и интуиция, тогда в действии воли становится воспринимаемым, кроме импульсов настоящего, также и результат прежних земных жизней. Прошлая жизнь оказывается действующей в настоящей.

97. Излагая более грубо, можно сказать: в душе человека живут мышление, чувствование и воление. Излагая же более тонко, надо сказать: мышление всегда содержит в себе некоторую подоснову чувствования и воления; чувствование-подоснову мышления и воления; воление - подоснову мышления и чувствования. Только в жизни мысли преобладает по отношению к другим содержаниям души-мышление; в жизни чувств- чувствование; в жизни воли - воление.

98. Чувствование и воление мыслительной жизни содержат кармический результат прежних земных жизней. Мышление. И воление жизни чувствований кармически определяют характер. Мышление и чувствование волевой жизни вырывают настоящую земную жизнь из кармических связей.

99. В чувствовании и велении мышления человек изживает свою карму прошлого; в мышлении и чувствовании воления подготавливает он карму будущего.

100. Истинным местопребыванием мыслей является эфирное тело человека. Но там они живые сущностные силы. Они напечатлевают себя физическому телу. И как такие "напечатленные" мысли имеют они тот теневой характер, в котором их знает обычное сознание.

101. То, что живет в мыслях как чувствование, приходит из астрального тела, как воление из «Я». Во сне эфирное тело человека сияет в мире его мыслей, только человек не участвует в этом, потому что он извлек чувствование мыслей вместе с астральным телом, а воление их вместе с «Я» из эфирного и физического тел.

102. Когда во время сна астральное тело и «Я» человека высвобождаются от своей связи с мыслями эфирного тела, тогда они идут к "Карме"- к созерцанию событий, свершающихся через повторные земные жизни. Обычное сознание лишено этого созерцания; сверхчувственное сознание вступает в него.

ДОМИХАИЛИЧЕСКИЙ ПУТЬ И ПУТЬ МИХАИЛА

Невозможно увидеть в верном свете как проникает импульс Михаила в развитие человечества, если составляют себе такое представление об отношении нового мира идей к природе, какое ныне стало повсюду обычным.

Думают так: вовне есть мир природы с его процессами и существами; внутри же человека- идеи. Они являются понятиями о природных сущностях или также так называемыми "законами природы". Мыслители заботятся прежде всего о том, чтобы показать, как образуются те идеи, которые имеют верное отношение к природным существам или содержат истинные законы природы.

При этом придают мало значения вопросу о том, в каком отношении находятся эти идеи к человеку, который их имеет. И тем не менее лишь тогда можно узреть, в чем тут дело, если прежде всего поставить вопрос о том, что; собственно, в новых естественнонаучных идеях переживает человек?

К ответу на него можно придти следующим образом.

Ныне человек ощущает, что идеи в нем образуются благодаря деятельности его души. У него есть чувство: он сам образует идеи, и лишь восприятия подступают к нему извне.

Человек не всегда имел это чувство. В древние времена он ощущал содержание идей не как произведенное им самим, но как полученное благодаря внушению из сверхчувственного мира.

Это чувство проходило по ступеням. И эти ступени зависели от того, в какой части своего существа человек переживал то, что он ныне называет своими идеями. Ныне, в период развития души сознательной имеет безусловное значение то, что стоит в предыдущих руководящих положениях, а именно: "Истинным местопребыванием мыслей является эфирное тело человека. Но там они - живые сущностные силы. Они напечатлевают себя физическому телу. И как такие "напечатленные мысли" имеют они тот теневой характер, в котором их знает обычное сознание"².

Теперь можно обратиться к тем временам, когда мысли переживались человеком непосредственно в «Я». Тогда они, однако, не были подобны теням, как теперь; они были тогда не только живыми; они были одушевленными и пронизанными духом. Но это значит, что человек тогда не измышлял мысли, но он переживал восприятие конкретных духовных Существ.

Сознание, которое таким образом направляет взор к миру духовных Существ, мы найдем повсюду у народов доисторических времен. То, что из него сохранилось в исторические времена, ныне обозначают как мифотворческое сознание и не придают ему почти никакой ценности при познании реального мира. И тем не менее человек с этим сознанием находится в своем мире - в мире своего происхождения, в то время как с нынешним сознанием он изымает себя из этого своего мира.

Человек есть дух. И его мир есть мир Духов.

Следующей ступенью является та, на которой мыслительное переживается больше не «Я», но астральным телом. Тогда непосредственная духовность

² См. Руководящие положения №100.

исчезает для душевного взора. Мыслительное является как одушевленное живое.

На первой ступени, при лицезрении конкретных духовных Существ, человек не имеет сколько-нибудь сильной потребности соотносить это духовно зримое им с тем, что воспринимается внешними чувствами. Явления мира внешних чувств, правда, открываются как деяния духовно зримого; но нет нужды в какой-то особенной науке о том, что было непосредственно видно "духовному взору". К тому же то, что было доступно лицезрению как мир духовных Существ, являлось столь всеобъемлющим, что оно прежде всего приковывало к себе внимание человека.

По-другому стало все это на втором этапе развития сознания. Тогда конкретные духовные Существа скрываются: появляется как одушевленная жизнь их отблеск. Начинают соотносить "жизнь природы" с этой "жизнью душ". В существах и в процессах мира природы ищут действенных духовных существ и их свершения. В том, что позднее выступило как алхимические изыскания, можно в историческом смысле видеть пережиток этого этапа развития сознания.

Когда человек на первом этапе развития сознания "мыслил" духовных существ, он полностью жил в своем существе; также и на втором этапе он находится вблизи себя и своего происхождения.

Но вместе с тем на обеих ступенях исключено то, чтобы человек приходил в истинном смысле к какому-либо внутреннему собственному побуждению для своих действий.

Духовное на свой лад действует в нем. То, что, кажется, делает он, есть откровение тех событий, которые разыгрываются благодаря духовным Существом. То, что человек делает, есть чувственно-физическое проявление некоего, за ним стоящего, реального божественно-духовного свершения.

Третья эпоха развития сознания вносит в сознание мысли как живые и пребывающие в эфирном теле.

Греческая цивилизация в период ее величия жила в этом сознании. Когда грек мыслил, то он не образовывал себе некую мысль, посредством которой как с помощью своего собственного создания он рассматривал мир; но он чувствовал в себе вздымающуюся жизнь, которая пульсировала также вовне, в вещах и процессах.

Тогда впервые возникла жажда свободы собственных действий - еще не действительная свобода, но тоска по ней.

Человек, который ощущал движение природы, действующей в нем самом, мог развить стремление к высвобождению собственной активности из активности воспринимаемой как чуждая. Но во внешней активности все еще ощущалось последнее проявление действенного духовного мира, который одного рода с человеком.

Лишь тогда, когда мысли стали напечатлеваться в физическом теле, и сознание человека стало распространяться только на эти их отпечатки, наступила возможность свободы. Это есть то состояние, какое осуществилось с наступлением пятнадцатого столетия христианского летоисчисления.

В ходе развития мира дело вовсе не в том, какое значение имеют для природы идеи современного воззрения на природу. Ибо эти идеи приняли свои формы не

потому, чтобы представить определенный образ природы, но чтобы привести людей к определенной ступени их развития.

Когда мысли вторглись в физическое тело, из их непосредственного содержания были выведены дух, душа, жизнь; и от них остались всего лишь абстрактные тени, присташие к физическому телу. Такие мысли могут сделать предметом своего познания только физически-материальное. Ибо сами они действительно существуют лишь при физическом теле человека.

Материализм возник не потому, что во внешнем мире природы могут быть восприняты только материальные существа и процессы, но потому что человек в своем развитии должен был пройти тот этап, который привел его к сознанию, способному видеть только материальные проявления. Одностороннее оформление этой потребности человеческого развития привело к природовоззрению нового времени.

Миссией Михаила является внести в эфирные тела людей те силы, благодаря которым мысли-тени снова обретут жизнь, тогда к ожившим мыслям склонятся души и Духи сверхчувственных миров; и оставшийся свободным человек сможет жить совместно с ними, как когда-то человек жил совместно с ними, но только как физическое отображение их творения.

Дальнейшие руководящие положения, данные Гетеанумом Антропософскому обществу

103. В развитии человечества сознание спускается по лестнице развития мыслей. Существует первый этап развития сознания: тогда человек переживает мысли в «Я» как пронизанные духом одушевленные живые существа. На втором этапе человек переживает мысли в астральном теле; они представляют собою тогда скорее лишь одушевленные и живые отображения духовных существ. На третьем этапе человек переживает мысли в эфирном теле; они являют собою лишь внутреннюю подвижность, как бы отзвук душевного. На четвертом, настоящем этапе человек переживает мысли в физическом теле; они представляют собою мертвые тени духовного.

104. В той самой мере, в какой отступает в человеческом мышлении духовно-душевно-живое, пробуждается к жизни собственная воля человека: становится возможной свобода.

105. Это есть задача Михаила: снова направить человека на путях развития его воли туда, откуда он пришел, когда он на путях развития мысли спустился от переживания сверхчувственного к переживанию внешнечувственного своим земным сознанием.

ЗАДАЧА МИХАИЛА В СФЕРЕ АРИМАНА

Когда человек взирает назад на свое развитие и при этом делает предметом духовного созерцания то особенное свойство, которое за пять столетий стало присущим его духовной жизни, то он уже внутри обычного сознания должен хотя бы в предчувствии распознать, что он со времени этих пяти столетий находится на некоем знаменательном поворотном пункте всего земного развития человечества.

В предыдущем рассмотрении мной было указано с одной точки зрения на этот знаменательный поворот. Тут можно направить взор на время, предшествовавшее, этому развитию. И тогда видно, как преобразовалась в человеке душевная сила, которая ныне действует как сила интеллекта.

Теперь в поле человеческого сознания появляются мысли- мертвые, абстрактные мысли. Эти мысли привязаны к физическому телу человека; человек может считать их порожденными им же самим.

В древние времена человек, обращая свой душевный взор в том направлении, в котором ему ныне открываются его собственные мысли, лицезрел божественно-духовных Существ. Человек находил все свое бытие, вплоть до физического тела, связанным с этими существами; он должен был признать себя за порождение этих существ, и признать таким порождением не только свое бытие, но и свое деяние, Человек не обладал никакой собственной волей. То, что он делал, было проявлением божественной Воли.

Ступень за ступенью, как это было показано, пришел он к собственной воле, - время чего наступило приблизительно пять столетий тому назад.

Но последний этап гораздо сильнее отличается от всех предшествовавших, чем они между собой.

Вследствие того, что мысли переходят к физическому телу, они утрачивают свою жизненность. Они становятся мертвыми, духовно мертвыми образованиями. Прежде они, имея отношение к человеку, в то же время были все еще органами тех божественно-духовных Существ, к которым человек принадлежит. Они сущностно волили в человеке. И благодаря этому через них человек чувствовал себя жизненно связанным с духовным миром.

С мертвыми мыслями он чувствует себя отпавшим от духовного мира. Он чувствует себя совсем перемещенным в физический мир.

Но тем самым он перемещен в сферу ариманической духовности. Эта последняя не имеет никакой сильной власти в тех областях, где Существа высших Иерархий так держат человека в своей сфере, что они или сами действуют в человеке, как в древние времена, или, как в позднейшие времена, посредством своего одушевленного или живого отблеска. Пока есть это проникающее в человеческое деяние воздействие сверхчувственных существ, то есть, примерно, до XV века, ариманические силы имеют лишь слабый отзвук власти внутри развития человечества, так можно было бы сказать.

В противоречии с этим не находится то, что сообщает персидское мировоззрение о действии Аримана. Ибо это мировоззрение мыслит действие Аримана не внутри человеческого душевного развития, а в некоем мире, непосредственно граничащим с миром человеческих душ. Хитросплетения

Аримана могут из соседнего духовного мира вноситься в мир человеческих душ, но не проникают в него непосредственно.

Это непосредственное проникновение стало возможным впервые как раз в то время, которое началось приблизительно пять столетий тому назад.

Так стоит человек в конце некоего потока развития, внутри которого его существо возникло из такой божественной Духовности, которая под конец для себя умирает в абстрактной интеллектуальной сущности человека. Человек не остался в тех сферах, от которых как от божественной Духовности он ведет свое происхождение.

То, что пять столетий тому назад началось для сознания человека, - это для всего его существа в более широком объеме произошло уже в то время, когда Мистерия Голгофы совершилась в виде земного явления. Тогда настало то, что было невоспринимаемым для сознания, существовавшего в то время у подавляющего большинства людей, а именно, постепенное соскальзывание развития человечества из того мира, где Ариман имеет мало власти, в тот мир, где ее у него много. Это соскальзывание в другой мировой пласт Космоса завершилось как раз в XV веке.

В этом пласте Космоса возможно влияние Аримана на человека, и оно может опустошающе действовать, потому что в этом пласте отмерло родственное человеку деяние Богов. Но человек никак не мог прийти к образованию свободной воли иначе, чем отправившись в ту сферу, где не были жизнедеятельными божественно-духовные Существа, связанные с ним изначала.

В сущности этого человеческого развития, рассматриваемого космически, лежит Мистерия Солнца. С тем, что человек - до знаменательного поворотного пункта своего развития мог воспринимать в Солнце, были связаны божественно-духовные Существа его происхождения. Они отделились от Солнца, оставив на нем лишь свое отмершее так, что человек в свою телесность через Солнце может теперь воспринимать лишь силу мертвых мыслей.

Но эти Существа послали с Солнца на Землю Христа. И Он для спасения человечества связал Свое Существо с мертвенностью божественно-духовного бытия в царстве Аримана. Так у человечества есть двойная возможность. - порука его свободы: обратиться ли ко Христу, но теперь уже сознательно, в том духовном образе мыслей, который прежде, при нисхождении от восприятия сверхчувственного духовного бытия к употреблению интеллекта, оставался в подсознании; или же захотеть ощутить себя в оторванности от этого духовного бытия и тем самым подпасть той ориентировке, которую получают ариманические силы.

В этой ситуации человечество находится с начала XV века. А подготовлено это было (в ходе развития все происходит ведь постепенно) со времени Мистерии Голгофы, которая, как величайшее земное событие, предназначена к тому, чтобы спасти человечество от гибели, какая может угрожать ему, ибо он должен стать свободным существом.

Можно сказать: то, что до сих пор в этой ситуации совершалось со стороны человечества, происходило наполовину бессознательно. И это таким способом привело к благу естествознания, живущего в абстрактных идеях, и ко многим столь же благим принципам жизненного уклада.

Но это время, когда человек мог бессознательно развешивать свое существование в опасной сфере Аримана, уже прошло.

Исследователь духовного мира ныне должен обращать внимание человечества на тот духовный факт, что Михаил принял на себя духовное водительство всем, что касается человечества. Но Михаил то, что он должен совершить, совершает так, чтобы никак не повлиять этим на людей; они же могут свободно следовать Ему, чтобы с помощью Силы Христа найти путь, ведущий из сферы Аримана, куда они с необходимостью Должны были прийти.

Кто честно, исходя из самой глубокой сущности своей души, мог почувствовать себя воедино с Антропософией, тот способен верно понять этот феномен Михаила. И да будет Антропософия вестью об этой Миссии Михаила.

Гетеанум, 10 октября 1924.

Дальнейшие руководящие положения, данные Гетеанумом Антропософскому обществу

106. Михаил снова проходит вверх тот путь, который человечество прошло вниз по ступеням духовного развития вплоть до деятельности интеллекта. Только Михаил поведет вверх волю теми путями, которыми мудрость сошла вниз до своей последней ступени, до интеллекта.

107. То, как Михаил с этого момента мирового развития только показывает свой путь, так что человек может в свободе следовать ему, отличает это водительство Михаила от всех прежних архангельских водительств, да и от всех прежних водительств самого Михаила. Те водительства действовали в человеке, а не только показывали свои деяния. Так что человек в своих действиях не мог быть тогда свободным.

108. Современная задача человека - понять это, чтобы быть в состоянии всей душой найти свой путь в эпоху Михаила.

ОПЫТЫ И ПЕРЕЖИВАНИЯ МИХАИЛА ВО ВРЕМЯ ИСПОЛНЕНИЯ ЕГО КОСМИЧЕСКОЙ МИССИИ

Можно с точки зрения человечества проследить его поступательное развитие от того этапа сознания, когда человек чувствовал себя членом божественно-духовного порядка вплоть до современного этапа, когда он чувствует себя индивидуальностью, отделившейся от божественно-духовного и обладающей мыслями для собственного употребления. Это было сделано в предыдущей статье.

Но можно также посредством сверхчувственного ясновидения наметить образ того, что переживают во время этого потока развития Михаил и его соратники, то есть тот же самый ряд фактов описать с точки зрения Михаила. Это надо попытаться сделать теперь.

Прежде всего, имеется такое древнейшее время, в отношении которого, собственно, можно говорить лишь о том, что происходит между божественно-духовными Существами. Имеют дело с непрерывным деянием Богов. Боги осуществляют то, к чему побуждают их импульсы их существа; они находят удовлетворение в согласии с этой деятельностью. И значение имеет только то, что они переживают при всем этом. Лишь в одном углу этого поля деяний Богов можно заметить что-то вроде человечества. Оно лишь часть деяний Богов.

То духовное Существо, однако, которое с самого начала обратило свой взор на человечество, — это Михаил. Это он так расчленяет, до известной степени, деяния Богов, что в одном углу Космоса может существовать человечество. И тот способ, как он это делает, сроден той деятельности, которая позднее приходит к проявлению в человеке как интеллект; но только здесь этот способ действует как сила, которая струится сквозь Космос в распорядке идей, вызывающих действительность. В этой силе действует Михаил. Его задача - управлять космической интеллектуальностью. Он хотел бы достигнуть в этой области дальнейшего прогресса. А этот последний может состоять лишь в том, что в человеческой индивидуальности позднее концентрируется то, что действует как разум сквозь весь Космос. Благодаря этому осуществляется следующее: в ходе мирового развития наступает время, когда Космос больше не живет своим настоящим разумом, но живет своим прошлым разумом. А разум настоящего пребывает в потоке развития человечества.

Михаилу хотелось бы то, что развивается в человечестве как разум, непрерывно сохранять в связи с божественно-духовной сущностью.

Но это встречается с неким сопротивлением. То, что Боги переживают как развитие в направлении освобождения интеллектуальности от ее космического деяния вплоть до включения ее в человеческую природу, - это открыто выступает в мире как факт. И если есть существа, обладающие способностью восприятия, благодаря которой они могут узреть эти факты, то они могут воспользоваться ими. - И такие существа есть. Это — ариманические существа. Они совершенно предрасположены к тому, чтобы всасывать в себя то, что как разум отделяется от Богов. Они предрасположены к тому, чтобы соединять со своим существом сумму всей интеллектуальности. Тем самым они становятся самыми значительными, самыми всеобъемлющими, самыми настойчивыми носителями разума Космоса.

Михаил предвидит, что человек, все более и более продвигаясь к собственному употреблению разума, должен встретиться с ариманическими существами и что он тогда, вступив с ними в связь, может подпасть их влиянию. Поэтому Михаил попирает ногами ариманические силы; он все время свергает их в область, которая находится глубже той, в которой развивается человек. Михаил, попирающий дракона, низвергающий его в бездну, - это есть живущий в человеческом сознании могучий образ описанных тут сверхчувственных фактов.

Развитие движется вперед. Интеллектуальность, которая сперва полностью находилась в области божественной духовности, настолько отделяется от нее, что становится одушевлением Космоса. То, что прежде излучалось только от Богов, теперь сияет как откровение Божественного из звездного мира. Миром прежде правило само божественное Существо, теперь же им правит ставшее объективным божественное откровение, находясь за которым божественное Существо проходит следующую ступень своего развития.

Снова является Михаил правителем космического разума, поскольку последний в распоряжке идей струится через откровения Космоса.

Третья фаза развития есть дальнейшее отделение космического разума от своего источника. В звездных мирах больше не правит как божественное откровение распорядок идей данного времени; небесные тела движутся и организуются сообразно распорядку идей, заложенному в них в прошлом. Михаил видит, как то, чем он правил в Космосе, - космическая интеллектуальность - все больше находит путь к земному человечеству.

Но Михаил видит также, что для человечества все большей становится опасность подпасть ариманическим силам. Он знает: для себя он всегда будет попирает Аримана; но будет ли так и для людей?

Михаил видит, как наступает величайшее земное событие. Из Царства, которому служит сам Михаил, вниз, в область Земли нисходит Существо Христа, чтобы быть там, когда разум полностью будет у человеческой индивидуальности. Ибо тогда человек сильнее всего ощутит побуждение предаться той Власти, которая всецело, во всей полноте сделала себя носителем интеллектуальности. Но тогда будет Христос; благодаря Своей великой жертве Он будет жить в той же сфере, где живет Ариман. Человек сможет сделать выбор между Христом и Ариманом. Весь мир сможет в развитии человечества найти Христов путь.

Это есть космический опыт Михаила в отношении того, чем он должен править в Космосе. Ради того чтобы остаться вместе с тем объектом, которым он правит, Михаил вступает на путь, ведущий из Космоса к человечеству. На этом пути он находится с VIII века после Р. Х., но лишь в последнюю треть XIX века дошел он, собственно, до выполнения своей земной задачи, в которую превратилась его космическая задача.

Михаил ни к чему не может принудить людей. Ибо принуждение прекратилось, ведь, как раз потому, что разум полностью вступил в сферу человеческой индивидуальности. - Но как некое величественное прообразное деяние в сверхчувственном мире, непосредственно примыкающем к видимому миру, может развернуть Михаил то, что он хочет явить. Тут Михаил может показаться в световой ауре с жестом духовного существа, открывающего все

сияние и все величие прошлого разума Богов. Тут он может показать, что действие этого разума прошлого в настоящем правдивее, прекраснее и добродетельнее, чем все имеющееся в непосредственном разуме настоящего, который в обманчивом и соблазнительном блеске проистекает от Аримана. Он может дать заметить, что для него Ариман всегда будет низшим духом, попираемым его ногами.

Те люди, которые обладают ясновидением в сверхчувственном мире, ближайшем к видимому миру, воспринимают так, как тут описано, Михаила и его соратников в том, что они хотели бы сделать для людей. Такие люди видят, как благодаря образу Михаила человек в сфере Аримана должен быть в свободе приведен от Аримана к Христу. Если таким людям удастся благодаря их ясновидению отомкнуть также сердца и умы других людей, чтобы некоторый круг людей знал, как теперь Михаил живет среди людей, тогда человечество начнет вкладывать верное содержание в празднование дней Михаила, благодаря чему в душах сможет ожить сила Михаила. Михаил будет тогда действовать среди людей как некая реальная власть. Но человек будет свободен и все же будет свершать через Космос свой духовный жизненный путь во внутренней общности с Христом.

Гетеанум, 19 октября 1924.

Дальнейшие руководящие положения, данные Гетеанумом Антропософскому обществу

109. Верно осознать Михайлову действенность в духовной мировой связи значит разрешить, исходя из космических связей, загадку человеческой свободы, поскольку это решение необходимо земному человеку.

110. Ибо в современном отрезке развития человечества "свобода" дана непосредственно как факт каждому понимающему самого себя человеку. Никто не может сказать:

"Свободы нет", - если он не хочет отрицать очевидности факта. Но можно видеть противоречие между тем, что дано фактически, и процессами в Космосе. Это противоречие отпадает при рассмотрении миссии Михаила в Космосе.

111. В моей "Философии свободы" можно найти указание на "свободу" человеческого существа в современной мировой эпохе как на содержание сознания; в предлагаемых здесь описаниях миссии Михаила можно найти космическое обоснование "становления этой свободы".

БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИХАИЛА

В каком отношении к Михаилу и его соратникам находится ныне человек?

Человек стоит перед миром, который был некогда вполне божественно-духовной сущности, - такой божественно-духовной сущности, к которой принадлежал также и сам он как ее член. Итак, тогда мир, сопринадлежавший человеку, был божественно-духовной сущности. На следующем этапе развития он уже больше не был таковым. Тогда он был уже космическим откровением божественно-духовного, чья сущность витала за этим откровением. Но она все же творила и жила именно в этом откровении. Тогда уже был мир небесных светил. В его явлениях и движениях творило и жило как откровение божественно-духовное. Можно сказать: тогда, когда на небе стояло или передвигалось то или иное светило, - в этом можно было непосредственно узреть деятельность божественно-духовного.

Во всем том, что как божественный Дух действовало в Космосе, в том, как человек в своей жизни был плодом деятельности божественно-духовного в Космосе, - во всем этом, еще не встречаясь с сопротивлением, был Михаил как в своей стихии. Он содействовал как посредник отношению божественного к человеку.

Наступили другие времена. Мир небесных светил перестал нести в себе, непосредственно в настоящем, божественно-духовную деятельность. Он жил и двигался, упорно продолжая то, чем раньше была в нем такая деятельность. Божественно-духовное больше не жило в Космосе как откровение, но только еще как действенность. Отчетливо выступила двойственность божественно-духовного и космического. Михаил на основании своей собственной сущности держался божественно-духовного. Он старался как можно ближе удержать при божественно-духовном и человека. Это он делал все дальше. Он хотел охранить человека от слишком сильного вживания в некий мир, который представляет собой лишь действенность божественно-духовного, но не сущность и не откровение.

Михаил испытывает глубочайшее удовлетворение от того, что ему удалось через человека следующим образом сохранить мир небесных светил еще непосредственно связанным с божественно-духовным. Когда человек, пройдя жизнь между смертью и новым рождением, вновь вступает на путь к новому земному бытию, тогда при нисхождении к этому бытию он старается установить гармонию между ходом небесных светил и своей земной жизнью. Эта гармония прежде была сама собою разумеющейся, так как божественно-духовное действовало в небесных светилах, и в них же имела свой источник также человеческая жизнь: но теперь, когда ход небесных светил лишь продолжает действенность божественно-духовного, эта гармония не имела бы места, если бы человек не искал ее. Божественно-духовное, сохраненное из более раннего времени, он приводит в соотношение с небесными светилами, которые свое божественно-духовное еще имеют в себе лишь как последствие более раннего времени. Благодаря этому в отношении человека к миру входит божественное, соответствующее более ранним временам, но проявляющееся в более поздние времена. То, что это так, — это есть деяние Михаила. И это деяние дает ему

столь глубокое удовлетворение, что он в этом удовлетворении имеет часть своей жизненной стихии, своей жизненной энергии, своей солнечной жизненной воли.

Однако ныне, направляя духовное око на Землю, он видит существенно иное положение вещей. Человек во время своей жизни в физическом мире между рождением и смертью окружен миром, который непосредственно не указывает больше на действенность божественно-духовного, но обнаруживает лишь то, что еще осталось от этой действенности; можно сказать: творение божественно-духовного. Это творение в своих формах вполне божественно-духовного рода. Для человеческого восприятия божественное обнаруживает себя в формах, в природном свершении; но в этом оно не является больше как живое. Природа — это божественно сотворенное произведение божественного; она повсюду есть отображение божественной действенности. В этом солнечно-божественном, но не божественно-живом мире живет человек. Но он, вследствие обращенного к нему действия Михаила, сохраняет как человек связь с сущностью божественно-духовного. Он живет как существо проникнутое Богом, в мире, непроникнутом Богом.

В этот, оставленный Богом, опустевший мир человек внесет то, что есть в нем, то, чем стало его существо в эту эпоху.

Человечество будет вносить свое развитие внутрь развития мира. Божественно-духовное, откуда происходит человек, может как космически расширяющееся существо человека пронизать светом этот Космос, который существует еще лишь в отображении божественно-духовного.

Через человечество воссияет не та же самая Сущность, которая некогда была Космосом. Божественно-духовное при его прохождении через человечность обретет переживание некоего существа, которого оно прежде не обнаруживало.

Против того чтобы развитие приняло это направление, обращаются ариманические силы. Они не хотят, чтобы изначальные божественно-духовные силы в своем дальнейшем поступательном развитии пронизали светом Вселенную; они хотят, чтобы впитанная ими космическая интеллектуальность пронизала бы своими лучами весь новый Космос, и чтобы человек продолжал жить в этом интеллектуализированном и ариманизованном Космосе.

При такой жизни человек утратил бы Христа. Ибо Христос вступил в мир с интеллектуальностью, которая является совершенно такой же, какой она некогда жила в божественно-духовном, когда это божественно-духовное в своей сущности еще образовывало Космос. Если мы ныне говорим так, что наши мысли могут быть и мыслями Христа, то мы противопоставляем ариманическим силам нечто такое, что защищает нас от подпадения их власти.

Понять смысл миссии Михаила в Космосе - это значит быть в состоянии говорить следующим образом. Ныне надо уметь так говорить о природе, как этого требует этап развития души сознательной. Надо смочь воспринять в себя чисто естествонаучный способ мышления. Но надо также научиться и так говорить о природе, то есть ощущать ее, как это соответствует Христу. Мы должны научиться говорить языком Христа не только об искуплении природы, не только о душе и божественном, но и о Космосе.

Чтобы наша человеческая связь с изначальным божественно-духовным осталась и сохранилась, чтобы мы научились понимать Христов язык о Космосе, — к этому мы придем, если мы в своем внутреннем сердечном чувствовании

полностью вживемся в то, чем являются среди нас Михаил и его соратники, их деяния и их миссия. Ибо понять Михаила значит ныне найти путь к Логосу, который как Христос живет на Земле среди людей.

Антропософия поистине ценит то, чему научился говорить о мире естественнонаучный способ мышления за последние четыре-пять веков. Но она кроме этого языка говорит еще на ином языке о существе человека, о развитии человека и о становлении космоса; она хотела бы говорить на языке Христа-Михаила.

Ибо если люди говорят на обоих этих языках, то развитие не может оборваться и перейти в ариманическое прежде нахождения изначального божественно-духовного.

Когда говорят только естественнонаучным образом, то это соответствует отделению интеллектуальности от изначального божественно-духовного. Она может перейти в ариманическое состояние, если не принимается во внимание миссия Михаила. Этого не будет, если ставший свободным интеллект силового прообраза Михаила снова находит себя в отделившейся от человека и ставшей объективно противопоставленной ему, изначальной космической интеллектуальности, которая находится в основе человека и которая сущностно была явлена во Христе внутри области развития человечества, после того как она отступилась от человека ради развития его свободы.

Гетеанум, 25 октября 1924.

Дальнейшие руководящие положения, данные Гетеанумом Антропософскому обществу

112. Божественно-духовное проявляет себя в Космосе различным образом в следующих этапах развития: 1) через свою изначальную сущность; 2) через откровение этой Сущности; 3) через деятельность, в которой сущность уходит из откровения; 4) через творение, когда в проявленном мироздании уже нет божественного, но есть лишь его формы.

113. Человек в современном естественнонаучном воззрении на природу не имеет отношения к божественному, но лишь к его творению. С тем, что посредством этого воззрения передается человеческому душевному строю, человек как таковой может соединить себя как с силами Христа, так и с ариманическими силами.

114. Михаил проникнут устремлением, силой своего свободно действующего прообраза включить в человечески-космическое развитие сохранившееся в человеке из времен божественной сущности и ее откровения отношение к Космосу так, чтобы то, что говорит естественнонаучное воззрение на природу, относящееся только к отображению, только к форме божественного, перешло в высшее, сообразное Духу воззрение на природу. Хотя оно будет в человеке, но оно будет как раз человеческим последующим переживанием отношения божественного к Космосу, существовавшего во время двух первых этапов космического развития. Антропософия в этом смысле подтверждает естественнонаучное воззрение на природу, образовавшееся в эпоху души сознательной; но она дополняет его таким воззрением, которое является взглядом духовных очей.

ПЕРЕЖИВАНИЕ ЧЕЛОВЕКОМ МИХАИЛА-ХРИСТА

Тому, кто воспримет в свой образ мыслей внутреннее, несомое глубоким ощущением созерцание существа и деяний Михаила, - открывается верное понимание того, как может человек принять мир, который есть не божественная сущность, или откровение, или действительность, но творение Богов. Познавая, взирать на этот мир, означает иметь перед собой формы, образования, которые повсюду гласят о божественном; но если не предаваться никакой иллюзии, то в них не найти самостоятельно живущего божественного бытия. И нельзя ограничиваться лишь познавательным рассмотрением этого мира. При этом, правда, самым отчетливым образом открывается конфигурация мира, окружающего теперь человека. Но для повседневной жизни более существенным является чувствование, воление и работа в мире, который в своем образовании хотя и может быть ощущаем как божественный, но не может быть изведен как божественно-живой. Чтобы ввести в этот мир действительно нравственную жизнь, необходимы те этические импульсы, на которые я указал в "Философии свободы".

В этом мире сотворенного для верно чувствующего человека может светить существо Михаила и современный мир свершений. Михаил не вступает как явление в физический мир. Он со всеми своими деяниями держится внутри сверхчувственной области, непосредственно граничащей с физическим миром современной фазы мирового развития. Благодаря этому никогда не наступит возможность того, чтобы в силу впечатлений, получаемых людьми от существа Михаила, они бы пришли к фантастическому взгляду на природовоззрение или захотели бы так построить морально-практическую жизнь в этом богосозданном, но не оживляемом Богом мире, как если бы тут могли быть этически-духовные импульсы, которые должны были бы быть внесены не самим человеком. Путем мысли или же воли, через перемещение себя в духовное всегда необходимо приходиться к Михаилу.

Благодаря этому будут духовно жить следующим образом. Познавание и жизнь будут приниматься так, как их надо принимать, вот, уже с XV века. - Но будут держаться откровения Михаила; этому откровению дадут сиять как свету в темных мыслях, которые воспринимаются из природы; его будут нести в сердце как тепло, если будут вести жизнь сообразно миру божественно-сотворенного. - Тогда перед взором будут возникать не только наблюдение и переживание современного мира, но и то, о чем сообщает Михаил, некое прошлое состояние мира, некое состояние мира, которое как раз Михаил вносит в современность благодаря своему существу и своим деяниям.

Если бы это было иначе, - если бы Михаил действовал так, что вносил бы свои деяния в мир, который в настоящее время человек должен познавать и переживать как физический, то человек в настоящее время узнавал бы из мира то, чего в действительности в нем нет, но что было. Если такое происходит, тогда это иллюзорное постижение мира уводит душу человека из соответствующей ей действительности в некую другую, а именно в люциферичерку.

Тот способ, каким Михаил приводит прошлое к действию в современной человеческой жизни, удерживается в смысле правильного духовного мирового

прогресса и не содержит ничего люциферического. Важно, чтобы в воззрении человеческой души жило верное представление о том, как в миссии Михаила устраняется все люциферическое.

Возиметь такую установку в отношении света Михаила, восходящего в истории человечества, значит также смочь найти верный путь к Христу.

Михаил дает верную ориентировку, когда дело касается мира, окружающего человека и существующего для его познания или для его деяний. Путь же к Христу должен быть найден внутри души.

Вполне понятно, что в эпоху, когда познание природы имеет форму, приданную ему за последние пять столетий, также и познание сверхчувственного мира стало таким, как его теперь переживает человечество.

Природа должна быть познана и пережита как нечто во всем оставленное Богами. Вследствие этого человек в своем, так образованном отношении к миру больше не переживает себя самого. Поскольку человек есть сверхчувственное существо, - эта, соответствующая эпохе установка его «Я» в отношении мира природы ничего не дает ему об его собственном существе. И если он имеет в виду лишь эту установку, тогда он может жить не так нравственно, как это соответствует его человечности.

В силу этого дается побуждение не допускать проникновения этого рода познания и рода жизни ни во что, относящееся к сверхчувственной мудрости человека и вообще к сверхчувственному миру. Эта область обособляется от того, что достигается с помощью человеческого познания. Познаваемому противопоставляется область находящейся вне или же превыше науки откровения веры.

Но этому противостоит чисто духовное деяние Христа. Со времени Мистерии Голгофы Христос достижим для человеческой души. И ее отношение к Нему не должно оставаться неопределенным, и чувствуемым смутно-мистически; оно может стать вполне конкретным, по-человечески глубоко и ясно переживаемым.

Но тогда из этой совместной жизни с Христом в человеческую душу притекает то, что она должна знать о своей собственной сверхчувственной сущности. Тогда откровение веры должно ощущаться так, что в него непрестанно вливается живое узнание Христа. Жизнь может стать пронизанной Христом благодаря тому, что в Христе будет ощущаться Существо, дающее человеческой душе лицезрение ее собственной сверхчувственности.

Так рядом могут стоять переживание человеком Михаила и переживание им Христа. Через Михаила человек, противостоя внешней природе, верным образом найдет путь в сверхчувственное. Природовоззрение сможет поставить себя, без того чтобы быть фальсифицированным в себе самом, рядом с сообразным духу воззрением на мир и человека, поскольку он есть космическое существо.

Благодаря верному отношению к Христу человек сможет в живом общении души с Христом узнать на опыте то самое, что он иначе мог бы воспринять лишь как традиционное откровение веры. Внутренний мир душевного переживания сможет быть пережит как духовно просветленный, а внешний мир природы - как зиждимый духом.

Если бы человек захотел без совместной жизни с Существом Христа получить разъяснение о своей собственной сверхчувственной сущности, то оно увело бы

его из его собственной действительности и ввело бы в ариманическую действительность. Христос несет в Себе космически правомерным образом импульсы будущего для человечества. Соединиться с Ним означает для человеческой души космически правомерно воспринять в себя зачатки своего собственного будущего. Другие существа, которые уже в настоящее время обнаруживают такие обличья, которые являются космически правомерными для человека лишь в будущем, — они принадлежат ариманической сфере. Верным образом связать себя с Христом означает также верным образом охранить себя от ариманического.

У тех, кто требует строгой охраны откровения веры от проникновения в него человеческого познания, существует бессознательный страх того, что человек на подобных путях может поддаться ариманическим влияниям. Это должно быть понято. Но надо также понять, что к прославлению и к действительному признанию Христа ведет то, когда жизни с Христом будут приписывать исполненное благодати излияние духовного в человеческую душу.

Так в будущем могут стоять рядом переживание человеком Христа и переживание им Михаила; благодаря этому человек найдет свой истинный путь свободы между люциферическим заблуждением в иллюзиях мышления и жизни и ариманическим искушением обличьями будущего, удовлетворяющими высокомерию человека, но еще не могущими в настоящее время принадлежать ему.

Впасть в люциферические иллюзии означает не в полной мере стать человеком, не захотеть дойти до этапа свободы, но захотеть остаться на гораздо более ранней ступени развития как богочеловека. Подпасть ариманическим искушениям означает не захотеть ждать, пока при определенной степени человечности наступит надлежащее космическое мгновение, а захотеть опередить эту степень.

В будущем слово Михаил-Христос будет стоять как указатель в начале пути, по которому человек сможет пройти космически-правомерно между люциферическими и ариманическими силами к своей мировой цели.

Гетеанум, 2 ноября 1924.

Дальнейшие руководящие положения, данные Гетеанумом Антропософскому обществу

115. Человек проходит свой путь через Космос так, что его взор, обращенный назад, на мир прошлого может быть искажен люциферическими импульсами, а размышление о предстоящем будущем может стать обманчивым вследствие ариманических искушений.

116. Человек находит правильное положение в отношении к люциферическим искажениям, пронизав свой образ мыслей, касающийся познания и жизни сущностью Михаила и миссией Михаила.

117. Но тем самым человек предохраняет себя и от ариманических искушений, так как тот духовный путь во внешнюю природу, к такому побуждает Михаил, приводит в правильное отношение к ариманическому, благодаря тому, что обретается правильное переживание Христа.

МИССИЯ МИХАИЛА В МИРОВУЮ ЭПОХУ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СВОБОДЫ

Если с духовным переживанием подойти в настоящее время к воздействиям Михаила, то находят возможность духовноведчески пролить свет на космическую сущность свободы.

Это не относится к моей "Философии свободы", которая исходит из чисто человеческих сил познания, когда они могут вступить в область Духа. Чтобы познать то, что познается тут, еще не требуется какого-то совместного действия с существами других миров. Однако, можно сказать, что эта "Философия свободы" подготавливает познание в свободе того, что затем можно испытать при духовном взаимодействии с Михаилом.

И это - следующее. Если свобода действительно должна жить в человеческом деянии, то все совершающееся в ее свете никоим образом не может зависеть от человеческой физической и эфирной организации. "Свободное" деяние может совершаться, исходя лишь из «Я»; и со свободным деянием «Я» может созвучно вибрировать астральное тело, чтобы оно могло перенести это на физическое и эфирное тела. Но это - лишь одна сторона дела. А другая становится ясной как раз в связи с миссией Михаила. То, что переживается человеком в свободе, также не должно каким бы то ни было образом оказывать свое действие на его эфирное или физическое тело. Если бы это произошло, тогда человеку совсем пришлось бы выйти из того, чем он стал в этапах своего развития под влиянием божественно-духовной сущности и божественно-духовного откровения.

Переживаемое человеком как окружающий его мир, вследствие того, что оно есть лишь божественно-духовное творение, может иметь некое влияние лишь на его духовное существо (то есть на его «Я»). А на его физическую и эфирную организацию может иметь влияние только то, что в потоке развития продолжает быть внутри его собственного существа, а не в его окружении, имея свое начало в сущности и в откровении божественно-духовного. Но это отнюдь не может действовать в человеческом существе одновременно с тем, что живет в элементе свободы.

Это возможно только благодаря тому, что Михаил вносит в развитие нечто такое из самого далекого прошлого, что дает человеку связь с тем божественно-духовным, которое в настоящее время больше не вступает в физическое и эфирное формообразование. Поэтому внутри миссии Михаила развивается почва для общения человека с тем духовным миром, который никак не вмешивается в мир природы.

Возвышающее действует лицемерие того, как через Михаила сущность человека поднимается в духовную сферу, в то время как бессознательное и подсознательное, развертывающие свои действия ниже сферы свободы, все глубже срастаются с материальным.

Положение человека в его отношении к мировому бытию будет становиться в дальнейшем все непонятнее, если он не придет к признанию не только своих отношений к существу природы и к природным процессам, но также и своих отношений к миссии Михаила. - Отношения к природе учатся познавать как нечто такое, что рассматривают извне; отношения же к духовному миру исходят до известной степени из некоей внутренней беседы с сущностным, доступ к

которому открывается благодаря тому, что входят в сообразное духу рассмотрение мира.

Итак, человек должен, чтобы смочь пережить импульс свободы, быть в состоянии отстранять от своего существа известные природные воздействия, оказывающие из космоса свое действие на это существо. Это отстранение разыгрывается в подсознании тогда, когда в сознании правят те силы, которые как раз представляют собой жизнь «Я» в свободе. Для человеческого внутреннего восприятия это и есть осознание в нем действия в свободе; для духовных существ, которые связаны с человеком, действуя из других космических сфер, с этим обстоит иначе. Существо из Иерархии Ангелов, имеющему дело с проведением человеческого бытия от одной земной жизни к другой, сразу становится очевидным относительно человеческого деяния в свободе: человек отталкивает от себя космические силы, которые хотят строить его дальше, которые хотят давать его «Я»-организации необходимые физические подпорки, как они давали их ей до наступления эпохи Михаила.

Михаил как существо из Иерархии Архангелов получает свои впечатления с помощью существ из Иерархии Ангелов. Он посвящает себя задаче описанным здесь образом доставлять человеку из духовной части Космоса те силы, которые могут заменить подавляемые силы из природного бытия.

Он достигает этого, приводя свою деятельность в самое полное созвучие с Мистерией Голгофы.

В деятельности Христа внутри земного развития лежат силы, нужные человеку при действии в свободе, - для возмещения подавленных природных импульсов, - человек только должен тогда действительно привести свою душу к внутренней совместной жизни с Христом, о чем уже было сказано в этих сообщениях о миссии Михаила.

Человек осознает себя в некоей действительности, когда он взирает на физическое Солнце и получает от него тепло и свет.

Таким же образом должен он жить по отношению к духовному Солнцу, к Христу, соединившему Свое бытие с бытием Земли, и от Него воспринимать в душу то жизненное, что в духовном мире соответствует теплу и свету.

Он будет чувствовать себя пронизанным "духовным теплом", когда он переживает "Христа в себе". Он скажет себе, ощущая себя в этом пронизании: это тепло освобождает твое человеческое существо из тех уз Космоса, в которых оно может оставаться. Божественно-духовное бытие прадревности должно было привести тебя для достижения свободы в те области, в которых оно не могло оставаться при тебе, но где оно дало тебе Христа, предоставляющего тебе как свободному человеку в своих силах то, что некогда тебе давало божественно-духовное бытие прадревности на пути природы, который тогда был одновременно и путем Духа. Это тепло снова ведет тебя обратно к божественному, из которого ты производишь.

И в этом чувствовании, в проникновенном душевном тепле срастаются в человеке переживание в Христе и с Христом и переживание подлинной, истинной человечности. "Христос дает мне мое человеческое существо", - это как основное чувство будет проноситься сквозь душу и волновать ее. А если это чувство есть, то приходит также и другое, при котором человек чувствует себя вознесенным Христом над одним лишь земным бытием,

чувствует себя воедино со звездным окружением Земли - со всем тем, что можно познать в этом окружающем Землю мире небесных светил как божественно-духовное.

И так же обстоит с духовным светом. Человек может вполне почувствовать себя в своей человеческой сущности, обнаружив себя как свободную индивидуальность. Но с этим, однако, связано некое помрачение. Божественно-духовное прадревности больше не светит. Этот изначальный свет снова есть в том свете, который приносит Христос человеческому «Я». В такой совместной жизни с Христом всю душу может солнечно пронизать отрадная мысль: вот, снова есть прадревный великолепный божественный свет; он светит, хотя его сияние никак не природное. И человек соединяется в настоящее время с духовными космическими силами света прошлого, когда он еще не был свободной индивидуальностью. И в этом свете он может найти пути, верно ведущие его человеческую сущность, если он с полным пониманием связывает себя в своей душе с миссией Михаила.

Тогда человек почувствует в духовном тепле импульс, так переносящий его в его космическое будущее, что он в нем может остаться верным изначальным дарам своих божественно-духовных существ, хотя он в их мирах и развился до свободной индивидуальности. И он будет ощущать в свете Духа силу, которая приводит его, имеющего восприятие со все более и более высоким и широким сознанием, к тому миру, где он как свободный человек вновь обретает себя среди Богов, от которых он некогда произошел.

Оставаться в первоначальном бытии, желать сохранить начальные наивные, правящие в человеке дары Богов и с трепетом отступить перед полным употреблением свободы, - это приводит человека в современном мире, где все предрасположено к развитию его свободы, к Люциферу, который хочет сделать так, чтобы современный мир был отвергнут.

Предаться современному бытию, захотеть допустить господство одного лишь доступного теперь интеллекту мирового природного бытия, нейтрально относящегося к добру, и желать пережить пользование свободой лишь в интеллекте, - это ведет человека в этом мире современности, в котором развитие должно быть продолжено до глубочайших областей души, когда в верхних ее областях правит свобода, - это ведет к Ариману, который хочет превратить весь современный мир в некий космос интеллектуальной сущности.

В таких областях, где человек чувствует, что его взор, направленный на внешний мир, духовно падает на Михаила, а взгляд во внутрь души духовно падает на Христа, - развивается та душевная и духовная уверенность, благодаря которым он сможет пойти тем космическим путем, на котором он без ущерба для своего происхождения обретет в будущем свое истинное осуществление.

Гетеанум, 9 ноября 1924.

Дальнейшие руководящие положения, данные Гетеанумом Антропософскому обществу

118. Свободным может быть только такое действие, в котором не участвует никакое природное свершение ни внутри, ни вне человека.

119. Этому природному свершению как его полярная противоположность противостоит то, что при свободном действии человеческой индивидуальности

в ней подавляется некий природный процесс, который присутствовал бы при несвободном действии и придавал бы человеческому существу космически предопределенную ему форму.

120. Человеку, в своем существе живущему вместе с современной и будущей стадиями мирового развития, эта форма дается не на соответствующих природе, но на соответствующих духу путях, через связь его с Михаилом, благодаря которой он находит также и путь к Христу.

КОСМИЧЕСКИЕ МЫСЛИ В ДЕЙСТВИЯХ МИХАИЛА И В ДЕЙСТВИЯХ АРИМАНА

Тот, кто наблюдает отношение Михаила к Ариману, пожалуй, вынужден поставить вопрос: как ведут себя в космической связи эти обе духовные власти, поскольку они обе действуют в развитии интеллектуальных сил.

В прошлом Михаил раскрывал интеллектуальность через Космос. Он делал это как служитель божественно-духовных сил, которые дали жизнь и ему самому, и человеку. И он хочет оставаться при этом отношении к интеллектуальности. Когда интеллектуальность отделилась от божественно-духовных сил, чтобы найти путь во внутренний мир человеческого существа, он принял решение впредь встать в верное отношение к человечеству, чтобы в нем найти свое отношение к интеллектуальности. Но все это он хотел также и в дальнейшем делать только в смысле божественно-духовных сил как их служитель, тех сил, с которыми он, а также и человек связаны своим происхождением. Такова его цель, - чтобы интеллектуальность в будущем текла сквозь сердца людей, но как та сила, какой она была уже вначале, изливаясь из божественно-духовных властей.

Совсем иначе обстоит с этим у Аримана. Это существо с давних пор отделило себя от того направления развития, к которому принадлежат упомянутые божественно-духовные силы. В отдаленнейшем прошлом он поставил рядом с ними себя как самостоятельную космическую силу. - В настоящее время он находится пространственно в том мире, к которому принадлежит человек, но он не развивает никакой силовой связи с существами, правомерно принадлежащими к этому миру. Лишь тогда, когда к этому миру приближается интеллектуальность, отделившаяся от божественно-духовных существ, Ариман находит себя столь родственным этой интеллектуальности, что он через нее может на свой лад связать себя с человечеством. Ибо он уже в отдаленнейшие времена соединился с тем, что человек в настоящее время получает как некий дар из Космоса. Ариман хотел бы, - если бы ему удалось то, что является его намерением, - сделать интеллект, данный человеку, подобным своему собственному.

Так вот, Ариман присвоил себе интеллектуальность в то время, когда он не мог пережить ее в себе внутренне. Она осталась в его существе силой, не имеющей ничего общего с сердцем и душой. Интеллектуальность проистекает от Аримана как леденящий бездушный космический импульс. И те люди, которые захвачены этим импульсом, развивают логику, говорящую безжалостным образом и без любви, как будто лишь для самой себя, - в действительности же в ней говорит Ариман; в этой логике не обнаружить ничего из того, что существует как истинное, внутреннее, сердечно-душевное бытие человека, объединяющее его с тем, что он думает, говорит, делает.

А Михаил никогда не присваивал интеллектуальность себе. Он управляет ею, как божественно-духовной силой, чувствуя свою связь с божественно-духовными властями. Благодаря этому обнаруживается, что в интеллектуальности, пронизанной им, есть возможность быть столь же хорошим выражением сердца, души, как и головы, духа. Ибо Михаил несет в себе все изначальные силы своих Богов и Богов людей. Благодаря этому он не вносит в

интеллектуальность ничего ледяющего, бездушного, но он обращается к ней внутренне теплым, исполненным душевности образом.

В этом заключается также основание того, почему Михаил странствует через Космос с серьезным ликом и жестом. Быть внутренне так связанным с разумным содержанием Космоса, как Михаил, означает в то же время осуществление требования ничего не вносить в это содержание от субъективного произвола, от желания или вожделения. Иначе логика становится произволом одного существа, вместо того чтобы быть выражением Космоса. Строго держать свое существо как выражение мирового бытия и все, что хочет внутри себя проявиться как собственное существо, оставлять также внутри себя - вот что считает Михаил своей добродетелью. Его помыслы направлены к великим закономерностям Космоса, - об этом говорит его лик; его воля, обращенная к человеку, должна отображать то, что он прозревает в Космосе, - об этом говорит его поза, его жест. Михаил во всем серьезен, серьезность как откровение некоего существа есть отражение Космоса, являющего себя из этого существа; улыбка же есть выражение того, что, исходя из некоего существа, излучается в мир.

Одной из имажинаций Михаила является также следующая: он странствует сквозь ход времен, сущностно неся свет из Космоса как свое существо и формируя тепло из Космоса как дающее откровение собственного существа; он странствует как существо, подобное некоему миру, утверждая себя самого лишь тем, что он утверждает Космос, и низводя на Землю силы со всех концов Вселенной.

Противоположна имажинация Аримана: в своем шествии он хотел бы извлечь из времени и завоевать себе пространство; он имеет вокруг себя тьму, куда он посылает лучи собственного света; чем больше он достигает в своих намерениях, тем сильнее холод вокруг него; он движется как некий мир, который весь сжимается в одном существе - в его собственном, где он утверждает только себя самого через отрицание мира; он движется так, как если бы привел с собой злоеущие силы мрачных бездн Земли.

Если человек ищет свободы, не впадая в эгоизм, если свобода становится для него чистой любовью к совершаемому поступку, то у него тогда есть возможность приблизиться к Михаилу. Если же он хочет действовать в свободе при развертывании эгоизма, если свобода становится для него гордым чувством выявить в поступке себя самого, тогда он находится в опасности попасть в область Аримана.

Описанные выше имажинаций вспыхивают из любви человека к самому поступку (Михаил) или же из его эгоистической любви - при поступке - к самому себе (Ариман).

Когда человек чувствует себя как свободное существо вблизи Михаила, то он находится на пути к тому, чтобы нести силу интеллектуальности в себя как в "целостного человека"; правда, он мыслит головой, но его сердце чувствует тьму или свет мысли; воля же излучается существом человека таким образом, что он дает вступать в себя мыслям как намерениям. Человек, делаясь выражением мира, становится все больше и больше человеком; он находит себя тогда, когда он не ищет себя самого, но в любви связывает себя своей волей с миром.

Когда же человек, развертывая свою свободу, подпадает соблазнам Аримана, то он втягивается в интеллектуальность как в духовный автоматизм, в котором он больше не он сам, но некий элемент этого автоматизма. Все его мышление становится головным переживанием; одно это обособляет головное переживание от собственного переживания сердца и собственного переживания воли, угашая собственное бытие. Человек все больше теряет из своего внутреннего сущностно-человеческого выражения, становясь выражением своего эгоистического бытия; он утрачивает себя, в то время как ищет себя; он удаляется от того мира, которому отказывает в любви, но человек подлинно переживает себя лишь тогда, когда любит мир.

Из этого описания хорошо видно, что Михаил есть вождь, ведущий к Христу. Михаил шествует через мир со всей серьезностью своего существа, своего вида, своих деяний в любви. Кто держится Михаила, тот в отношении внешнего мира возвращает любовь. И любовь должна раскрываться, прежде всего, по отношению к внешнему миру, иначе она становится себялюбием.

Если эта любовь погружена в михаилическое настроение, тогда любовь к другому сможет также отразиться в собственное «Я». Он сможет любить без того, чтобы любить себя самого. И на путях такой любви человеческая душа обретает Христа.

Кто держится Михаила, тот возвращает в отношении внешнего мира любовь и благодаря этому он находит то отношение к внутреннему миру своей души, которое приводит его к единению с Христом.

Наступающая ныне эпоха требует прозрения человечества в некий мир, который как духовный мир непосредственно граничит с физически-ощущаемым, в нем можно найти то, что здесь обрисовано как существо Михаила и миссия Михаила. Ибо тот мир, который человек, взирая на этот физический мир, представляет себе как природу, есть вовсе не тот, в котором он непосредственно живет, но - такой, который столь же глубоко лежит ниже истинно человеческого мира, как михаэлический мир — над ним. Человек только не замечает, что бессознательно, в то время как он создает себе некий образ своего мира, возникает в сущности другой мир. Рисуя этот образ, он уже готов выключить себя самого и подпасть духовному автоматизму. Человек может сохранить свою человечность только тогда, когда он этому образу, в котором как в естественнонаучном образе природовоззрения он утрачивает себя самого, противопоставляет другой образ, где правит Михаил, где Михаил ведет по пути к Христу.

Гетеанум, 16 ноября 1924.

Дальнейшие руководящие положения, данные Гетеанумом Антропософскому обществу

121. Нечто, действующее в мире, например, космические мысли, человек еще не распознает в своем значении для мира, если останавливается при этом на действующем в себе; но надо, познавая, смотреть на тех существ, от которых это действующее исходит; например, в отношении космических мыслей, — Михаил или Ариман приносит их в мир и несет через мир.

122. То, что, исходя от одного существа в силу его отношения к миру действует целительным и созидающим образом, может оказаться губительным и разрушающим, если исходит от другого существа. Космические мысли несут

человека в будущее, когда он воспринимает их от Михаила; они уводят его прочь от приносящего ему благо будущего, если их может дать человеку Ариман.

123. Такие рассмотрения будут все более приводить к преодолению представления о какой-то неопределенной духовности, которая должна пантеистически править в основе вещей; эти рассмотрения приводят к определенной, конкретной духовности, которая может составить себе представления о духовных существах высших Иерархий. Ибо действительность, ведь, повсюду состоит из сущностного, а то, что в ней не сущностно, — есть деятельность, разыгрывающаяся в отношениях существа к существу. Эти отношения будут поняты только в том случае, если мы сможем бросить взгляд на этих деятельных существ.

ПЕРВОЕ РАССМОТРЕНИЕ:

ПЕРЕД ВРАТАМИ ДУШИ СОЗНАТЕЛЬНОЙ. КАК МИХАИЛ ЧЕРЕЗ ПОБЕДУ НАД ЛЮЦИФЕРОМ СВЕРХЗЕМНЫМ ОБРАЗОМ ПОДГОТОВЛЯЕТ СВОЮ ЗЕМНУЮ МИССИЮ

Вмешательство Михаила к концу XIX века в развитие мира и человечества является в особенном освещении, когда рассматривают духовную историю предшествовавших веков.

В начале XV века находится тот момент времени, в котором имеет свой исток эпоха души сознательной.

Обнаруживается полный переворот в духовной жизни человечества перед этим моментом времени. Можно проследить, как до того в человеческие воззрения повсюду еще вплетались имажинации. Отдельные личности, правда, уже раньше обрели в своей душевной жизни чистые "понятия", однако, общий душевный склад большинства людей проявляет себя во взаимопроникновении имажинации и представлений, происходящих из чисто физического мира. Так обстоит дело и с представлениями о природных событиях, и с представлениями об историческом становлении.

Внешние свидетельства вполне подтверждают то, что в этом направлении может открыть духовное наблюдение. На некоторые из них пусть будет тут указано.

Как раз перед наступлением эпохи сознания было записано многое из того, что в предыдущих столетиях думалось и говорилось об исторических событиях. Таким образом, из этого времени до нас дошли "сказания" и тому подобное, дающие верную картину того, как раньше люди представляли себе "историю".

Прекрасный пример - рассказ о "добром Герхарде", сохранившийся в одном стихотворении Рудольфа из Эмса, жившего в первой половине XIII века. "Добрый Герхард" - богатый кельнский купец. Он предпринимает торговое путешествие в Россию, Лифляндию и Пруссию для покупки соболиных мехов. Потом он едет в Дамаск и Ниневию, чтобы приобрести шелковые ткани и тому подобное. Во время обратного путешествия на родину его сбивает с пути буря. В чужой стране, куда он попал, он знакомится с человеком, у которого в плену находятся английские рыцари и невеста английского короля. Герхард отдает все приобретенное им во время путешествия за выкуп пленных. Он берет их на свой корабль и отправляется в обратный путь. Когда корабль доплывает до того места, где пути на родину Герхарда и в Англию расходятся, Герхард отпускает пленных рыцарей на их родину; невесту же короля он оставляет у себя в надежде, что ее жених - король Вильгельм - приедет за ней, как только получит весть об ее освобождении и местонахождении. Наилучшим образом была принята Герхардом королевская невеста и сопровождавшие ее подруги. Как любимая дочь жила она в доме ее освободителя из плена. Проходит много времени, но король все не приезжает за ней. И тогда, чтобы обеспечить будущность своей приемной дочери, Герхард решил обвенчать ее со своим сыном. Ибо можно было подумать, что Вильгельм умер. Уже было в разгаре празднество свадьбы сына Герхарда, как на пиру появился в образе незнамого пилигрима Вильгельм. Он долго блуждал в поисках своей невесты. После самоотверженного отречения сына Герхарда, его невеста была ему возвращена.

Некоторое время они оба еще оставались у Герхарда; затем он оснастил корабль, чтобы доставить их в Англию. Когда вновь восстановленные в своем достоинстве пленники смогли приветствовать Герхарда в Англии, они захотели выбрать королем его. Но он возражает, что привез им их законную королевскую чету. Ведь и они также думали, что Вильгельм умер и хотели выбрать другого короля для страны, в которой во время Вильгельма все пришло в беспорядок. Кельнский купец отклонил все предложенные ему почести и богатства и возвратился назад в Кельн, чтобы быть там и дальше тем простым купцом, каким он был прежде. - История оборачивается так, что саксонский король Отгон I приезжает в Кельн, чтобы познакомиться с "добрым Герхардом". Ибо могучий король подпал искушению притязать на "земную награду" за многое, что он совершил. Узнав же Герхарда, он имеет в нем осязаемый пример того, как простой человек творит неслыханно много добра - отдает все добытые им товары, чтобы освободить пленников; возвращает Вильгельму назад невесту сына; затем все то, что он делает, чтобы снова доставить Вильгельма в Англию, и так далее, - без притязания на какую-либо земную награду, а ожидая награды лишь от Божественной Власти. Люди величают его "добрым Герхардом"; король чувствует, что он получил могучий религиозно-моральный импульс благодаря знакомству с душевным складом Герхарда.

Этот рассказ, схему которого я тут набросал, чтобы нечто мало известное не обозначить всего лишь именами, показывает (пусть с одной стороны, однако, совершенно отчетливо) душевный строй эпохи перед вступлением души сознательной в развитие человечества.

Кто дает воздействовать на себя этому рассказу Рудольфа из Эмса, тот может почувствовать, насколько изменилось переживание земного мира с того времени, когда жил (в X веке) король Отгон.

Взглянем, как в эпоху души сознательной перед душевным взором человека мир в известной степени "прояснился" для всего постижения физического бытия и становления. Герхард со своими кораблями плывет, в какой-то мере, словно в тумане. Он всегда знает лишь кусочек из того мира, с которым он хочет прийти в связь. В Кельне ничего не знают о том, что происходит в Англии, и нужно целые годы искать человека, живущего в Кельне. Жизнь и владения такого человека, как тот, к которому Герхарда занесло на обратном пути, можно узнать, лишь, если судьбою непосредственно приведен в данное место. К нынешнему проникновению взором в мировые взаимоотношения тогдашнее относится так, как взгляд на широкий ландшафт, освещенный солнцем, - к движению ощупью в густом тумане.

То, что теперь признают "историческим", не имеет никакого отношения к тому, что рассказано в связи с "добрым Герхардом". И тем более - к душевному строю и всему духовному положению эпохи. Именно это, а не конкретные события физического мира переданы в имажинациях.

В этом повествовании отражено то, что человек не только чувствует себя существом, которое живет и действует как одно из звеньев в цепи событий физического мира, но он ощущает вмешательство в свое земное существование духовных, сверхчувственных существ и связь с ними своей воли.

Рассказ о "добром Герхарде" показывает, как сумерки, предшествовавшие узрению физического мира в эпоху души сознательной, направляли взор

человека к восприятию духовного мира. Глядели тогда не в дали физического бытия, но более взирали в глубины духовного.

Но как сумеречное (сновидческое) ясновидение являло когда-то человечеству духовный мир, так больше не было в упомянутую эпоху. Имагинации тогда были, но они вставляли внутри такого облика человеческой души, который уже сильно стремился к мыслительному. Это обусловило то, что больше не знали, как относится к физическому бытию мир, открывающийся в имагинациях. Поэтому для людей, настойчивее державшихся за мыслительное, имагинации казались произвольными "фантазиями" без реальности.

Больше не знали, что через имагинацию взирают в мир, в котором находятся совсем другой частью своего человеческого существа, чем в физическом. Так, в повествовании оба мира стояли рядом; и оба благодаря направленности рассказа носили такой характер, что можно было подумать, что духовные события, о которых шла речь, разыгрывались среди физических событий и воспринимались таким же образом, как сами эти физические события.

К этому присоединялось то, что во многих таких рассказах физические события были перемешаны между собою. Лица, чьи жизни разделены столетиями, выступают как современники; события смещены или в неверное место или в неверное время.

На факты физического мира человеческая душа смотрит так, как можно взирать лишь на духовное, где время и пространство имеют иное значение, чем для физического; физический мир представляется в имагинациях, вместо того чтобы представляться в мыслях; зато духовный мир так вплетен в рассказ, как если бы имели дело не с другой формой бытия, а с продолжением физических фактов.

Понимание истории, держащееся лишь физического, думает, что тут заимствованы древние имагинации Востока, Греции и так далее и поэтически сплетены с историческим материалом, занимавшим тогда внимание людей. Ведь, в сочинениях Исихора Севильского из VII века имеется настоящее собрание древних "легендарных сюжетов".

Однако это внешний способ рассмотрения. Он имеет некоторое значение лишь для человека, не обладающего никаким пониманием такого склада человеческой души, при котором человек осознает себя и свое бытие еще непосредственно связанными с духовным миром и чувствует стремление выразить свое знание в имагинациях. Тогда, если вместо собственной имагинации употребляется имагинация, переданная исторически, в которую вжилась душа, то это - не существенно. Это происходит оттого, что душа ориентирована на духовный мир так, что она видит включенными в этот мир и свои собственные поступки, и природные события.

Но в самом способе рассказа в период, предшествующий наступлению эпохи сознания можно заметить некоторое заблуждение.

Соответствующее духу наблюдение прозревает в этом заблуждении действие люциферической силы.

То, что побуждает душу принять в содержание своих переживаний имагинации, - это меньше соответствует тем способностям, которые она имела в глубокой древности благодаря сновидческому ясновидению, но больше уже тем, которые существовали от VIII до XIV веков христианского летоисчисления. А

эти способности уже больше стремились к мыслительному пониманию чувственно воспринимаемого, В переходное время существуют рядом оба рода способностей. Душа поставлена между старой ориентировкой, направленной на духовный мир и позволяющей видеть физический мир лишь как бы в тумане, и новой, которая направлена к физическим событиям и при которой блекнет духовное восприятие.

В это неустойчивое равновесие человеческой души проникает действие люциферической силы. Она хотела бы помешать человеку обрести полную ориентировку в физическом мире. Она хотела бы его с его сознанием удерживать в тех духовных областях, которые подходили для него в далеком прошлом. Она не хотела бы в его сновидчески-имагинативное видение мира дать втекать чисто мыслительному рассмотрению, направленному на понимание физического бытия. Она, пожалуй, может удерживать неправильным образом способность восприятия вдали от физического мира. Но она не может правильным образом сохранять переживание древних имажинации. Она позволяет ему думать в имажинациях, не будучи в состоянии совсем перенести его душевно в тот мир, в котором имажинации являлись бы полноценными.

При наступлении эпохи сознания Люцифер действует так, что из-за него человек не подобающим ему образом переносится в сверхчувственную область, непосредственно примыкающую к физической.

Особенно наглядно это можно увидеть в сказании о "герцоге Эрнсте", принадлежавшем к самым излюбленным и рассказываемым повсюду в широких кругах повествованиям Средневековья.

Герцог Эрнст оказывается в распри с королем, который хочет несправедливо покончить с ним войной. Герцог чувствует себя вынужденным принять участие в крестовом походе на Восток, чтобы тем самым избежать немислимых отношений с главой государства. В переживаниях, им испытываемых, пока странствование не приводит его к цели, физическое указанным образом, в духе "легенд" переплетается с духовным. Герцог, например, на своем пути попадает к одному народу, у которого головы сформированы как у журавля. Его корабли прибывает к "магнитной горе", которая их притягивает к себе, так что люди, оказавшиеся вблизи этой горы, уже не могут возвратиться обратно, а должны плачевно погибнуть. Герцог Эрнст и его свита спасаются тем, что зашивают себя в кожи, и грифы, привыкшие завладеть как своей добычей людьми, прибитыми к магнитной горе, уносят их на гору, откуда они, прорезав кожи, уходят во время отсутствия грифов. Дальнейшее странствование приводит его к народу, имеющему такие длинные уши, что они могут быть обернуты вокруг тела как одежда; затем - к другому, имеющему такие большие ноги, что во время дождя люди могут ложиться на землю, а ноги раскрывать над собой, как зонтик. Он попадает к карликам, к великанам и так далее. Многое подобное рассказывается в связи с крестовым походом герцога Эрнста. Сказание не дает правильным образом почувствовать, как везде, где выступают имажинации, имеет место ориентировка на духовный мир, как события тут передаются в образах, развертывающихся в астральном мире и связанных с волей и судьбой земных людей.

Так обстоит и с прекрасной "Песней о Роланде", в которой прославляется поход Карла Великого в Испанию против язычников. Там даже говорится, - со

ссылкой на Библию, - что для того, чтобы Карл Великий мог достигнуть намеченной им цели, Солнце задержалось в своем пути, так что один день стал столь же длинен, как два.

А в "Песне о Нибелунгах" видно, как та же самая форма, которая, сохранившись в северных странах, содержит в чистоте восприятие духовного мира, в то время как в средней Европе имажинации близко подходят к физической жизни. В северной форме повествования выражено, что имажинации относятся к "астральному миру"; а в средне-европейской версии "Песни о Нибелунгах" имажинации проскальзывают в восприятие физического мира.

Также и в сказании о герцоге Эрнсте имажинации, появляющиеся там, в действительности относятся к тому, что между опытами в физической сфере переживается человеком в "астральном мире", между опыта в физической сфере, переживается человеком в "астральном мире", к которому человек принадлежит так же, как и к физическому.

Обратив на все это духовный взор, можно увидеть, что вступление в эпоху сознания означает вырастание из той фазы развития, в которой человечество было бы побеждено люциферическими силами, если бы через душу сознательную - с ее силой интеллектуальности - в человеческое существо не пришел новый импульс развития. Душа сознательная препятствует той ориентировке на духовный мир, которая хочет увлечь человека на пути заблуждения; человеческий взор обращается к физическому миру. Все, что происходит в этом направлении, избавляет человечество от вводящей его в заблуждение люциферической власти.

В это время ради человечества из духовного мира уже действует Михаил. Он из сверхчувственного мира подготавливает свое позднейшее деяние. Он из сверхчувственного мира подготавливает свое позднейшее деяние. Он дает человечеству импульсы, охраняющие такое древнее отношение к божественно-духовному миру, которое не принимает люциферического характера.

Затем, в последнюю треть XIX века сам Михаил проникает в физический мир с той своей деятельностью, которую он с XV века до XIX века предварительно развивал из сверхчувственного мира.

Человечество должно было некоторое время проходить свое духовное развитие так, чтобы оно высвободилось от того взаимоотношения с духовным миром, какое угрожало стать чем-то невозможным. После этого благодаря миссии Михаила развитие было направлено на те пути, на которых поступательный ход земного человечества снова обретает благотворное для него отношение к духовному миру.

Так стоит в своем деянии Михаил между люциферическим образом мира и ариманическим мировым рассудком. Образ мира становится у него исполненным мудрости откровением о мире, и оно раскрывает мировой разум как божественное мировое деяние. В этом мировом деянии живет Христова забота о человечестве, которая из михаилического откровения о мире может таким образом открыться человеческому сердцу.

(Далее следуют второе и третье рассматривания.) Гетеанум, 23 ноября 1924.

**Дальнейшие руководящие положения, данные
Гетеанумом Антропософскому обществу**

124. Началу эпохи сознания (XV век) предшествует в вечерних сумерках эпохи души рассудочной (или души характера) повышенное люциферическое влияние, которое продолжается еще некоторое время и в новой эпохе.

125. Это люциферическое воздействие хотело бы неправомерно сохранить древние формы образного представления о мире и удержать людей от понимания через интеллект физического бытия мира и от вживания в него.

126. Михаил связывает себя с деяниями человечества, чтобы самостоятельная интеллектуальность оставалась при исконном божественно-духовном, однако не люциферическим, а правомерным образом.

ВТОРОЕ РАССМОТРЕНИЕ: КАК СИЛЫ МИХАИЛА ДЕЙСТВУЮТ В ПЕРВОМ РАЗВЕРТЫВАНИИ ДУШИ СОЗНАТЕЛЬНОЙ

В эпоху вступления души сознательной в земное развитие человечества для существ духовного мира, ближайшего к земному бытию, было трудно подойти к человечеству. Земные события принимают форму, указывающую, что необходимы отношения совсем особого рода, чтобы сделать возможным для духовного путь в физическую жизнь человечества. Но с другой стороны эта форма опять-таки указывает и зачастую самым ясным образом на то, что тогда, когда еще действуют силы прошлого, а силы будущего уже начинают действовать, — одно духовное в противодействии к другому духовному энергично ищет своего пути в земную жизнь человечества.

Тогда, с 1339 по 1453 годы разворачивается более чем столетняя ведущая к хаосу война между Францией и Англией. В этом смятении, вызванном известным, неблагоприятным для человеческого развития, духовным течением, встают препятствия для событий, которые, если бы этих препятствий тогда не было, скорее ввели в человечество душу сознательную. Чосер (умерший в 1400 году) положил основание английской литературе. Нужно только подумать о том, какие духовные последствия для Европы вызвало это основание литературы, и тогда можно найти знаменательным, что это событие не могло свободно принять свою форму, но что оно совпало с неурядицами войны. К этому присоединяется то, что уже ранее (с 1215 года) в Англии началось развитие того политического мышления, которое свое правильное выявление могло получить через душу сознательную. Дальнейшее развитие этого события также совпадает с трудностями войны.

Тут мы имеем дело с эпохой, когда духовные силы, желающие развивать человека так, как он к этому с самого начала предназначен высшими для этих сил божественно-духовными властями, — когда эти духовные силы встречают своих супостатов. Эти супостаты хотят увлечь человека на другие пути, чем указанные ему изначала. И он не смог бы тогда применить изначальные силы для своего позднейшего развития. Его космическое детство осталось бы для него бесплодным. Оно стало бы засыхающей частью его существа. Следствием этого было бы то, что человек мог бы стать добычей люциферических или ариманических сил, и его собственное самостоятельное развитие не состоялось бы. Если бы эти супостаты человечества своими устремлениями не только воздвигли препятствия, но и достигли бы полного успеха, тогда вступление души сознательной могло бы быть пресечено.

Событием, в котором особенно ярко обнаруживается излияние духовного в земные события, является выступление и судьба Жанны д'Арк, Орлеанской Девы (1412-1431). Импульсы того, что она свершает, таятся для нее самой глубоко в подсознательных подосновах, души. Она следует смутным внушениям духовного мира. На земле царит смятение, которое может воспрепятствовать наступлению эпохи сознания. Михаил должен из духовного мира готовить свою позднейшую миссию. Он может это сделать там, где его импульсы воспринимаются человеческой душой. У Орлеанской Девы — такая душа. Он действует также и через многие другие души, хотя это оказывается

возможным только в меньшей степени и менее заметно для внешней исторической жизни. В таких событиях, как война между Англией и Францией, он встречается с враждебным к нему ариманическим отношением.

В предыдущем рассмотрении было сказано о люциферическом супостате, с которым Михаил столкнулся в это время. Но этот супостат совершенно особенным образом проявляет себя также в том, как разыгрывались события, последовавшие за выступлением Орлеанской Девы. В этих событиях видно, что люди больше не могли занять никакой позиции по отношению к вмешательству духовного мира в судьбы человечества, которое могло быть понятно, а также воспринято людьми в их волю тогда, когда еще существовало имажинативное знание. Эта позиция в отношении к такому вмешательству духовного мира стала невозможной с прекращением действия души рассудочной (или души характера); позиция же, соответствующая душе сознательной еще не была тогда найдена; она и теперь еще не достигнута.

И случилось так, что тогда исходящее из духовного мира формирование Европы осуществилось без понимания со стороны людей того, что происходит, и без того, чтобы они смогли оказать достойное упоминания влияние на это формирование.

Нужно только представить себе, что произошло бы в XV веке, если бы не было никакой Орлеанской Девы, и тогда станет достаточно ясным значение этого, из духа обусловленного события. Впрочем, есть ведь люди, которые подобное явление хотят объяснять материалистически. Взаимопонимание с ними невозможно потому, что они явно духовное произвольно перечекаивают в материалистическом смысле.

В некоторых духовных устремлениях человечества отчетливо обнаруживается также и то, что оно не может без трудностей найти путь к божественно-духовному, хотя и ищет его интенсивно. Это - трудности, которых не было в те времена, когда понимания еще можно было достигнуть при помощи имажинаций. Для того чтобы иметь верное суждение о подразумеваемом здесь, необходимо только увидеть в ясном свете появляющихся философских мыслителей. Философа не следует рассматривать единственно с точки зрения его влияния на свою эпоху, - на основании лишь того, сколько людей восприняли его идеи. Он в гораздо большей мере есть выражение своей эпохи, выявление ее сущности. То, что большая часть человечества несет в себе бессознательно как душевный склад, как неосознанные чувствования и жизненные импульсы, - все это философ преподносит в своих идеях. Подобно термометру, показывающему тепловое состояние своего окружения, он показывает душевное состояние своей эпохи. Философы столь же мало суть причины душевного склада своей эпохи, как термометры - причины теплового состояния их окружения.

При этих предпосылках взглянем на философа Рене Декарта, творившего уже во время действия эпохи сознания. (Он жил с 1596 года до 1650.) Узкая опора его связи с духовным миром (с истинным бытием), это переживание: "я мыслю, следовательно, я есть". В центре самосознания, в центре «Я» он ищет ощущения реальности, однако, лишь в той мере, в какой может гласить ему душа сознательная.

Обо всем же прочем духовном он пытается составить себе ясное представление интеллектуальным путем, исследуя, какое ручательство дает достоверность собственного самосознания в отношении достоверности прочего. Он всюду вопрошает об истинах, переданных ему по традиции: так же ли они ясны, как положение, — "я мыслю, следовательно, я есть"? И если он может это подтвердить, тогда он это принимает.

Разве при таком человеческом мышлении не изгнан Дух из всякого воззрения, направленного на вещи внешнего мира? Проявление этого Духа стянуто к самой малой опоре внутри самосознания; все остальное оказывается непосредственно лишенным проявления Духа. На все лежащее вне самосознания свет проявления этого Духа может быть пролит лишь посредством интеллекта в душе сознательной.

Человек этой эпохи некоторым образом дает еще почти пустому содержанию своей души сознательной в интенсивной тоске стремиться в духовный мир. Тонкий луч идет туда.

Существа духовного мира, непосредственно граничащего с земным миром, и человеческие души на земле с трудом приходят друг к другу. Лишь с величайшими затруднениями сопереживает человеческая душа сверхчувственное подготвление Михаилом его позднейшей миссии.

Чтобы понять сущность того душевного склада, который находит свое выражение в Декарте, сравним этого философа с Августином, пользующимся во внешних формулировках той же самой точкой опоры для переживания духовного мира, что и Декарт. Только у Августина это происходит из полной имажинативной силы души рассудочной, или души характера. (Он жил в 354 ~ 430 годах.) С правом находят родство между Августином и Декартом. Только у Августина интеллект является еще остатком космического, а у Декарта он уже втягивается в отдельную человеческую душу. Как раз из прогресса духовного движения от Августина к Декарту можно видеть, как утрачивается космический характер мыслительных сил, и как он затем снова выступает в человеческой душе. Но в то же время видно, как при всех трудностях Михаил и человеческая душа находят друг друга таким образом, что Михаил может править в человеке тем, чем он прежде правил в Космосе.

Против этого взаимного обретения работают люциферические и ариманические силы. Люциферические силы хотят допустить к раскрытию в человеке только того, что ему было свойственно в его космическом детстве; ариманические же силы, являющиеся их противниками, но все же действующие совместно с ними, хотели бы развить единственно те силы, которые достижимы в позднейшие мировые времена, и засушить космическое детство.

При таких возросших противодействиях человеческими душами Европы было переработано то, что как духовные импульсы притекло с Востока на Запад, из древних мировоззрительных идей через крестовые походы. А в этих идеях могущественно жили силы Михаила. Космическая интеллигенция, управление которой было древним духовным наследием Михаила, господствовала в этих мировоззрениях.

Но как они могли быть восприняты, если между силами духовного мира и человеческими душами простерлась бездна? Они пали в едва начавшую развиваться душу сознательную. С одной стороны они встретились с тем

препятствием, которое имело причину в еще слабо развитой душе сознательной. Они заглушали ее собственную деятельность, расслабляли ее. А с другой стороны они больше не наталкивались на сознание, еще несомое имажинацией. Человеческая душа не могла с полным пониманием связать их с собой. Люди воспринимали их либо совсем поверхностно, либо же суеверно.

Надо заглянуть в это духовное состояние, если хотят понять такие движения мысли, которые, с одной стороны, связаны с именами Виклифа, Гуса и других, а с другой стороны - с наименованием "розенкрейцерство" в его сущности. Об этом будет сказано в дальнейшем.

(Далее следуют продолжение этого второго рассмотрения и третье рассмотрение.) Гетеанум, 30 ноября 1924.

Дальнейшие руководящие положения, данные Гетеанумом Антропософскому обществу

127. В начале эпохи сознания человеческая душа еще в самой малой степени развивает свои интеллектуальные силы. Нет связи между тем, чего страстно желает душа в ее подсознательных глубинах, и тем, что могут дать ей силы из той области, где присутствует Михаил.

128. При отсутствии этой связи существует повышенная возможность для люциферических сил удерживать человека в силах космического детства и повести его к дальнейшему развитию не путями божественно-духовных сил, с которыми он был изначально связан, а путями люциферических сил.

129. Далее выступает повышенная возможность для ариманических сил изолировать человека от сил космического детства и для дальнейшего развития привлечь его в свою собственную область.

130. Ни то, ни другое не произошло благодаря тому, что все же действовали силы Михаила; но духовное развитие человечества должно было осуществляться среди препятствий, возникших из этих двух возможностей, и вследствие этого стало тем, чем оно является до сих пор.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ВТОРОГО РАССМОТРЕНИЯ: ПОМЕХИ И СОДЕЙСТВИЯ СИЛАМ МИХАИЛА В НАСТУПАЮЩЕЙ ЭПОХЕ ДУШИ СОЗНАТЕЛЬНОЙ

Включение души сознательной в телесные оболочки вызвало по всей Европе также нарушение в религиозном исповедании и в переживании культа. На повороте от XI века к XII это нарушение отчетливо возмущает о себе появлением "доказательства Бога" (особенно через Ансельма Кентерберийского). Существование Бога должно было быть доказано в силу рассудочных оснований. Стремление к этому смогло наступить только потому, что исчезал старый способ переживания "Бога" силами своей души. Ибо так переживаемое не доказывается логически.

Прежний способ состоял в душевном восприятии сущностных разумов (intelligen), — ввысь, вплоть до Божества; новый способ стал интеллектуальным образовыванием себе мыслей о "Первопричинах" Вселенной. Для первого способа располагали силами Михаила в духовной области, непосредственно граничащей с земной областью; эти силы, действуя позади мыслительных сил, направленных на чувственное, вооружали душу способностями воспринимать во Вселенной сущностно-разумное. Для второго же способа сперва должно было быть подготовлено объединение души с силами Михаила.

В области культа от Виклифа в Англии (XIV век) вплоть до Гуса в Богемии, в широких областях человеческого религиозного переживания пошатнулось такое центральное учение как учение о Причастии. В Причастии человек мог обрести свою связь с духовным миром, открывшимся ему через Христа, ибо он в своем существе мог так соединиться с Христом, что факт чувственного соединения был одновременно и духовным.

Сознание души рассудочной (или души характера) могло представить себе такое соединение. Эта душа еще имела такие идеи и о духе, и о материи, которые стояли близко друг к другу; так что одно (материя) могло мыслиться переходящим в другие (дух). Однако таким идеям нельзя быть столь интеллектуалистичными, чтобы требовать и доказательств для бытия Бога; они должны иметь еще нечто от имажинации. Благодаря этому в материи был ощущаем действующий в ней дух, а в духе - стремление к материи. Идеи этого рода имели за собой космические силы Михаила.

Обдумайте только, сколь многое в это время пошатнулось для человеческой души! Сколь многое из того, что было связано с ее самым внутренним, самым святым переживанием! Выступали личности Гус, Виклиф и другие, в которых ярче всего сияла сущность души сознательной; они обладали душевным строем, связывавшимся с силами Михаила столь крепко, как это для прочих должно было наступить лишь через столетия. Следуя голосу Михаила в своем сердце, они приводили в действие право души сознательной добиваться схватывания глубочайших религиозных тайн. Они чувствовали: интеллектуальность, подымавшаяся вместе с душой сознательной, должна быть способна включить в область своих идей то, что в древние времена достигалось через имажинацию.

Наоборот, старая, переданная по традиции установка человеческой души утратила в самых широких кругах людей всю внутреннюю силу. То, что в истории называется язвами церковной жизни, - то, чем были озабочены большие

реформаторские соборы в эпоху начала деятельности души сознательной, - это связано с жизнью тех человеческих душ, которые еще не чувствовали в себе души сознательной, но которые в то же время больше не могли в унаследованной душе рассудочной, или душе характера иметь нечто такое, что давало бы им внутреннюю силу и уверенность.

Поистине можно сказать, что такие исторические человеческие переживания, какие выявились на соборах в Констанце и Базеле, указывают наверху, в духовном мире на излияние интеллектуальности, устремляющейся к людям, а внизу - на земную область с душой рассудочной (или душой характера), больше несоответствующей времени. Между этими мирами парят силы Михаила; они обращаются к своей прошлой связи с божественно-духовным и взирают вниз на человеческое, которое также имело эту связь, но которому теперь надо перейти в ту сферу, где ему из Духа должен помочь Михаил; сам же Михаил не должен изнутри соединяться с этим человеческим. В таком стремлении Михаила, которое необходимо в космическом развитии, но которое, все же означает, прежде всего, нарушение равновесия в Космосе, заключено то, что должно было пережить человечество в эту эпоху также и в отношении самых священных истин.

Можно глубоко заглянуть в характерные особенности этого времени, если рассмотреть кардинала Николая Кузанского (прочтите о нем в моей книге "Мистика в начале духовной жизни нового времени"). Его личность является как бы вехой для того времени. Ему хотелось сделать общезначимым те взгляды, согласно которым неполадки физического мира побеждаются не экзальтированными устремлениями, но что можно сбившееся с верного пути снова вернуть на него при помощи здорового человеческого разума. Рассмотрите его действия на Базельском Соборе и внутри его церковной общины, - и вы заметите это.

Если тем самым Кузанский полностью расположен к повороту развития, наступившему с развертыванием души сознательной, то с другой стороны его воззрения блистательным образом являют в себе силы Михаила. Он вносит в свою эпоху древние благие идеи, которые некогда вели понимание человеческой души к раскрытию способностей для восприятия сущностных разумов в Космосе, когда Михаил еще управлял мировой интеллектуальностью. "Ученое незнание", о котором он говорит, это — постижение, лежащее выше восприятия, направленного на мир внешних чувств, — постижение, которое ведет мышление ввысь, за пределы интеллектуальности, то есть обычного знания, в область, где в незнании, - но зато в переживаемом лицезнении, — постигается духовное.

Итак, Кузанский - та личность, которая, в собственной душевной жизни ощущая нарушение Михаилом космического равновесия, интуитивно хотела как можно больше способствовать тому, чтобы это нарушение было бы направлено к благу человечества.

Среди того, что таким образом выступало духовно, сокрыто жило и нечто другое. Отдельные личности, обладавшие чувством и пониманием положения сил Михаила во Вселенной, хотели так подготовить силы своих душ, чтобы найти сознательный доступ в ту духовную область, граничащую с земным миром, где ради человечества прилагает свои усилия Михаил.

Они пытались получить право на это духовное дерзание благодаря тому, что внешне, в своей профессиональной деятельности и вообще в жизни они держали себя так, что их существование не отличалось от быта других людей. Из-за того, что они, таким образом, по отношению к земному миру с любовью выполняли свои обязанности в самом обычном смысле, они могли свободно обратиться к охарактеризованному духовному началу внутреннее существо своей человечности.. То, что они делали в этом направлении, было их собственным делом и делом тех людей, с которыми они связывали себя "в тайне". В отношении происходившего на физическом плане мир сначала, казалось, был совсем не затронут этим духовным течением. Однако, все это было необходимо, чтобы привести человеческие души в нужную связь с миром Михаила. Дело шло не о "тайных обществах" в каком-либо дурном смысле, не о чем-то таком, что старается быть сокрытым потому, что страшится света дня. Дело было гораздо больше в совместном обретении друг друга теми людьми, которые в этом совместном обретении убеждаются в том, что те, кто принадлежит к ним, имеют верное сознание миссии Михаила. Люди, так совместно работающие, не говорят тогда о своей работе тем, которые вследствие отсутствия понимания могли бы лишь помешать выполнению их задач. Эти задачи заключались, прежде всего, в действиях внутри тех духовных течений, которые протекают не в пределах земной жизни, но в граничащем с нею духовном мире, посылая, однако, свои импульсы в земную жизнь.

Ими называются на духовную работу люди, находящихся в физическом мире, но таких, которые действуют совместно с существами духовного мира, с существами не вступающими в физический мир, не воплощающимися в нем. Здесь указывается на тех, кого в мире называют - с весьма малым знанием фактов — "розенкрейцерами". Истинное розенкрейцерство полностью находится в русле действенности миссии Михаила. Оно помогало Михаилу подготовить на земле то, что Михаил хотел подготовить как свою духовную работу для поздней эпохи.

Что из этого могло получиться, поймут, если направят мысли на следующее.

Трудность, даже невозможность для Михаила действовать в таких человеческих душах, какие были сейчас охарактеризованы, связана с тем, что он сам своим существом не хочет входить в какое бы то ни было соприкосновение с физической земной жизнью настоящего времени. Он хочет оставаться в тех связях сил, которые существовали для людей и Духов его рода в прошлом. Всякое соприкосновение с тем, с чем должен прийти в соприкосновение в нынешней физической жизни человек, Михаил мог бы рассматривать лишь как загрязнение своего существа. Ныне в обычной человеческой жизни духовное переживание души проникает своим действием в физическую земную жизнь, и, обратно, эта последняя оказывает воздействие на духовное переживание. Есть такое обратное действие, и оно находит свое выражение, главным образом, в настроении человека и в ориентировке на что-нибудь земное. Такого рода взаимодействие духовного и земного, как правило, бывает, но не всегда у лиц, действующих публично. Поэтому в отношении многих реформаторов действительно возникали очень большие препятствия для деяния Михаила.

Трудность, возникающую с этой стороны, розенкрейцеры преодолевали тем, что они в своей внешней жизни, в отношении земных обязанностей держались совершенно в стороне от своей работы с Михаилом. Когда Михаил, со своими импульсами, встречался с тем, что розенкрейцер подготовил ему в своей душе, то Михаил совсем не подвергался опасности натолкнуться на земное. Ибо оно, благодаря особо организованному строю души, удерживалось вдалеке от того, что как раз связывало розенкрейцера с Михаилом.

Поэтому истинная розенкрейцеровская воля формировала на земле приемлемый для Михаила путь к Его грядущей земной миссии.

(Далее следует третье рассмотрение.)

Гетеанум, 6 декабря 1924.

Дальнейшие руководящие положения, данные Гетеанумом Антропософскому обществу

131. В начинающейся эпохе души сознательной интеллектуальность, эмансипированная в человеке, хочет заниматься истинами исповедания и культа. Вследствие этого должна поколебаться человеческая душевная жизнь. То сущностное, что раньше переживалось душевно, хотят доказать логически. Содержания культа, которые должны постигаться в имажинациях, хотят охватить логически умозаключением и даже образовать их согласно этому.

132. Все это связано с тем, что Михаил всячески хочет избежать того соприкосновения с нынешним земным миром, в которое должен вступать человек. Но все же Михаил должен и далее руководить - уже в человеке - космической интеллектуальностью, которой он правил в прошлом. Отсюда, через действие сил Михаила, возникает необходимое для поступательного развития мира нарушение космического равновесия.

133. Миссия Михаила облегчается тем, что некие личности - истинные розенкрейцеры - так устраивают свою внешнюю земную жизнь, что она не оказывает никакого воздействия на их внутреннюю душевную жизнь.

Благодаря этому они могут в своем внутреннем существе образовать силы, при помощи которых они действуют в духовном совместно с Михаилом таким образом, что Михаил не подвергается опасности быть впутанным в нынешние земные события, что было бы для Него невозможным.

ТРЕТЬЕ РАССМОТРЕНИЕ:

СТРАДАНИЕ МИХАИЛА ИЗ-ЗА ХОДА РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ПЕРЕД ВРЕМЕНЕМ ДЕЙСТВИЯ МИХАИЛА В ЗЕМНОМ МИРЕ

В дальнейшем поступательном развитии эпохи сознания все больше прекращается возможность связи Михаила с существом человека. В него вступает очеловеченная интеллектуальность. Из чего исчезают имажинативные представления, которые могли являть человеку сущностный разум в Космосе. Лишь с последней трети XIX века открывается для Михаила возможность подойти к людям. Прежде это могло происходить только на таких путях, которые искали как истинно розенкрейцеровские.

Своим зарождающимся интеллектом всматривается человек в природу. Тогда он видит некий физический, некий эфирный мир, внутри которых он не находится. Благодаря великим идеям Коперника, Галилея он получает образ внечеловеческого мира; но он утрачивает свой собственный образ. Он взирает на себя самого и не имеет никакой возможности придти к пониманию того, что он такое.

В глубинах его существа пробуждается в нем то, чему предназначено нести его разум. С этим связывает себя его «Я». Таким образом, человек отныне несет в себе троякое. Во-первых, в его духовно-душевном существе является как физически-эфирное то, что некогда, уже во времена Сатурна и Солнца, и затем все снова ставило его в царство божественно-духовного. Это - то самое, где могут идти вместе существо человека и существо Михаила. Во-вторых, человек несет в себе свое позднейшее физическое и эфирное существо, - то, что принесли ему времена Луны и Земли. Все это — творение и действительность божественно-духовного; но само оно в этом жизненно больше не присутствует. Оно лишь тогда становится снова вполне жизненно присутствующим, когда Христос проходит через Мистерию Голгофы. В том, что духовно действует в физическом и эфирном телах человека, может быть обретен Христос. В-третьих, человек имеет в себе ту часть своего духовно-душевного существа, которая во времена Луны и Земли приняла в себя новую сущность. И в ней остался деятельным Михаил, в то время как в обращенном к Луне и Земле он становился все более бездеятельным. А тут он сохранил человеку его человечески-божественный образ.

Он мог это совершать до начала эпохи сознания. Затем все душевно-духовное человека до некоторой степени погрузилось в физически-эфирное, чтобы добыть оттуда душу сознательную.

Сияющее возшло в сознание человека то, что ему могли сказать его физическое тело и его эфирное тело о физическом и эфирном в природе. И затмилось для его взора то, что ему могли сказать астральное тело и «Я» о самих себе.

Наступает время, когда в человечестве оживает чувство, что оно больше не может подойти к пониманию самого себя. Начинается искание познания человеческого существа. Не могут удовлетвориться тем, что в состоянии дать современность. Возвращаются к исторически более ранним временам. В духовном развитии восходит гуманизм. К гуманизму стремятся не потому, что имеют человека, но потому, что его утратит. Если бы его имели, то Эразм Роттердамский и остальные действовали бы, исходя из совсем другого нюанса

души, чем тот, каким для них был гуманизм. Позднее в "Фаусте" Гете открыл образ человека, который человека целиком и полностью утратил.

Это искание "человека" становится все интенсивнее. Ибо есть лишь один выбор: или отупеть в отношении чувства своего собственного существа, или же страстную тоску по нему развивать как некую душевную стихию.

Вплоть до XIX века лучшие люди в различных областях европейской духовной жизни развивают самым различным образом идеи, - исторические, естественнонаучные, философские, мистические, - представляющие стремление найти человека в том, что стало интеллектуальным мировоззрением.

Ренессанс, духовное возрождение, гуманизм спешили, даже рвались к духовности в том направлении, в каком ее не найти; а в направлении, где ее надо искать — бессилие, иллюзия, оглушенность. И при этом везде прорыв сил Михаила - в искусстве, в познании, в людях, но только еще не в оживающих силах души сознательной. - Колебания духовной жизни. И Михаил, обращающий все свои силы обратно в космическое развитие, чтобы ему достало мощи, сохраняя равновесие, удерживать под своими ногами "дракона". Как раз при этом напряжении сил Михаила возникают великие творения Ренессанса. Но они суть лишь обновление через Михаила того, что отвечает душе рассудочной (или душе характера), а не действие новых душевных сил.

Можно узреть, что Михаил преисполнен заботы, - в состоянии ли он достаточно долго одолевает "дракона", когда он воспринимает, как люди в одной области, исходя из вновь полученной картины природы, хотят получить образ человека. Михаил видит, как рассматривается природа и как из того, что называют "законами природы", хотят сформировать образ человека. Он видит, как представляют себе, что определенное свойство животного становится все совершеннее, определенная связь органов становится все гармоничнее и что благодаря этому "возникает" человек. Но перед духовным взором Михаила не возникает "человека", ибо то, что мыслится, как усовершенствование, гармонизация, - всего лишь "мыслится"; никто не может увидеть, что это происходит также и в действительности, ибо это как раз нигде не имеет места.

И вот так живут люди с такими мыслями о человеке - в призрачных образах, в иллюзиях; они гонятся за образом человека, полагая, что он - уже их; в действительности же в их поле зрения нет ничего. "Сила духовного Солнца освещает их души; Христос действует; но заметить этого они еще не могут; сила души сознательной правит в теле; но она еще не хочет вступить в душу. Такой, примерно, можно услышать ту инспирацию, которую в страшной тревоге произносит Михаил. Не придает ли сила иллюзии в человеке такую мощь "дракону", что ему — Михаилу — станет невозможным удерживать равновесие?

Другие личности больше стремятся к тому, чтобы с внутренне-художественной силой ощутить природу воедино с человеком. Мощно звучат слова Гете, когда он в прекрасной книге характеризует произведение Винкельмана: "Когда здоровая природа человека действует как целое, когда он чувствует себя в мире как в великом, прекрасном, достойном и драгоценном целом, когда гармоничное удовольствие вызывает в нем чистый свободный восторг, - тогда Вселенная, если бы она могла сама себя ощутить как достигшая своей цели возликовала бы и удивилась бы вершине собственного становления и бытия". В этих словах Гете звучит то, что вызывало пламенную духовность

Лессинга, что одушевляло в Гердере его широкий взгляд на мир. И все собственное творчество Гете есть словно всестороннее раскрытие этих его слов. Шиллер в "Эстетических письмах" изображает идеального человека, который, таким образом, как это звучит в словах Гете, несет в себе всю Вселенную и осуществляет это в социальном единении с другими людьми. Но откуда происходит этот образ человека? Он сияет подобно утреннему Солнцу над весенней землей. Но в человеческое ощущение этот образ вошел из созерцания человека Древний Греции. Люди охраняли его, имея сильный внутренний импульс Михаила: но выявить этот импульс они могли, лишь погружаясь душевным взором в прошлое. Ведь Гете, желая пережить "человека", ощущал сильнейшие конфликты с душой сознательной. Он искал его в философии Спинозы; во время итальянского путешествия, когда он заглянул в сущность Греции, он думал, что впервые верно предугадал его. От души сознательной, бывшей в Спинозе, он все-таки в конце концов поспешил уже к угасающей душе рассудочной, или душе характера. От нее он лишь может безгранично много перенести в душу сознательную в своем всеобъемлющем воззрении на природу.

Строго взирает Михаил на этот поиск человека. Правда, в человеческое духовное развитие тут вступает нечто, соответствующее его - Михаила - замыслу: это - человек, лицезревший некогда сущностно-разумное, которым тогда еще правил из Космоса Михаил. Но этот человек, если бы его не охватила одухотворенная сила души сознательной, должен был бы, наконец, отпасть от деяния Михаила и подчиниться власти Люцифера. Что Люцифер при неустойчивом положении космически-духовного равновесия может достичь перевеса, - это вторая страшная тревога в жизни Михаила.

Подготовление Михаилом его миссии, наступающей с конца XIX века, протекает космически трагично. Внизу, на Земле часто господствует глубочайшее удовлетворение от воздействия природного образа; а в области, где действует Михаил, царит трагизм из-за препятствий, чинимых проникновению образа человека в жизнь.

Прежде в лучах Солнца, в сиянии утренней зари, в мерцании звезд жила строгая одухотворенная любовь Михаила; теперь к этой любви добавился оттенок страдания при лицезрении человечества.

Космическая ситуация Михаила стала трагически трудной, но в то же время и побуждающей к решению как раз во время, предшествовавшее его земной миссии. Люди могли удержать интеллектуальность лишь в области тела, а в нем — в пределах внешних чувств. Поэтому, с одной стороны, они не принимали во внимание ничего кроме того, что им гласили внешние чувства; природа стала ареной внешнечувственного откровения, но это откровение мыслилось вполне материально. В формах природы больше не воспринимали божественно-духовного творения, но нечто лишенное Духа; о чем все же утверждали, что оно производит то духовное, в котором живет человек. А с другой стороны, люди хотели принимать от духовного мира лишь то, о чем сообщали исторические свидетельства. Лицезреть Духа запрещается так же строго в прошлом, как и в настоящем.

В душе человека жило только еще то, что приходит из мира современности, куда не вступает Михаил. Человек стал радоваться тому, что он стоит на "твердой" почве. Он верил, что имеет ее, ибо в "природе" он не искал ничего от

тех мыслей, в которых он опасался тотчас же встретить произвол фантазии. Но Михаил не испытывал радости; он должен был в другом для человека направлении, в своей собственной области вести борьбу против Люцифера и Аримана. Это создавало великую трагическую трудность, ибо Люцифер тем легче подступает к человеку, чем больше Михаил, который также оберегает прошлое, должен держаться вдали от человека. Итак, в духовном мире, непосредственно граничащем с Землей, разыгралась жаркая битва Михаила с Люцифером и Ариманом за человека, который в это время в земном мире сам в своей душе действовал против того, что благотворно для его развития.

Само собой разумеется, все это действительно для духовной жизни Европы и Америки; об азиатской же надо было бы говорить иначе.

Гетеанум, 14 декабря 1924.

Дальнейшие руководящие положения, данные Гетеанумом Антропософскому обществу

134. В самое первое время развития души сознательной человек чувствует, что им утрачен имажинативно данный ему прежде образ человечества, образа его собственной сущности. Бессильный найти его в душе сознательной, он ищет это на естественнонаучном или историческом путях. Ему хотелось бы снова вызвать в себе древний образ человечества.

135. Это приводит человека не к подлинному наполнению человеческой сущностью, а лишь к иллюзиям. Но этого не замечают, а видят в этом нечто такое, что поддерживает собой человечество.

136. Итак, Михаилу приходится во время, предшествовавшее его земной деятельности, с тревогой и болью взирать на развитие человечества. Ибо человечество осуждает всякое рассмотрение духа и тем самым отрезает от себя все, что связывает его с Михаилом.

РОЖДЕСТВЕННОЕ РАССМОТРЕНИЕ: МИСТЕРИЯ ЛОГОСА

В рассмотрение Мистерии Михаила воссияло, сияя рассмотрение Мистерии Голгофы. Это свершилось благодаря тому факту, что Михаил есть та сила, которая целительным для человека образом приводит его к Христу.

Но миссия Михаила такова, что она в космическом становлении человечества повторяется в ритмической последовательности. В своем благотворном воздействии на земное человечество повторялась она до Мистерии Голгофы. Тогда она была связана со всем тем, чем действительно обладала еще вневременная сила Христа для проявления себя ради развития земного человечества. После Мистерии Голгофы она начинает служить тому, что должно совершиться через Христа для земного человечества. В своих повторениях миссия Михаила выступает в изменяющейся и развивающейся дальше форме, но именно - в повторениях.

Напротив того, Мистерия Голгофы есть всеобъемлющее космическое событие, которое осуществляется лишь единственный раз в ходе всего космического развития человечества.

Когда человечество дошло до развития души рассудочной, или души характера, тогда впервые полностью выступает все усиливающаяся опасность уже издавна подготавливавшегося высвобождения человечества из бытия божественно-духовного.

И в той же самой мере, в какой человеческая душа утрачивает сопереживание божественно-духовных Существ вокруг нее встает то, что теперь называют "природой".

Человек уже более не видит человечески сущностного в божественно-духовном Космосе; он видит творение божественно-духовного в земном. Сначала он видит это не в той абстрактной форме, как это видится ему теперь; ибо теперь чувственно-физические существа и процессы держатся вместе теми абстрактными содержаниями идей, которые называют "законами природы". Сначала он смотрит на это, как на некое божественно-духовное Существо. Это божественно-духовное Существо то вздымалось, то нисходило подобно волнам во всем, что человек видит, в возникновении и прохождении животных живых существ, в росте и развитии мира растений, что он замечает в деятельности источников и вод, в формировании ветров и облаков. Все эти существа и процессы вокруг него являются ему жестами, деяниями, являются ему речью того Божественного Существа, которое находится в основе "природы".

Как некогда человек видел в конstellациях звезд и в движениях звезд деяния, жесты космических божественных Существ, как он читал их слова, так теперь "факты природы" стали выражением Богини Земли. Ибо Божество, действующее в природе, представлялось в женском облике.

Остатки этого способа представления как имажинативное наполнение души рассудочной, или души характера были действительными в человеческих душах еще долго во время Средневековья.

Познающие говорили о деяниях "Богини", когда они хотели понять "свершения природы". Лишь с постепенным восхождением души сознательной

стало для человечества непонятным это живое, внутренне-одушевленное рассмотрение природы.

И то, как в эпоху души рассудочной, или души характера смотрели в этом направлении, напоминает миф о Персефоне вместе с лежащей в его основе мистерией.

Дочь Деметры, Персефону, Бог подземного мира принудил последовать за ним в его царство. В конце концов, это принимает такую форму, что она лишь полгода проводит в подземном мире, а другую половину года остается на Земле.

Необычайно мощно этот миф выражает еще то, как некогда, в очень далеком прошлом в сновидческом ясновидении, познавая, прозревали все становление земного бытия.

Все творение мира в незапамятные времена происходило из окружения Земли. Сама же Земля лишь была в процессе возникновения. В ходе космического развития она образовывала свое существо в результате деятельности своего окружения. Божественно-духовные Существа Космоса были творцами в отношении ее существа. - Когда она продвинулась достаточно далеко чтобы стать самостоятельным мировым телом, тогда божественно-духовное низошло на нее из всеобщего Космоса и стало Божеством Земли. Сновидческое ясновидение древнего человечества, познавая, прозревало этот космический факт; от этого познания остался миф о Персефоне; но это осталось так же, как уходящее далеко в Средневековье искание, - так, познавая, проникать в "природу". Ибо тогда еще не направляли внимание, как позже, на впечатления внешних чувств, то есть на то, что появляется на поверхности земного бытия, но взирали на силы, действующие из глубин Земли на ее поверхность. - И эти "силы глубин", "силы подземного мира" рассматривали в процессе взаимодействия с силами небесных светил и стихий окружения Земли.

Вот произрастают растения в своих многообразных формах, раскрываются в своем пестром красочном проявлении. В них действуют силы Солнца, Луны и звезд вместе с силами глубин Земли, Их основой стали минералы, которые уже полностью имеют свое бытие в том, что из космического бытия стало земным. Каменные породы благодаря небесным силам, ставшим земными, появляются исключительно из "подземного мира". Животный мир не принимал сил "земных глубин". Он возникает исключительно благодаря действующим из окружения Земли мировым силам. Струящимся на землю солнечным силам он обязан своим становлением, ростом, развитием, своей способностью питания и возможностью движения. Размножаться он может под влиянием струящихся на Землю сил Луны. Он появляется во многих формах и видах, ибо из Вселенной на животную жизнь самым разным образом, формируя, действуют положения небесных светил. Но Вселенная лишь поставила на землю животных. Они принимают участие в земном бытии только своей смутной жизнью сознания; своим возникновением, своим ростом, всем тем, что они суть, чтобы они могли иметь восприятия и двигаться, - они никак не земные существа.

Эта грандиозная идея о становлении Земли некогда жила в человечестве. В том, что от этого доходит до Средневековья, лишь в малой мере еще узнается эта грандиозность. Для того чтобы достигнуть этого познания, нужно обратить взор созерцательного познания на весьма древние времена. Ибо также из

имеющихся физических документов только тот может понять, что существовало в душах людей, кто может прозреть это духовно.

Но человек не в состоянии так далеко держаться от земли, как животное царство. Высказывая это, подходят к мистерии человечества, а равным образом и к мистерии животного царства. Эти мистерии отражаются в культе животных у древних народов, прежде всего, у египтян. В животных видели существ, которые являются гостями Земли, в которых можно узреть существ и деятельность духовного мира, граничащего с земным. И в соединении человеческого облика с животным, переданном в образах, представляли себе облики тех элементарных промежуточных существ, которые в ходе мирового становления хотя и находятся на пути к человечеству, но не вступают в земное бытие и не становятся людьми. Такие элементарные промежуточные существа есть. Египтяне, изображая их, лишь передавали свои видения. Но такие существа не обладают полным самосознанием человека. Чтобы этого достичь, человек должен был настолько полным образом вступить в земной мир, чтобы он в свое существо воспринял нечто от существа Земли.

Он должен был быть поставлен перед тем фактом, что в этом земном мире имеется творение связанных с ним божественно-духовных Существ, но уже только как произведенное ими. И так как существует лишь оторвавшееся от своего первоисточника сотворенное, то в него имеют доступ люциферические и ариманические существа. Вместе с тем для человека появляется необходимость сделать это проникнутое Люцифером и Ариманом творение тем местом, где пребывает одна часть - а именно земная - его жизненного формирования.

Это лишь до тех пор возможно без окончательного отрыва человеческого от его изначального божественно-духовного, пока человек еще не продвинулся до развертывания своей души рассудочной, или души характера. И тогда в человеке осуществляется порча его физического, эфирного и астрального тел. Древнее знание знакомо с этой порчей как с чем-то таким, что живет в человеческом существе. Знают, что она необходима для того, чтобы сознание в человеке могло продвинуться к самосознанию. В культивировании познания, которое происходило в местах, дарованных Александром Великим науке, жил аристотелизм, несущий в себе (если его верно понять) эту порчу как определяющий элемент аристотелевской науки о душе. Позднее подобные идеи больше не постигались в их внутренней сущности.

Во времена, предшествовавшие развитию души рассудочной, или души характера, человек все же так был сплетен с силами своего божественно-духовного происхождения, что эти силы из своего места в Космосе могли удерживать в равновесии люциферические и ариманические силы, наступающие на человека на Земле. С человеческой стороны тогда достаточно делалось для содействия этому равновесию, когда в культовых и в мистериальных служениях раскрывался образ погружающегося в царство Люцифера и Аримана и снова победоносно восстающего божественно-духовного Существа. Поэтому можно видеть в народных культах во времена, предшествовавшие Мистерии Голгофы, образные представления того, что в мистерии Голгофы стало действительностью.

Когда развернулась душа рассудочная, или душа характера, то лишь благодаря самой реальности человеческого существо могло оставаться

защищенным перед фактом отрыва от своих божественно-духовных существ. Во время земного существования в живущей земным организации души рассудочной, или души характера должно было также и в земном бытии внутренне выступить Божественное как сущность. Это произошло благодаря тому, что божественно-духовный Логос, Христос ради человечества связал Свою космическую судьбу с Землей.

Персефона погрузилась в земное, чтобы освободить растительный мир от необходимости образовываться лишь от земного. Это есть нисхождение некоего божественно-духовного Существа в природу Земли. И Персефона имеет, ведь, своего рода "воскресение", но происходящее ежегодно в ритмической последовательности.

Этому событию, совершающемуся на Земле как космическое противостоит нисхождение Логоса ради человечества. Персефона нисходит для того, чтобы придать природе ее изначальную ориентировку. Тут в основе должен лежать ритм; ведь природные события осуществляются ритмично. Логос нисходит в человечество. Это происходит единственный раз во время развития человечества. Ибо это развито есть лишь одно звено в гигантском мировом ритме, в ходе которого человечество до своего человеческого бытия как человечество было совсем иным и затем тоже будет чем-то совсем иным, тогда как растительная жизнь как таковая повторяется в коротких ритмах.

Увидеть Мистерию Голгофы в этом свете необходимо человечеству с наступлением эпохи сознания. Дело в том, что уже в эпоху души рассудочной, или души характера была бы опасность отрыва человека, если бы не последовала Мистерия Голгофы. В эпоху души сознательной для человека в его сознании должно было бы наступить полное помрачение духовного мира, если бы душа сознательная не смогла бы настолько укрепить себя, чтобы с пониманием обратиться к своему божественно-духовному происхождению. А если она может это совершить, то она обретает Мировой Логос как Сущность, которая может повести ее обратно в духовный мир. И она проникается могущественной картиной, открывающей ей то, что произошло на Голгофе.

Началом этого понимания является исполненное любви постижение ночи мирового Рождества, о котором празднично вспоминают каждый год. Ибо укрепление души сознательной происходит, ведь, благодаря тому, что она, сперва воспринимая в себя интеллектуальность, вносит в этот самый холодный душевный элемент тепло любви. Тепло той любви, которая всего возвышеннее струится тогда, когда она направлена на младенца Иисуса, появляющегося на Земле в ночь мирового Рождества. Тем самым человеку дано для воздействия на его душу высочайшее земное духовное событие, которое в то же время было физическим; он может встать на путь принятия в себя Христа.

Природа должна быть познана так, что в Персефоне (или в том существе, которое еще лицеизредли в раннем Средневековье, когда говорили о "Натуре") она являет божественно-духовную изначальную и вечную силу, из которой она возникла и непрестанно возникает как основа земного существования человека.

Человеческий мир должен быть познан так, что он являет в Христе изначальный и вечный Логос, который в области изначальной связанной с человеком божественно-духовной Сущности действует в направлении развертывания Духо-существа человека.

Склонить в любви человеческое сердце к этим великим космическим связям - таково истинное содержание того праздничного воспоминания, что ввиду ночи мирового Рождества каждый год подступает к человеку. Если такая любовь живет в человеческом сердце, то она пронизывает своим пламенем холодный элемент света души сознательной. А если бы душа сознательная осталась без этого пронизания пламенем, человек никогда бы не пришел к ее проодухотворению. Он угас бы в холоде интеллектуального сознания или ему бы пришлось остаться в некоей духовной жизни, не достигающей развертывания души сознательной. Он остановился бы тогда на ступени развертывания души рассудочной, или души характера.

Но по своей сущности душа сознательная не холодна. Она лишь кажется такой в начале своего развертывания, ибо тогда она может явить полноту света своего содержания, но еще не космическое тепло, из которого она все же происходит.

Чтобы в настоящее время ощутить и пережить Рождество можно воспроизвести в душе, как человеку возвещается слава божественно-духовных Существ, являющих свои отображения в звездных далях, и как совершается на земле освобождение человека от тех сил, которые хотят удалить его от его истока.

Гетеанум, на Рождество 1924.

Дальнейшие руководящие положения, данные Гетеанумом Антропософскому обществу

137. Деятельность, осуществляющаяся через силы Михаила в развитии мира и человечества, повторяется ритмически до и после Мистерии Голгофы, хотя в измененной и ушедшей вперед форме.

138. Мистерия Голгофы есть единственный раз совершившееся величайшее событие в развитии человечества. Здесь не может быть речь о ритмическом повторении. Ибо хотя это развитие человечества и стоит в могучем ритме Вселенной, но все же оно есть лишь один обширный член этого ритма. Прежде чем оно стало этим членом, человечество было чем-то существенно иным, а не собственно человечеством; потом оно станет опять-таки чем-то иным. Итак, во время развития человечества есть много свершений Михаила, но есть лишь одно событие Голгофы.

139. В быстром ритмическом повторении оборота года божественно-духовное Существо, которое спустилось в глубины Земли для проодухотворения процессов природы, производит это свершение. Оно представляет собой проодушевление природы изначальными и вечными силами, которые должны оставаться деятельными, а нисшедший Христос представляет собой проодушевление человечества изначальным и вечным Логосом, чья деятельность на благо и ради спасения человечества никогда не должна прекращаться.

НЕБЕСНАЯ ИСТОРИЯ МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЗЕМНАЯ ИСТОРИЯ МИСТЕРИЯ ГОЛГОФЫ

В пространственном космосе друг другу противостоят дали Вселенной и центр Земли. В даях Вселенной неким образом "рассеяны" звезды. Из центра Земли излучаются силы по всем направлениям далее Вселенной.

Человеку, который находится во вселенной в настоящую космическую эпоху, сияние звезд и действие сил Земли могут являться лишь как общее творение божественно-духовных существ, с которыми он связан в своем внутреннем существе.

Но некогда была космическая эпоха, когда это сияние и эти силы Земли были еще непосредственным духовным откровением божественно-духовных существ. Человек в своем смутном сознании чувствовал божественно-духовных существ, действующими в его существе.

Затем наступило время другой эпохи. Звездное небо с его светилами выделилось как телесная сущность из божественно-духовной творческой деятельности. Возникло то, что можно назвать Духом Вселенной и телом Вселенной. Дух есть некое множество божественно-духовных существ. В более древнюю эпоху они оказывали свои воздействия на Землю из местонахождений звезд. То, что тогда блистало из далей Вселенной, что как силы излучалось из центра Земли, - это были в действительности разум и воля божественно-духовных существ, творивших Землю и ее человечество.

В позднейшую космическую эпоху - после развития Сатурна и Солнца - действие разума и воли божественно-духовных существ становилось все более и более духовно внутренним. А то, в чем они первоначально действительно присутствовали, — это стало "телом Вселенной", гармоническим расположением звезд в мировом пространстве. Можно сказать, обращая взгляд на эти вещи сообразно духовному мировоззрению: из начального Духо-тела Существ, творящих Вселенную, возникли Дух Вселенной и тело Вселенной. И тело Вселенной расположением и движением звезд являет то, каким некогда было разумное и сообразное воле творческое деяние Богов. Но для космического настоящего то, что некогда было в звездах свободно подвижным божественным разумом и божественной волей, стало в них закономерно устойчивым.

Итак, то, что ныне из звездных миров светит человеку на Землю, — это уже не непосредственное выражение божественной воли и божественного разума, а сохраняющиеся знаки того, чем они некогда были в звездах. Вид неба и звезд, исторгающий восхищение из человеческой души, позволяет узреть прошлое, но не настоящее откровение Богов.

Однако то самое, что в сиянии звезд является "прошлым", в Духе Вселенной есть "настоящее". И человек своим существом живет в этом "настоящем" Духе Вселенной.

Рассматривая образование Вселенной, надо обратить взгляд на древнюю космическую эпоху, когда Дух Вселенной и тело Вселенной действуют как единство. Надо взглянуть на среднюю эпоху, когда они разворачиваются как двойственность. И нужно помыслить о будущем, о третьей эпохе, когда Дух Вселенной снова примет в свою действенность тело Вселенной.

Для древней эпохи звездную constellation и звездный путь нельзя было "исчислить", ибо они были выражением свободного разума и свободной воли божественно-духовных существ. В будущем их опять нельзя будет исчислить.

"Исчисление" имеет значение лишь для средней космической эпохи.

Это верно как для звездной constellation и для звездного пути, так и для сил, излучающихся из центра Земли в дали Вселенной. Здесь становится "исчислимым" то, что действует "из глубины".

Все из древней космической эпохи стремится к средней эпохе, в которой пространственное и временное становится "исчислимым", а божественно-духовное как откровение разума и воли надо искать "позади" этого "исчислимого".

Лить в эту среднюю эпоху даются те условия, при которых человечество может двигаться вперед от смутного сознания к ясному, свободному самосознанию, - к собственному, свободному разуму и к собственной свободной воле.

Однажды должно было прийти то время, когда Коперник и Кеплер "исчислили" тело Вселенной. Ибо человеческое самосознание должно было формировать себя из космических сил, связанных с наступлением этого момента. Самосознание было заложено в древнее время; затем наступила эпоха, когда оно уже развилось настолько, что смогло "исчислить" дали Вселенной.

На Земле разыгрывается "история". Она никогда не пришла бы, если бы дали Вселенной не превратились в устойчивые звездные constellation и звездные движения. "Историческое становление" на Земле есть отображение, - правда, совсем измененное, - того, что некогда было "небесной историей".

Более древние народы еще имеют в своем сознании эту "небесную историю", и они гораздо больше взирают на нее, чем на "земную историю".

В "земной истории" живут разум и воля людей — сперва в связи с космической волей и разумом Богов, а затем самостоятельно.

В "небесной истории" жили разум и воля связанных с человечеством божественно-духовных Существ.

Если обратиться к духовной жизни народов, то в далеком прошлом сознание совместного бытия и совместного воления с божественно-духовными Существами настолько присутствует у людей, что их история есть небесная история. Человек, говоря об "изначальном", излагает не земные, а космические события. Также в отношении его настоящего то, что происходит в его земном окружении, кажется ему столь незначительным в сравнении с космическими событиями, что он обращает внимание лишь на них, а не на земное.

Была эпоха, когда человечество имело сознание, способное лицезреть небесную историю в могучих впечатлениях; в них перед душой человека вставали сами божественно-духовные Существа. Они гласили, и человек воспринимал этот язык в сновидческой инспирации; они являли свой облик, и человек созерцал их в сновидческой имажинации.

Эта "небесная история", долгое время наполнявшая человеческие души, сменилась мифологической историей, которую теперь часто считают за древнюю поэтическую фантазию. Она связывает небесные свершения с земными событиями. Например, выступают "герои", существа сверхчеловеческие. Они суть существа, стоящие в своем развитии выше

человека. Люди, например, в известное время образовали члены человеческого существа лишь до души ощущающей. А "герой" уже развил то, что в человеке некогда выступит в виде Самодуха. В земных условиях "герой" не может воплотиться непосредственно, но он может достичь этого, погрузившись в тело некоего человека и сделав себя, таким образом, способным в качестве человека действовать среди людей. В "посвященных" древних времен следует видеть такого рода существ.

Факты мирового свершения при всем этом таковы: исторические события следовали друг за другом совсем даже не потому, что их так представляло себе человечество; но претерпевало изменение то, что разыгрывалось между более духовным "неисчислимым" и телесным "исчислимым".

Дело лишь в том, что спустя долгое время после того, как мировые отношения изменились, человеческое сознание того или другого народа еще крепко держалось за "мировоззрение", соответствовавшее гораздо более ранней действительности. Сперва было так, что человеческое сознание, не идущее в ногу с космическим свершением, действительно еще лицеизрело древнее бытие. Затем наступило время, когда ясновидение поблекло и древнее бытие удерживалось только традицией. Так, в Средние века традиционно еще представляется вмешательство небесного мира в земной; но оно уже больше не созерцается, ибо сил образного видения тогда уже больше не было.

В земной сфере народы развиваются таким образом, что они придерживаются содержания того или другого мировоззрения в течение разных сроков времени, так что мировоззрения живут рядом друг с другом, хотя по своему существу они лежат одно за другим. Но различные мировоззрения народов проистекают не только из этого факта, но также и оттого, что сообразно своим задаткам различные народы лицеизрели различное. Так, египтяне видели мир, в котором находятся существа, преждевременно остановившиеся на пути становления человеком и не ставшие земными людьми; и человека после его земной жизни они видели во всем том, где он имеет дело с такими существами. А халдейские народы больше смотрели на то, как внеземные духовные существа - благие и злые - вступали в земную жизнь, чтобы действовать тут.

За древней, очень долгой по времени эпохой, принадлежащей собственно "небесной истории", следует "мифологическая" история — более краткая, но все же еще длительная по сравнению с позднейшей собственно "историей".

Люди, как я уже охарактеризовал, лишь с трудом покидают в своем сознании древние воззрения, в которых Боги и люди представляются действующими совместно: "Собственно земная история" существует, самое долгое, со времени развертывания души рассудочной, или души характера. Но "мыслит" человек еще в смысле того, что было прежде. Лишь тогда, когда развиваются первые зародыши души сознательной, начинают вместе с тем взирать на "собственно историю".

И в том, что, отделившись от божественно-духовного как человечески-духовное, становится историей, человеком могут быть пережиты свободный разум и свободная воля.

Так протекает мировое свершение, в которое вплетен человек, между вполне исчислимым и творящим деянием свободного разума и свободной воли. Во всех

промежуточных нюансах взаимодействия того или другого открывается мировое свершение.

Человек так осуществляет свою жизнь между рождением и смертью, что для него в исчислимом созидается телесная основа для развертывания внутреннего духовно-душевного, свободного неисчислимого. Свою жизнь между смертью и новым рождением он проходит в неисчислимом, однако, таким образом, что для него там, словно "внутри" духовно-душевного бытия, мысленно развертывается исчислимое. Благодаря этому он, исходя из этого исчислимого, становится строителем своей грядущей земной жизни.

В "истории" на земле изживается неисчислимое; но в него, хотя и в слабой мере, включается исчислимое.

Против порядка, установленного между исчислимым и неисчислимым божественно-духовными Существами, изначально связанными с человеком, - против гармонизации исчислимого и неисчислимого в космосе посредством "меры, числа и веса", - восстают люциферические и ариманические существа. Люцифер с тем его складом, который он сам придал своему существу, не может быть в союзе ни с чем исчислимым. Его идеал - космическое, ничем не обусловленное деяние разума.

Эта люциферическая тенденция сообразна мировому порядку в тех областях, где должно царить свободное свершение. И там Люцифер есть правомерный духовный помощник развитию человечества. Без его помощи в духовно-душевное существо человека, жидущееся на основе исчислимой телесности, не могла проникнуть свобода. Но Люцифер хотел бы распространить эту тенденцию на весь космос. И тут его деятельность становится борьбой против божественно-духовного порядка, к которому изначально принадлежит человек.

Проявление этой, ежегодно возникающей божественной любви есть время воспоминания о том, как с Христом свободная божественная стихия вступила в исчисляемый элемент Земли. В полной свободе действует Христос в исчислимом; и этим Он делает безвредным то, что жаждет только исчислимого, а именно ариманическое.

Событие Голгофы есть свободное космическое деяние любви внутри земной истории; и оно постижимо тоже лишь для любви, которую человек привносит к этому пониманию.

Гетеанум, в рождественские дни 1924.

Дальнейшие руководящие положения, данные Гетеанумом Антропософскому обществу

140. Космическое свершение, в которое вплетено развитие человечества и которое в человеческом сознании отражается во всеобъемлющем смысле как "история", расчленяется на длительную небесную историю, более краткую мифологическую историю и относительно совсем короткую земную историю.

141. В настоящее время это космическое свершение распадается на "неисчислимое" деяние божественно-духовных Существ, творящих в свободном разуме и в свободной воле, и на "исчислимое" становление тела Вселенной.

142. Против исчислимого тела Вселенной восстают люциферические силы; против созидającego в свободном разуме и в свободной воле неисчислимого восстают ариманические силы.

143. Событие Голгофы есть свободное космическое деяние, исходящее из вселенской любви и доступное постижению лишь через человеческую любовь.

ЧТО ОТКРЫВАЕТСЯ, КОГДА ВЗИРАЮТ ОБРАТНО, НА ПОВТОРНЫЕ ЗЕМНЫЕ ЖИЗНИ

Когда сообразное духу познание может взирать назад на прежние земные жизни человека, то обнаруживается, что есть некоторое число таких земных жизней, в которых человек уже был личностью. Его внешность походила на современную, и он имел внутреннюю жизнь, носившую индивидуальный отпечаток. Предстают такие земные жизни, которые являют присутствие души рассудочной, но еще не души сознательной; затем - такие, в которых впервые была образована душа ощущающая, и так далее.

Это было в исторические времена земного развития; так было уже и много раньше.

Но в ясновидческом лицезрении в обратном направлении приходят ко временам, когда еще было не так. Там находят человека, который и во внутренней жизни и во внешнем формировании был еще сплетен с миром божественно-духовных Существ. Человек уже существует как земной человек, но как еще не отъединенный от божественно-духовного бытия, мышления и воления.

А в еще более древние времена совсем исчезает человек как отдельное существо; есть только божественно-духовные Существа, несущие человека в своем лоне.

Эти три стадии своего развития человек прошел во время своего земного бытия. Переход из первой во вторую совершился в поздне-лемурийский период, а из второй в третью - в атлантический период.

Подобно тому как человек в нынешней земной жизни несет в себе свои переживания как воспоминания, так же несет он в себе как космическое воспоминание и все то, что он описанным образом проделал. Что такое земная душевная жизнь? - Мир воспоминаний, готовый в каждый момент к новым восприятиям. В этом взаимодействии воспоминания и нового опыта переживает человек свое душевное земное существование.

Но это душевна земное существование не могло бы раскрыться, если бы теперь в человеке еще не было бы, как космическое воспоминание того, что лицезреют, когда духовно взирают назад - на первую стадию земного человеческого становления, когда он еще не отъединялся от божественно-духовных Существ. От того, что тогда происходило в мире, ныне осталось на земле живым только то, что развито внутри человеческой организации нервов и органов внешних чувств. Во внешней природе все силы, которые тогда действенны, отмерли и доступны наблюдению лишь в мертвых формах.

Так в человеческом мире мыслей как современное откровение живет то, что для своего существования на земле должно иметь основой развитие в человеке еще до обретения им индивидуального земного существования.

В жизни между смертью и новым рождением человек каждый раз заново переживает эту стадию. Но только он приносит теперь в мир божественно-духовных Существ, который опять принимает его, - как некогда нес его в себе, - свое вполне индивидуальное существование, образовавшееся в течение земных жизней. Во время между смертью и новым рождением он находится одновременно и в современности, и также во всех временах, пройденных им

благодаря повторным земным жизням и жизням между смертью и новым рождением.

Иначе обстоит с тем, что живет в мире чувствований человека. Он находится в связи с переживаниями, которые пришли непосредственно после тех, какие еще не являют человека как такового. В связи с переживаниями, через которые человек прошел уже как человек, но еще не отъединенный от божественно-духовного бытия, мышления и воления. Человек не мог бы в настоящее время развернуть никакого мира чувствований, если бы этот последний не возник на основе его ритмической организации. И в ней наличествует космическое воспоминание об описанной второй стадии развития человечества.

Так в мире чувствований совместно действуют человеческое душевное настоящее и то, что в нем продолжает действовать из древнего времени.

В жизни между смертью и новым рождением человек переживает содержание того времени, о котором тут идет речь, как границу своего космоса. То, что для человека в физической земной жизни является небом с его светилами, - это духовно, в жизни между смертью и новым рождением, есть то его существование, которое лежит между его совершенной связанностью с божественно-духовным миром и его отделением от него. Тогда на "границе мира" появляются не физические небесные тела, но на месте каждой звезды - сумма божественно-духовных Существ, которые в действительности и есть эта звезда.

Связанным с волей, а не с чувствованием и мышлением, живет в человеке то, что открывают те земные жизни, которые при их лицемерии оказываются уже лично-индивидуальными. То, что дает человеку из космоса его внешний облик, - это содержится в данном внешнем облике как космическое воспоминание. Это живет в человеческом облике как силы. Это суть не непосредственные силы воли, но то, что в человеческой организации является основой сил воли.

В жизни между смертью и новым рождением эта область человеческого существа лежит за "границей мира". Там человек представляет это себе как то самое, что опять будет принадлежать ему при новой земной жизни.

В своей организации нервов и органов внешних чувств человек теперь еще так связан с Космосом, как это было тогда, когда он являлся лишь зародышем внутри божественно-духовного мира.

В своей ритмической организации человек и теперь еще живет в Космосе так, как жил тогда, когда он уже существовал как человек, но не был еще отъединен от божественно-духовного мира.

В своей организации обмена веществ и конечностей, являющейся основой развертывания воли, человек живет так, что в этой организации продолжает действовать все, что он со времени наступления лично-индивидуальных земных жизней проделал в этих жизнях, а также и в жизнях между смертью и новым рождением.

Из сил Земли человек имеет лишь то, что доставляет ему самосознание. Физическая телесная основа этого самосознания также происходит из того, что творится Землею. Все остальное в человеческом существе - внеземного, космического происхождения. Ощущающее и несущее мысли астральное тело и его эфирно-физическая основа, вся жизнедеятельность в эфирном теле и даже то, что действует в физическом теле физико-химически, - все это внеземного

происхождения. Каким бы странным это не могло показаться, но действующее внутри человека физико-химическое ведет свое происхождение не от Земли.

Это внеземное космическое, развиваемое человеком, есть действие планет и звезд. И то, что он, таким образом, развивает, - это приносит на землю своими силами Солнце. Человечески-космическое переносится Солнцем в область земного. Благодаря Солнцу человек живет на Земле как небесное существо. И лишь то, чем он выходит за пределы образования своего человеческого существа, а именно способность производить себе подобных, есть дар Луны. Само собой разумеется, что это не единственные воздействия Солнца и Луны. От них исходят также высоко духовные воздействия.

Когда Солнце около времени Рождества все больше обретает сил для Земли, это есть ритмически проявляющееся в физически-земном мире действие года, которое есть выражение Духа в природе. Развитие человечества есть одно единственное звено в своего рода гигантском мировом годе. Это вытекает из предыдущих высказываний. В этом мировом годе есть мировое Рождество, когда Солнце оказывает свое действие на Землю не только из Духа природы, но когда Душа Солнца, Дух Христа нисходит на Землю.

Как в отдельном человеке индивидуально пережитое связано с космическим воспоминанием, так и ежегодно повторяющееся Рождество верно ощущается человеческой душой, если небесно-космическое событие Христа мыслится продолжающим действовать и постигается не только как человеческое, но как космическое воспоминание. На Рождество не только человек празднично вспоминает нисшествие Христа, но также и весь Космос.

Гетеанум, к Новому 1925 году.

Дальнейшие руководящие положения, данные Гетеанумом Антропософскому обществу

144. Если смотреть назад на повторные земные жизни человека, то они расчленяются на три различные стадии: древнейшую, когда человек существует еще не индивидуально-сущностно, но как зародыш внутри божественно-духовной сущности. Тогда при взгляде, обращенном назад, находят еще не человека, а божественно-духовных существ (Первосилы, или Архан).

145. К этому присоединяется средняя стадия, где человек, хотя он уже и существует индивидуально-сущностно, но еще не отторгнут от мышления, воления и бытия божественно-духовного мира. Он еще не имеет современной личности, которая связана с тем, что он является в своем земном бытии совершенно обособившимся существом, отделившимся от божественно-духовного мира.

146. Как третья стадия выступает лишь теперешняя. Человек переживает себя в своем человеческом облике отделившимся от божественно-духовного мира; он переживает мир как окружение, которому он противостоит индивидуально-личностно. Эта стадия начинается в атлантическое время.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ РАССМОТРЕНИЯ: ЧТО ОТКРЫВАЕТСЯ, КОГДА ВЗИРАЮТ В ОБРАТНОМ НАПРАВЛЕНИИ НА ПРОШЛЫЕ ЖИЗНИ МЕЖДУ СМЕРТЬЮ И НОВЫМ РОЖДЕНИЕМ?

В предыдущем рассмотрении жизнь человека в ее совокупности была прослежена таким образом, что душевный взор был направлен на следующие друг за другом земные жизни. Другая точка зрения, которая может пролить еще больший свет на то, что открывает первая, состоит в том, чтобы подвергнуть рассмотрению следующие друг за другом жизни человека между смертью и новым рождением.

И тогда обнаруживается, что содержание этих жизней - такое, каким оно является в настоящее время, - простирается лишь до известного момента времени земного развития. Это содержание определено, ведь, тем, что человек пронесит через врата смерти внутреннюю силу самосознания, приобретенную в земной жизни. Благодаря этому человек стоит совершенно индивидуально также и перед теми божественно-духовными Существами, в чью среду он вступает.

В предыдущем периоде времени было не так. Тогда человек еще недалеко ушел в развертывании своего самосознания. Силы, приобретенной человеком на земле, не доставало для того, чтобы произвести отделение от божественно-духовных Существ - вплоть до индивидуального существования между смертью и новым рождением. Правда, человек находился уже не внутри божественно-духовных Существ, но все же - внутри круга их воздействия, так что в существенном его воление было их, а не его волением.

Перед этим периодом лежит иной, когда при взгляде назад встречают не человека в его современном духовно-душевном складе, но мир божественно-духовных Существ, в которых человек пребывает лишь зачаточно. Это суть Первосилы (Архан).

И прослеживая назад жизнь одного человека, встречают не одно божественно-духовное Существо, а всех, принадлежащих к этой Иерархии.

В этих божественно-духовных Существах живет воля, чтобы стал человек. В становлении каждого отдельного человека принимает участие воля их всех. В их совместном действии, подобном выступлению хора, содержится как космическая цель возникновения человеческой формы. Ибо еще бесформенным живет человек в божественно-духовном мире.

Может быть, покажется странным, что для одного человека действует весь хор божественно-духовных Существ. Но уже раньше, в течение развития Луны, Солнца и Сатурна, для того чтобы стал человек, так действовали Иерархии Властей, Сил, Господств, Престолов, Херувимов, Серафимов.

То, что возникло раньше на Сатурне, Солнце и Луне, некий род предчеловека, не имело единообразного облика. Существовали такие предчеловеки, которые были больше организованы в отношении системы конечностей, а другие - больше в отношении грудной системы, и еще другие - больше в отношении головной системы. Это были все-таки действительно люди; здесь они названы лишь предчеловеками для того, чтобы отличить их от позднейшей стадии развития, когда в человеческом облике появляется выравнивающее слияние всех

систем. У этих же предчеловеков дифференциация идет гораздо дальше. Можно говорить о человеке типа сердца, о человеке типа легких и так далее.

Иерархия Первосил рассматривает как свою задачу, приведение всех этих предчеловеков, чья душевная жизнь тоже, ведь, отвечала их односторонней организации, к общей человеческой форме.

Из рук Властей принимают они человека. Власти в мысли уже создали единство из человеческой множественности. Только у Властей это единство еще было идеальной формой, формой космической мысли. Архаи из этого образовали эфирную форму, но таким образом, что эта эфирная форма уже содержала силы для возникновения физической формы.

Нечто величественное открывается при взгляде на это положение вещей. Человек есть идеал Богов и цель Богов. Но это прозрение не может быть у человека источником высокомерия и гордости. Ибо он, ведь, смеет считать исходящим от него самого лишь то, что он сделал из себя в земных жизнях с помощью своего самосознания. А это, будучи выражено в космических соотношениях, есть нечто малое по сравнению с тем, что как основу его собственного существа создали Боги из Макрокосмоса, которым являются они сами, - создали как мирокосмос, каким является человек. Божественно-духовные Существа стоят напротив друг друга в Космосе. Видимым выражением этого противостояния является облик звездного неба. Они хотели создать в виде человека как некое единство то, чем они являются все вместе.

Чтобы верно понять, что именно выполняла Иерархия Начал, когда она - в ее сонме - творила человеческую форму, надо поразмыслить о громадной разнице, между этой формой и физическим телом человека. Физическое тело есть то, что физико-химически разыгрывается в существе человека. У современного человека это происходит внутри человеческой фигуры. Но она сама насквозь духовна. Необходимо торжественное настроение, чтобы воспринять внешними физическими чувствами в физическом мире духовное в виде человеческой фигуры. Для того, кто может взирать духовно, это является так, что он в человеческой фигуре видит действительную имажинацию, спустившуюся в физический мир. Если хотят видеть имажинации, то надо подняться из физического мира в ближайший духовный. И тогда замечают, как родственна человеческая фигура этим имажинациям.

Обращенный назад душевный взор человека находит возникновение этой человеческой фигуры как первый период, в который он наблюдает жизни человека между смертью и новым рождением. При этом сразу обнаруживается, какое глубокое отношение существует между человеком и Иерархией Архаев.

В этот период уже можно говорить о некотором намеке на разницу между земной жизнью и жизнью между смертью и новым рождением. Иерархия Архаев именно в ритмической смене этих эпох творит становление человеческой фигуры. Один раз она направляет мысли, которые правят волей отдельных людей, более к внеземному Космосу. Другой раз она смотрит вниз, на Землю. И из взаимодействия того, что возбуждается внеземным Космосом и Землей, образуется человеческая фигура, которая есть, таким образом, выражение того, что человек есть существо одновременно Земли и внеземного Космоса.

Человеческая фигура, описанная здесь как творение Иерархии Архаев охватывает собой, однако, не только внешние очертания человека и сочетание поверхностей, как оно дано в границах кожи, но и состав сил, заключенных в его осанке, в его приноровленной к земным условиям способности движения и в способности пользоваться своим телом как средством выражения для своего внутреннего мира.

То, что человек в условиях земной тяжести может ставить себя в вертикальном положении, что в условиях этой земной тяжести он может сохранять в свободном движении равновесие, а также то, что он может, преодолевая тяжесть, свободно пользоваться руками и кистями рук, все это и еще многое другое, хотя и находящееся внутри человека, но принадлежащее, однако, его фигуре, есть то, чем человек обязан этому творческому деянию Иерархии Архаев. Все это подготавливается в той жизни человека, которую и для этого периода можно назвать жизнью между смертью и новым рождением. Здесь это подготавливается так, что человек затем, в третьем периоде своего развития, в нашей современности обладает способностью во время жизни между смертью и новым рождением сам работать над этой фигурой для своего земного существования.

Гетеанум, в канун Нового года - 1925.

Дальнейшие руководящие положения, данные Гетеанумом Антропософскому обществу

147. Жизни человека между смертью и новым рождением также являют три периода. Во время первого из них человек целиком живет в Иерархии Архаев. Ими подготавливается для физического мира позднейшая человеческая форма.

148. Тем самым Архай подготавливают человеческое существо к тому, чтобы позднее оно развило свободное самосознание: ибо оно может развиваться только в таких существах, которые, посредством созданного здесь облика, могут выносить вовне внутренний импульс души.

149. Благодаря этому обнаруживается, как зачатки тех качеств и сил человечества, которые приходят к выявлению в нашу мировую эпоху, были заложены в давно прошедших эпохах мирового развития, и как микрокосмос вырастает из Макрокосмоса.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ РАССМОТРЕНИЯ: ЧТО ОТКРЫВАЕТСЯ, КОГДА ВЗИРАЮТ В ОБРАТНОМ НАПРАВЛЕНИИ НА ПРОШЛЫЕ ЖИЗНИ МЕЖДУ СМЕРТЬЮ И НОВЫМ РОЖДЕНИЕМ?

Во втором периоде человек из области Архаев приходит в область Архангелов. Но с ними он не связан как телесно-духовно, как раньше с Архаями. Его связь с Иерархией Архангелов скорее духовная. Но она все же столь тесная, что в это время еще нельзя говорить о бытии человека, отдельном от божественно-духовного мира.

Иерархия Архангелов дает человеку для его эфирного тела то, что в этом последнем соответствует форме, имеющейся у физического тела, которой он обязан Архаям. Как физическое тело благодаря своей форме приспособлено к Земле, чтобы быть на ней носителем самосознания, так эфирное тело приспособлено к вземным соотношениям космических сил. В физическом теле живет Земля, в эфирном теле живет звездный мир. В осанке, движениях, жестах действуют такие внутренние силы человека, с помощью которых он, находясь на Земле, может освобождаться от нее, и этим он обязан творению Архангелов в своем эфирном теле. Подобно тому, как в физическом теле благодаря его организации могут жить силы Земли, так в эфирном теле живут силы, притекающие на Землю со всех сторон из космического окружения. Силы Земли, которые живут в физически проявляющейся организации, таковы, что делают форму сравнительно замкнутой в себе и твердой. Очертания человека, с учетом их второстепенной метаморфозы, остаются постоянными для земной жизни; способности движения оплотневают в привычках и так далее. - В эфирном же теле человека царит непрестанная подвижность, которая является отражением изменяющихся во время земной жизни человека звездных констелляций. Эфирное тело видоизменяется уже в соответствии с изменениями дневного и ночного неба, но также и в соответствии с изменениями неба, происходящими между рождением и смертью человека.

Это приспособление эфирного тела к небесным силам не противоречит постепенному отъединению звездного неба от божественно-духовных Властей, о чем говорилось в других рассматриваниях. Верно, что в очень древние времена в звездах жили божественная воля и божественный разум. В более поздние времена звезды перешли в "исчислимое" состояние. Боги больше не действуют на людей через то, что стало их творением.

Но человек благодаря своему эфирному телу постепенно приходит к собственной связи со звездами, подобно тому, как он благодаря своему физическому телу достигает такого же отношения к силе тяжести Земли.

То, что человек включает в свое существо, спускаясь из духовного мира для рождения на Земле, как свое эфирное тело, принимающее в себя вземные космические силы, - это создается во второй период Иерархией Архангелов.

Существенное, получаемое человеком через эту Иерархию, - это принадлежность к некоей группе людей на Земле. Люди дифференцированы по всей Земле. Взвизывая назад на этот второй период, замечают перед собой не теперешнюю дифференциацию по расам и народам, а несколько иную, более духовную, - такую, которая проистекает из того, что на разные места Земли

силы звезд приходится в разных конstellациях. Ведь на Земле в распределении суши и воды, в климате, в развитии растений и так далее, живет звездное небо. Поскольку человек должен приспособиться на Земле к этим условиям, которые имеют небесное происхождение, то эту приспособляемость надо отнести к эфирному телу; его же образование есть творение сонма Архангелов.

Но как раз во время этого второго периода неким особенным образом вторгаются в человеческую жизнь люциферические и ариманические силы. Это вторжение необходимо, несмотря на то, что оно, прежде всего, является таким, как если бы оно теснило человека ниже его сущности.

Если человеку в земной жизни надлежит развить самосознание, то он должен высвободиться от божественно-духовного мира, из которого он первоначально произошел, в более сильной мере, чем это может совершиться через сам этот мир. Это происходит в то время, когда над человеком, творя его, работают Архангелы, потому что тогда связь с духовным миром уже не так крепка, как она была во время работы Архаев над человеком. Люциферу и Ариману легче действовать в сфере духовных сил, исходящих от Архангелов, чем в сфере более могущественных сил Архаев.

Со стороны люциферических сил эфирная организация пронизывается более сильной склонностью к звездному миру, чем она имела бы ее, если бы действовали лишь изначально связанные с человеком божественно-духовные силы. А физическая организация человека вовлекается ариманическими силами в земную тяжесть сильнее, чем это случилось бы, если бы эти силы не могли действовать.

Этим в человека закладывается зачаток полного самосознания и свободной воли. Хотя ариманические силы и ненавидят свободную волю, "но в человеке, отрывая его от его божественно-духовного мира, они способствуют образованию зачатка этой свободной воли.

Но, прежде всего, то, что было сотворено в человеке различными Иерархиями от Серафимов и до Архангелов, - все это в течение второго периода внедряется в его физическое тело и эфирное тело больше, чем это могло бы произойти без люциферического и ариманического влияния. Без этого влияния воздействие Иерархий осталось бы более в астральном теле и в «Я».

Поэтому на Земле не возникает та более духовная группировка человечества, которой добивались Архангелы.

В своем вытесненном в физическое и эфирное тела бытии, духовные силы превратились в свою противоположность. И вместо более духовной дифференциации возникает разделение на расы и народы.

Без люциферического и ариманического влияния люди на Земле усматривали бы, что они дифференцированы сообразно небу. Те или иные группы людей относились бы в своей жизни друг к другу как существа, охотно в любви дающие друг другу и берущие друг у друга духовное. В расах и народах через человеческое тело проявляется земная тяжесть; в духовной группировке людей было бы явлено отражение божественно-духовного мира.

Вместе с тем в человеческом развитии уже прежде должны были быть заложены способности к более позднему полному самосознанию. А это опять-таки обуславливало, чтобы хоть в ослабленной, но все же определенной форме

сохранилась древняя дифференциация людей, имевшая место, когда человек перешел от Иерархии Властей к Иерархии Архаев.

Словно в некой космической школе пережил человек, ощущая и созерцая, эту стадию развития. Он, правда, не развил еще знания о том, что это является существенной подготовкой к его более позднему самосознанию. Но тогда это пронизанное ощущением ведение сил своего развития было тем не менее важно для вычленения самосознания в астральное тело и «Я».

В отношении мышления тогда произошло то, что человек люциферическими силами был наделен склонностью продолжать и дальше погружаться в древние формы духовного, а не приспосабливаться к новым формам. Ибо у Люцифера, ведь, всегда есть стремление сохранять для человека более ранние формы жизни.

И благодаря этому мышление человека образовывалось так, что он в жизни между смертью и новым рождением постепенно развил ту способность, которая в древнейшие времена формировала в нем мысли. Тогда эта способность могла быть видением духовного, хотя она и была подобна теперешнему чистому восприятию органами чувств. Ибо физическое несло тогда духовное на своей поверхности. Но теперь эта сохраненная с тех пор мыслительная способность может действовать только как восприятие внешних чувств. Постепенно умалялась способность мыслительно восходить к духовному. А вполне это выявилось лишь тогда, когда в эпоху души сознательной духовный мир окутался для человека полной тьмой. Тогда произошло то, что в XIX веке самые лучшие естествоиспытатели, которые не смогли стать материалистами, говорили: нам не остается ничего другого, как исследовать только тот мир, который доступен исследованию, согласно мере, числу и весу и посредством органов чувств; но мы не вправе отрицать духовный мир, сокрытый за миром чувственным. Это, следовательно, было указанием на то, что может быть неизвестный человеку светлый мир там, где его взор упирается лишь в тьму.

Как через Люцифера в человеке произошел сдвиг мышления, так через Аримана - сдвиг воли. Воля была наделена тенденцией к некоего рода свободе, в которую лишь позже она должна была бы вступить. Эта свобода - не истинная свобода, а только иллюзия свободы. Человечество долго жило в этой иллюзии свободы. Это не давало ему возможности развить идею свободы, сообразную духу. Люди колебались между мнением, что человек свободен, и мнением, - что он вплетен в жесткую необходимость. И когда затем с восхождением эпохи сознания пришла действительная свобода, люди не могли ее распознать, ибо познание слишком долго было погружено в иллюзию свободы.

Все то, что в этой второй стадии развития жизни между смертью и новым рождением погружалось в существо человека, - это человек внес как космическое воспоминание в третью стадию развития, в которой он живет еще и теперь. В этой стадии он стоит в подобном же отношении к Иерархии Ангелов, как он во второй стоял - к Иерархии Архангелов. Но только его отношение к Ангелам таково, что благодаря им осуществляется полная самостоятельность человеческой индивидуальности, ибо Ангелы,- теперь не целый сонм. а один для одного человека, - ограничиваются созданием верного - соотношения между жизнями от смерти по нового рождения и земными жизнями.

Примечательным является тот факт, что для каждого отдельного человека во второй стадии развития его жизни между смертью и новым рождением действует вся Иерархия Архангелов. Позднее этой Иерархии предоставляется водительство народностями. И тогда для каждого отдельного народа выступает один Архангел как Дух народа. В расах остаются действующими Первосилы. И опять-таки для каждой отдельной расы действует одно Существо из Иерархии Первосил как Дух расы.

Современный человек также и в жизни между смертью и новым рождением содержит в себе космическое воспоминание о предшествующих стадиях этого переживания. И там, где в физическом мире духовно-ведомое выступает так, как в расах и народах, - это космическое воспоминание тоже явственно.

Гетеанум, Новый год - 1925.

Дальнейшие руководящие положения, данные Гетеанумом Антропософскому обществу

150. Во втором периоде развития жизни между смертью и новым рождением человек вступает в область Архангелов. В это время в душевное существо закладывается зачаток его более позднего самосознания, после того как подготовка к этому было сделано при формировании человеческого облика во время первого периода развития.

151. Во время этого второго периода человек люциферическим и ариманическим влияниями глубже вытесняется в физический мир, чем это произошло бы без этих влияний.

152. В третьем периоде человек достигает области Ангелов, которые, однако, оказывают свое влияние лишь на астральное тело и «Я». Это наш современный период. Происшедшее в первые два периода продолжает жить дальше в человеческом развитии, объясняя тот факт, что в эпоху души сознательной (в XIX в.) человек, направляя взор в духовный мир, упирается в него как в полную тьму.

ЧТО ПОИСТИНЕ ЕСТЬ ЗЕМЛЯ В МАКРОКОСМОСЕ?

В этих наблюдениях с самых разных точек зрения рассматривалось становление Космоса и человечества. Было показано, что человек получает силы своего существа от внеземного Космоса, кроме тех сил, которые дают ему его самосознание. Они приходят к нему от Земли.

Этим установлено значение земного для человека. И с этим должен быть связан вопрос: Какое значение имеет земное для Макрокосмоса?

Для того чтобы приблизиться к ответу на этот вопрос, надо обозреть уже изложенное здесь.

Для видящего сознания Макрокосмос оказывается все более и более исполненным жизни, чем дальше проникает взор в прошлое. В далеком прошлом Макрокосмос живет так, что там прекращается всякое исчисление его жизненных откровений. Из этой жизненности обособляется человек. Макрокосмос все больше вступает в сферу исчислимого.

Но тем самым он постепенно отмирает. По мере того как человек — Микрокосмос — возникает в виде самостоятельного существа из Макрокосмоса, последний отмирает.

В космическом настоящем пребывает отмерший Макрокосмос. Но в его становлении возник не только человек. Из Макрокосмоса возникла также и Земля.

Человек, имеющий от Земли силы для своего самосознания, стоит к ней внутренне слишком близко, чтобы прозревать ее сущность. В полном развертывании самосознания в эпоху души сознательной привыкли обращать взор на пространственную величину Вселенной и смотреть на Землю, как на незначительную пылинку в сравнении с физически-пространственной Вселенной.

Поэтому сначала кажется странным, когда духовное созерцание раскрывает истинное космическое значение этой мнимой "пылинки".

В минеральную основу Земли включаются другие царства — растительное и животное.

Во всем этом живут силы, обнаруживающие себя в кругообороте времен года в различных формах. Взгляните на растительный мир. Осенью и зимой он являет физически отмирающие силы. Видящее сознание воспринимает в этой форме проявления сущность тех сил, которые привели Макрокосмос к отмиранию. Весной и летом в жизни растений являют себя силы роста, восхождения. Видящее сознание воспринимает в этом росте и восхождении не только то, что ежегодно приносит обилие растений, но также и некий излишек. Этот излишек есть излишек зародышевой силы. Растения содержат больше зародышевой силы, чем они затрачивают ее для роста листьев, образования цветов и плодов. Видящее сознание лицезреет, как этот излишек зародышевой силы устремляется во внеземной Макрокосмос.

Точно также, однако, устремляется во внеземной Космос избыточная сила минерального царства. Эта сила имеет задачу перенести силы, исходящие от растений, в надлежащие места Макрокосмоса. Из этих растительных сил под влиянием сил минеральных возникает по-новому формирующийся образ Макрокосмоса.

Также имеются силы, исходящие от животного царства. Но эти последние действуют не в том смысле, как излучающиеся от Земли минеральные и растительные силы, но так, что ими скрепляется в сферу (шар) все то из растительного, что уносится во Вселенную, формируясь благодаря минеральным силам. Таким путем возникает образ со всех сторон замкнутого Макрокосмоса.

Так прозревает духовно-познающее сознание сущность земного. Заново внося жизнь, находится оно внутри отмершего Макрокосмоса.

Как из зародыша растения, пространственно столь незначительно малого, опять образуется целое большое растение, когда старое, отмирая, распадается, так из "пылинки" Земли создается новый Макрокосмос, в то время как распадается отмерший старый.

Это и есть истинное созерцание сущности Земли, повсюду прозревающее в ней некий зарождающийся мир. Ощущая это зарождающееся в царствах природы, учатся понимать их.

Среди этой зарождающейся жизни человек свершает свое земное существование. - Он принимает участие как в этой зарождающейся, так и в отмершей жизни. От отмершего он имеет свои мыслительные силы. Пока эти мыслительные силы приходили в прошлом из еще живого Макрокосмоса, они не были основой самосознающего человека. Как силы роста жили они в человеке, который еще не имел никакого самосознания. Мыслительные силы не смеют иметь для себя никакой собственной жизни, если они должны образовать основу для свободного человеческого самосознания. Для себя они должны быть вместе с отмершим Макрокосмосом мертвыми тенью живого космического прошлого.

С другой стороны человек причастен к тому, что зарождается на Земле. Из нее исходят его силы воли. Они суть жизнь, но зато человек своим самосознанием не принимает участия в их существе. Внутри человеческого существа они излучаются в тени мыслей. Они пронизываются этими тенями, и в этом пронизании свободной мыслью, которая развертывается в зарождающемся существе Земли, в эпоху души сознательной живет самостоятельной жизнью в человеке полное свободное человеческое самосознание.

Прошедшее, бросая тени, и будущее, неся зачатки действительности, встречаются в человеческом существе. И эта встреча есть человеческая жизнь современности.

То, что это обстоит именно так, проясняется сразу же для видящего сознания, когда оно направляется в ту область духа, которая непосредственно примыкает к физическому миру и в которой находят также деятельность Михаила.

Жизнь всего земного становится прозрачной, когда ощущают в ее основе зачаток нового мира. Каждая форма растения, каждый камень, — они являются человеческой душе в новом свете, если она обнаруживает, как каждое из этих существ благодаря своей жизни, благодаря своей форме вносит вклад в то, что Земля как единое целое есть эмбриональный зародыш некоего заново обретающего жизнь Макрокосмоса.

Надо лишь однажды попытаться сделать в себе совершенно живой мысль об этих фактах, и тогда почувствуют, что она может значить внутри человеческой души.

Гетеанум, январь 1925.

Дальнейшие руководящие положения, данные Гетеанумом Антропософскому обществу

153. С наступлением эпохи души сознательной люди привыкли направлять взор на физически-пространственную величину Вселенной и прежде всего ощущать ее. Поэтому Землю они называют "пылинкой" внутри этой, физически являющейся громадной Вселенной.

154. Перед видящим сознанием эта "пылинка" открывается как зачаток вновь возникающего Макрокосмоса, в то время как старый Макрокосмос оказывается отмершим. Он должен был отмереть, чтобы человек смог отделиться от него с полным самосознанием.

155. В космической современности человек своими, приносящими ему свободу мыслительными силами причастен отмершему Макрокосмосу, а своими, от него по существу сокрытыми силами воли он принимает участие в зарождающемся как существо Земли, заново обретающем жизнь Макрокосмосе.

СОН И БОДРСТВОВАНИЕ В СВЕТЕ ПРЕДЫДУЩИХ РАССМОТРЕНИЙ.

Сон и бодрствование часто рассматривались с самых различных точек зрения в антропософских обсуждениях. Но понимание таких жизненных фактов должно быть все снова и снова углублено, когда рассматривается еще что-нибудь из положения вещей во Вселенной. Обсуждения того, что Земля есть зачаток вновь возникающего Макрокосмоса, образуют такую возможность более глубокого понимания при взгляде на сон и бодрствование.

В состоянии бодрствования человек живет в мыслях-тенях, отбрасываемых отмершим миром, и в импульсах воли, в чью внутреннюю сущность он столь же мало проникает своим обычным сознанием, как и в процессы глубокого сна без сновидений.

Когда эти подсознательные волевые импульсы вливаются в мысли-тени, возникает свободно правящее самосознание. В этом самосознании живет «Я».

Когда человек в этом состоянии переживает окружающий мир, его внутреннее чувство пронизывается внеземными, космическими импульсами, входящими в настоящее из самого далекого космического прошлого. Он их не создает. Некое существо может сознать только то, в чем оно принимает участие своими собственными отмирающими силами, а не силами роста, которые оживляют само это существо. Так переживает себя человек, утрачивая для своего духовного взора то, что лежит в основе его внутреннего существа. Но как раз благодаря этому он в состоянии во время бодрствования чувствовать себя целиком в мыслях-тенях. Никакое оживание не препятствует внутреннему бытию стать причастным отмершему. Но для этой "жизни в отмершем" оказывается сокрытым сущностное земное бытия, а именно то, что оно есть зачаток некоей новой Вселенной. В состоянии бодрствования человек не воспринимает Землю такой, какая она есть; от него ускользает ее начинающаяся космическая жизнь.

Так живет человек в том, что ему дает как основу его самосознания Земля. В эпоху развертывания сознающего себя «Я» он утрачивает для своего духовного взора истинный образ своих внутренних импульсов, а также окружающего его мира. Но именно в этом парении над бытием мира человек переживает бытие «Я», переживает себя как самосознающее существо. Над ним - внеземной Космос; под ним, в земном бытии - мир, чье сущностное остается сокрытым; а между ними - откровение свободного «Я», чье сущностное излучается в полном сиянии познания и свободной воли.

Иначе - в состоянии сна. Тогда человек своим астральным телом и своим «Я» живет в зародышевой жизни Земли. Самое интенсивное "воление к жизни" действует в окружении человека, когда он находится в состоянии сна без сновидений. И его сновидения проникнуты этой жизнью, но не настолько сильно, чтобы человек не мог пережить их иначе, чем в некоем роде полусознания. В этом полусознательном созерцании сновидений видишь силы, которыми ткется из Космоса человеческое существо. Во вспыхивании сновидения становится видимым, как астральное, оживляя человека, втекает в его эфирное тело. В этом вспыхивании мысль еще живет. Лишь после пробуждения она захватывается теми силами, под действием которых она отмирает, превращается в тень.

Многозначительна эта связь между сновидческими представлениями и мыслями в состоянии бодрствования. Человек мыслит, находясь в тех же силах, благодаря которым он растет и живет. Но только эти силы, ради того чтобы человек стал мыслящим, должны отмереть.

Это есть тот пункт, где может открыться верное понимание того, почему человек, мысля, постигает действительность. В своих мыслях он имеет мертвый образ того, что образует его самого из полной жизни действительности. Мертвый образ, - но этот мертвый образ есть итог деятельности величайшего живописца, самого Космоса. Правда, в этом образе отсутствует жизнь. Если бы она не отсутствовала, то не могло бы развернуться «Я». Но в нем - все содержание Вселенной в ее великолепии.

Я уже указал в моей "Философии Свободы", насколько это было возможно в связи с изложенным тогда, на это внутреннее отношение между мышлением и мировой действительностью. Это было сделано в том месте, где я говорю о том, что из глубины мыслящего «Я» к глубинам действительности природы ведет некий мост.

Для обычного сознания сон оттого действует погашающим образом, что он вводит человека в зарождающуюся жизнь Земли, которая прорастает как становящийся Макрокосмос. Если это погашение преодолевается имажинативным сознанием, то перед человеческой душой предстает не Земля с четкими контурами в минеральном, растительном и животном царствах. Тогда, напротив, предстает живой процесс, загорающийся внутри Земли и воссвещающий свой огонь в Макрокосмос.

Дело обстоит так, что человек должен со своим собственным бытием «Я» выделиться в бодрственном состоянии из мирового бытия, чтобы придти к свободному самосознанию. Потом в состоянии сна он опять соединяется с мировым бытием.

В современный момент мирового кормического развития это является ритмом земного существования человека: вне "внутреннего" бытия мира - при переживании собственного существа; во "внутреннем" бытии мира - при погашении сознания собственного существа.

В состоянии между смертью и новым рождением человеческое «Я» живет среди существ духовного мира. Тогда в сознание вступает все то, что скрывается от него во время земной бодрственной жизни. Предстают макрокосмические силы, начиная от их полной жизненности в самом далеком прошлом и вплоть до замирающего бытия в настоящем. Но предстают также и земные силы, являющиеся зачатком возникающего Макрокосмоса. И на свои состояния сна человек тогда зрит так, как он во время земной жизни смотрит на Землю, освещенную Солнцем.

Только потому, что Макрокосмос, - такой, какой он есть теперь, - стал чем-то отмершим, человеческое существо может в жизни между смертью и новым рождением проходить жизнь, которая в сравнении с земной бодрственной жизнью означает более высокую ступень пробуждения: пробуждения, благодаря которому человек делается способным вполне овладеть теми силами, которые мимолетной вспышкой проявляются в сновидении. Эти силы наполняют весь Космос. Они действуют всепроникающе. От них заимствует человеческое

существо те импульсы, из которых оно при нисхождении на землю формирует свое тело - великое произведение искусства Макрокосмоса.

То, что в сновидении брезжит словно покинутое Солнцем, - это живет в духовном мире, пронизанное солнечно-духовным, ожидая, пока Существа высших Иерархий или человек призовут его для творческого созидания бытия.

Гетеанум, январь 1925.

Дальнейшие руководящие положения, данные Гетеанумом Антропософскому обществу

156. В состоянии бодрствования человек, чтобы пережить себя в полном, свободном самосознании, должен отказаться от переживания истинного образа действительности как в своем собственном существовании, так и в бытии природы. Он поднимается из моря этой действительности, чтобы в мыслях-тенях сделать собственное «Я» действительно собственным переживанием.

157. В состоянии сна человек живет совместно с жизнью окружения Земли; но эта жизнь угадывает его самосознание.

158. В сновидении вспыхивает в полусознании полное сил мировое бытие, из которого соткано существо человека и из которого он при нисхождении из духовного мира строит свое тело. В земной жизни это полное сил мировое бытие приведено в человеке к отмиранию в мыслях-тенях, ибо только в таком виде оно может быть основой самосознающего человека.

ГНОЗИС И АНТРОПОСОФИЯ

Когда совершилась Мистерия Голгофы, "гнозис" был способом мышления той части человечества, которая прежде всех смогла принести навстречу величайшему вкладу в развитие Земли понимание его путем познания, а не всего лишь посредством ощущения.

Для понимания того строя души, при котором гнозис жил внутри человека, необходимо иметь в виду, что эпоха этого гнозиса есть эпоха развертывания души рассудочной, или души характера.

В этом факте можно найти также и причину почти полного исчезновения гнозиса из истории человечества. Это исчезновение, пока оно не понято, является, пожалуй, одним из самых поразительных событий в ходе развития человечества.

Развертыванию души рассудочной, или души характера предшествовало развертывание души ощущающей, а перед тем - тела ощущений. Если факты мира воспринимаются посредством тела ощущений, то все познание человека живет в его внешних чувствах. Мир воспринимается красочным, звучащим и так далее; но в красках, звуках, состояниях тела обнаруживается мир духовных Существ. О "веществе", вместе с которым появляются краски, состояния тепла и так далее, не говорят; говорят о духовных существах, открывающих себя через то, что воспринимают внешние чувства.

В эту эпоху еще нет отдельного развития "рассудка", живущего в человеке рядом с восприятиями внешних чувств. Человек или отдается своим существом внешнему миру, и тогда через внешние чувства ему открываются Боги. Или же он уходит от внешнего мира в свою душевную жизнь, и тогда он в своем внутреннем мире переживает смутное чувство жизни.

Значительный поворот наступает тогда, когда развертывается душа ощущающая. Затемняется откровение Божественного через внешние чувства. Вместо него выступает восприятие до некоторой степени обезбоженных впечатлений внешних чувств, - красок, состояний тепла и так далее. Во внутреннем мире человека Божественное открывается в духовной форме, в образных идеях. И человек воспринимает мир с двух сторон: извне - через впечатления внешних чувств, изнутри - через духовные впечатления в виде идей.

И вот, человек должен был придти к тому, чтобы эти духовные впечатления воспринимать столь же определенными, столь же сформированными, как он раньше воспринимал проникнутые Божественным впечатления внешних чувств. Ему это по силам, пока царит эпоха души ощущающей. Ибо из его внутреннего существа возникают перед ним вполне сформированные идеи-образы. Он наполнен духовным, свободным от внешних чувств содержанием, которое является отображением космического содержания. Если раньше Боги открывались ему во внешнечувственном одеянии, то теперь они открываются ему в одеянии духовном.

Это есть эпоха первоначального возникновения и жизни гнозиса. Живет чудесное познание, и человек знает, что он причастен этому познанию, если он развертывает свое внутреннее существо в чистоте, так что через него может открываться Божественное содержание. От четвертого и вплоть до первого

тысячелетия до наступления Мистерии Голгофы царит этот гнозис в той части человечества, которая была наиболее продвинута в познании.

Затем наступает эпоха души рассудочной, или души характера. Из внутреннего мира человеческого существа теперь сами собой уже не восходят образы космических Богов. Человек должен применять внутреннюю силу, чтобы извлекать их из своей души. Внешний мир с его впечатлениями внешних чувств становится сплошным вопросом. Человек получает ответы, применяя внутреннюю способность извлекать из себя образы космических Богов.

Но эти образы являются смутными в сравнении с их более ранним видом. Это является тем душевным строем человечества, который столь чудесным образом развился в Греции. Грек ощущал себя в мире внешних чувств, а в нем он чувствовал волшебную власть, побуждающую внутреннюю силу для развертывания космических образов. В философской области этот душевный строй раскрылся в платонизме.

Но за всем этим стоял мир Мистерий. В нем верно сохранялось то, что было в наличии от гнозиса из эпохи души ощущающей. Души обучались этому верному сохранению. На пути обычного развития возникла душа рассудочная, или душа характера. Посредством особого обучения оживала душа ощущающая. Так именно в эпоху души рассудочной, или души характера за обычной культурной жизнью располагалось богато развитое существо Мистерий.

В нем жили также образы космических Богов, поскольку они стали содержанием культа. Взирая внутрь этих Мистерий, видят Космос в отображении чудеснейших обрядов культа.

Люди, которые это переживали, были теми, кто также и Мистерию Голгофы, когда она совершилась, прозревал в ее глубокой космической связи. Но это была жизнь Мистерий, державшаяся совсем в стороне от мирской суеты, чтобы в чистоте развертывать мир духовных образов. И все труднее становилось для человеческих душ это развертывание.

Тогда из духовного Космоса в высочайшие места Мистерий спускались духовные Существа, приходившие на помощь усилиям людей, боровшихся за познание. Так под влиянием самих Богов развертывались дальше импульсы эпохи души ощущающей. Возник гнозис Мистерий, о котором лишь совсем немногие люди едва догадывались. А рядом с ним существовало то, что могло быть воспринято людьми с душой рассудочной, или душой характера. Это был эзотерический гнозис, фрагменты которого дошли до потомства.

В эзотерическом гнозисе Мистерий люди становились все менее способными подняться к раскрытию души ощущающей. Эта эзотерическая мудрость все более переходила на попечение одних лишь "Богов". И это есть тайна исторического развития человечества, что в нем от первых веков христианства вплоть до Средневековья таким образом действовали "Божественные мистерии".

И в этих "Божественных мистериях" Ангельские Существа сохраняли в земном бытии то, что уже не могли сохранить люди. Так вершил гнозис мистерий, в то время как люди трудились над искоренением эзотерического гнозиса.

Содержание космических образов духовно сохранилось в гнозисе Мистерий Духовными Существами, пока оно должно было действовать в ходе развития человечества; оно не могло стать содержанием сознательного постижения

человеческой души. Но эмоциональное содержимое гнозиса Мистерий должно было быть сохранено. И оно должно было быть дано в надлежащий космический момент к этому подготовленному человечеству, чтобы под влиянием его душевного тепла душа сознательная позднее смогла бы по-новому проникнуть в царство Духа. Так создали Духовные Существа мост между старым и новым космическим содержанием.

Эта тайна развития человечества предстает лишь в намеках. Как гласит легенда, святая ясписовая чаша Грааля, которая служила Христу, когда он преломлял хлеб, и в которую Иосиф Аримофейский собрал кровь из раны Иисуса, - эту чашу, хранившую тайну Голгофы, сберегли Ангелы до той поры, когда после постройки Титурелем замка Грааля, они смогли передать ее подготовленным людям.

Духовные Существа хранили космические образы, в которых жили тайны Голгофы. И когда тому настало время, они погрузили в человеческие души, правда, не содержание этих образов, ибо это не было возможно, но их эмоциональное содержимое.

Лишь побуждением, но как раз сильнейшим побуждением, могло быть это внесение эмоционального содержания древнего познания для того, чтобы в нашу эпоху из души сознательной - в свете деятельности Михаила - развилось новое полное понимание Мистерии Голгофы.

Антропософия стремится к этому новому пониманию. Из данного описания видно, что она не может быть каким-либо обновлением того гнозиса, который имел своим содержанием род познания, свойственный душе ощущающей, но что она должна совершенно новым способом извлечь столь же богатое содержание из души сознательной.

Гетеанум, январь 1925.

Дальнейшие руководящие положения, данные Гетеанумом Антропософскому обществу

159. Гнозис развертывается в своем первоначальном образе в эпоху души ощущающей (с IV и вплоть до I тысячелетия до вступления Мистерии Голгофы). В эту эпоху Божественное открывается человеку в его внутреннем мире как духовное содержание; в предыдущую же эпоху тела ощущений оно открывалось, напротив, во впечатлениях внешних чувств от окружающего мира.

160. В эпоху души рассудочной, или души характера духовное содержание "Божественного" может быть пережито лишь заметно поблекшим. Гнозис сохранялся в строгих Мистериях, а когда люди уже больше не могут вершить этого, потому что они уже больше не в состоянии оживлять душу ощущающую, тогда Духовные Существа переносят в Средневековье, правда, не содержание познания, но эмоциональное содержимое гнозиса. (В легенде о Граале есть намек на это.) А наряду с этим людьми искореняется экзотерический гнозис, проникший в душу рассудочную, или душу характера.

161. Антропософия не может быть обновлением гнозиса, ибо он связан с раскрытием души ощущающей. Антропософия в свете деятельности Михаила должна по-новому развивать из души сознательной понимание Космоса и Христа. Гнозис был тем, сохраненным из древних времен родом познания, который лучше всего мог привести людей к пониманию Мистерии Голгофы в момент ее вступления.

СВОБОДА ЧЕЛОВЕКА И ЭПОХА МИХАИЛА

В человеческой способности воспоминания живет личное отображение некой космической силы, которая творчески работала над человеческим существом так, как было показано в последних рассмотрениях. Но эта космическая сила деятельна еще и теперь. Она действует в подосновах человеческой жизни как сила роста, как вносящий жизнь импульс. Тут она действует в своей наибольшей части. Она отделяет от себя лишь малую часть, которая как род деятельности входит в "душу сознательную". Эта космическая сила действует в душе сознательной в качестве силы воспоминания.

Силу воспоминания надо увидеть в верном свете. Когда в современную эпоху космического становления человек пользуется восприятиями внешних чувств, то это восприятие есть мгновенное вспыхивание в сознании образов окружающего мира. Вспыхивание происходит тогда, когда чувство направлено на внешний мир; это вспыхивание просветляет сознание; оно исчезает, когда чувство больше не направляется на внешний мир. То, что вспыхивает тогда в человеческой душе, не может иметь длительность. Ибо иначе человек одновременно не вывел бы это из своего сознания, он потерял бы себя в содержании сознания. Он не был бы больше самим собой. Лишь на короткое время, в так называемых послеобразах, которые очень интересовали Гете, может жить в сознании "свечение" после восприятия. Этому содержанию сознания нельзя оплотнеть до степени бытия; оно должно оставаться образом. Оно столь же мало может стать реальным, насколько реальным способно стать отражение в зеркале.

В чем-то таком, что изживало бы себя в сознании в качестве реальности, человек потерял бы себя, как и в том, что имело бы само по себе длительность. И там тоже человек не мог бы больше быть самим собою.

Итак, чувственное восприятие внешнего мира есть внутренняя живопись человеческой души; живопись - невещественная. Живопись - в духовном становлении и в духовном прохождении. Как радуга в природе возникает и проходит, не оставляя после себя следа, так возникает и проходит восприятие без того, чтобы оно благодаря собственному существу оставило воспоминание.

Но между человеческой душой и внешним миром одновременно с каждым восприятием происходит другой процесс. Происходит такой процесс, который имеет место в более удаленной части душевной жизни; там, где действуют силы роста, импульсы жизни. В этой части душевной жизни при восприятии напечатлевается не только мимолетный образ, но длительно существующее реальное отображение. Человек может это вынести, ибо это как космическое содержание связано с бытием человека. Когда это совершается, человек столь же мало может утратить себя, как и тогда, когда он растет или питается, не имея об этом полного сознания.

И вот, когда человек извлекает свои воспоминания из своего внутреннего мира, тогда это есть внутреннее восприятие того, что осталось во втором процессе, который разыгрывается при внешнем восприятии.

Снова живописует душа, но теперь прошлое, живущее в собственном внутреннем мире человека. И снова в сознании при этой живописи не может

сформироваться ничего длительно-реального, но лишь возникающий и Преходящий образ.

Так взаимно связаны в человеческой душе воспринимающее представление и воспоминание.

Но силы воспоминания имеют непрестанное устремление быть больше того, чем они могут быть в том случае, если человек не должен утратить себя как самопознающее существо.

Ибо силы воспоминания суть остатки прошлого в человеческом становлении и как таковые входят в область власти Люцифера. Этот последний стремится так сгустить в человеческом существе впечатлений от внешнего мира, чтобы они постоянно сбегались в сознании как представления.

Это устремление Люцифера увенчалось бы успехом, если бы ему не противодействовала сипа Михаила. Она не позволяет живописуемому во внутреннем свете застыть в бытие, но поддерживает его в виде возникающего и преходящего образа.

Та излишняя сила, которая выталкивается Люцифером изнутри человеческой души - она в эпоху Михаила превращается в имажинирующую силу. Дело в том, что в присущее всему человечеству интеллектуальное сознание постепенно проникнет сила имажинации. Тем самым человек не обременяет свое текущее сознание непрерывной реальностью; это сознание продолжает действовать в возникающих и преходящих образах. Но со своими имажинациями человек восходит в некий высший духовный мир, тогда как со своими воспоминаниями он вступает внутрь собственного человеческого существа. Имагинации человек не оставляет в себе; они вписаны в космическое бытие; и в Жизни образных представлений он может все снова срисовывать их оттуда.

Так то, что Михаил охраняет во внутреннем мире Человека от застывания, принимается духовным миром. То, что человек переживает из силы сознательного имажинирования, - это становится в то же время космическим содержанием. Что это может быть так - есть результат Мистерий Голгофы. Сила Христа запечатлевает в Космосе человеческие имажинации, - сила Христа, связанная с Землей. Пока она не была связана с Землей, а действовала на Землю извне как сила Солнца, все импульсы роста и жизни вступали оттуда внутрь человека. Благодаря им человек образовывался и поддерживался из Космоса. С тех пор как Христов Импульс живет совместно с Землей, человек в своем самосознающем существе вновь возвращается Космосу.

Человек из космического существа стал земным существом, но он предрасположен к тому, чтобы снова стать космическим существом после того, как он сам в себе стал земным существом.

В том факте, что человек в своем мгновенном представлении живет не в бытии, а лишь в отражении бытия, в некоем бытии образов, заключена возможность развертывания свободы. Всякое бытие в сознании есть принуждающее бытие. Только образ не может принуждать. Если что-то должно произойти благодаря впечатлению от него, то это должно совершиться совсем независимо от него. Человек становится свободным благодаря тому, что он своей душой сознательной возносится из бытия, оказываясь в небытийном существе образов.

Тут возникает важный вопрос: не утрачивает ли человек бытия, покидая его частью своего существа и устремляясь в небытие?

Здесь снова один из тех пунктов, когда, рассматривая мир, стоят перед одной из великих загадок.

То, что переживается в сознании как представление, возникло из Космоса. По отношению к Космосу человек устремляется в небытие. В процессе представления он освобождается от всех сил Космоса. Он живописует Космос, вне которого он находится.

Если бы было только так, то в человеческом существе на один космический момент воссияла бы свобода; но человеческое существо в тот же самый момент растворилось бы. Однако, становясь свободным от Космоса в процессе представления, человек все же в своей бессознательной душевной жизни присоединен к своим прошлым земным жизням и к своим жизням между смертью и новым рождением. Как сознающий, человек находится в бытии образов, а своим бессознательным он пребывает в духовной реальности. Когда он в текущем V переживает свободу, его прошлое «Я» удерживает его в бытии.

В отношении бытия человек, представляя, совершенно отдан тому, чем он стал благодаря своему космическому и земному прошлому.

Здесь в человеческом развитии указывается на бездну ничто, прыжок над которой совершает человек, становясь свободным существом. Деяния Михаила и Импульс Христа делают этот прыжок возможным.

Гетеанум, январь 1925.

Дальнейшие руководящие положения, данные Гетеанумом Антропософскому обществу

162. Представляя, человек живет своей душой сознательно не в бытии, а в бытии образов, в небытии. Этим он освобождается от сопереживания себя совместно с Космосом. Образы не принуждают. Принуждает лишь бытие. Вели человек все же обращается к образам, то это происходит совсем независимо от самих образов, то есть происходит в свободе от Космоса.

163. В тот момент когда человек находится в процессе представления, он связан с бытием мира только тем, чем он стал из прошлого своих прежних земных жизней и своих жизней между смертью и новым рождением.

164. Этот прыжок над небытием в отношении Космоса человек может сделать лишь благодаря деятельности Михаила и импульсу Христа.

ГДЕ НАХОДИТСЯ ЧЕЛОВЕК КАК МЫСЛЯЩЕЕ И ПОМНЯЩЕЕ СУЩЕСТВО?

С представлениями (мыслями) и переживаниями воспоминаний, человек находится внутри физического мира. Но куда бы он не направлял свой взор в этом физическом мире, с помощью своих внешних чувств он нигде не найдет чего-то такого, что могло бы дать ему силы представления и воспоминания.

В представлении появляется самосознание. Оно в смысле предыдущих рассмотрении есть то, что человек приобрел от сил земного бытия. Но эти земные силы таковы, что они остаются сокрытыми для восприятий внешних чувств. В земной жизни человек, правда, мыслит только о том, что ему сообщают внешние чувства; но ничто из всего того, о чем он так мыслит, не дает ему самой силы мышления.

Где же находится эта сила, формирующая, исходя из земного, процесс представления (мышления) и образы, воспоминаний?

Ее находят, направляя духовный взор на то, что человек приносит с собой из прошлых земных жизней. Обычное сознание этого не знает. Это живет, в человеке, прежде всего, бессознательно. Но когда человек после духовного бытия вступает на землю, эта сила, тотчас же обнаруживает себя, как родственная тем земным силам, которые не попадают в область действия внешнечувственного наблюдения и внешнечувственного мышления.

В этой области человек пребывает не с представлениями (мыслями), но с "волей" которая действует в смысле судьбы.

Принимая во внимание то, что Земля содержит силы, не попадающие во внешнечувственную область, можно говорить о "духовной Земле" как о противоположне физической Земли. Тогда оказывается, что человек как волевое существо живет в "духовной Земле" и совместно с ней; как существо же представляющее (мыслящее) он хотя и находится в среде физической Земли, но как такое существо не живет совместно с ней.

Человек как мыслящее существо несет силы из духовного мира в физический; но с этими силами он остается духовным существом, которое лишь является в физическом мире, но не входит с ним ни в какую общность.

Представляющий (мыслящий) человек во время своего земного существования вступает в общность лишь с "духовной Землей". И из этой общности вырастает в нем его самосознание. Следовательно, возникновение самосознания обязано таким процессам, которые разыгрываются с человеком в земной жизни как духовные.

Если окинуть духовным взором то, что здесь изложено, то имеют перед этим взором "человеческое я".

С переживаниями воспоминаний приходят в область человеческого астрального тела. В процессе воспоминания втекают в нынешнее «Я» не только результаты прошлых земных жизней, как это происходит при представлении (мышлении), но тут во внутреннее существо человека втекают те силы духовного мира, которые переживаются человеком между смертью и новым рождением. Этот приток сил идет в астральное тело.

Внутри физической земли нет также никакой области для непосредственного принятия притекающих таким образом сил. Человек как вспоминающее

существо столь же мало как и представляющее существо может связать себя с теми вещами и процессами, которые воспринимаются его внешними чувствами.

Но он вступает в общность с тем, что хотя и не является физическим, но что превращает физическое в процессы, в свершения. Эти ритмические процессы в жизни природы и человека. В природе ритмически сменяют друг друга день и ночь, ритмически следуют друг за другом времена года и так далее. В человеке совершаются в ритме дыхание и кровообращение. Также происходит смена сна и бодрствования и так далее.

Ни в природе, ни в человеке ритмические процессы не являются чем-то физическим. Их можно назвать полудуховными. В ритмическом процессе физическое как вещь исчезает.

Вспоминая, человек переносится своим существом в свой ритм и в ритм природы. Он живет в своем астральном теле.

Индийский йог хочет совершенно раствориться в переживании ритма. Он хочет покинуть область представления, область «Я» и во внутреннем переживании, подобном воспоминанию, ясновидчески взирать в мир, который находится позади того, что может знать обычное сознание.

Западная духовная жизнь может не подавлять «Я» ради познания. Она должна привести «Я» к восприятию духовного.

Этого не может произойти, если так проникают в ритмический мир из мира внешних чувств, что в ритме переживают лишь полудуховное становление физического. Но надо находить сферу духовного мира, открывающуюся в ритме.

Итак, возможно двоякое. Первое: переживание физического в ритмическом - как это физическое становится полудуховным. Это есть более старый в настоящее время уже неподходящий путь. Второе: переживание того духовного мира, который в своей сфере имеет космический ритм в человеке и вне человека таким же образом, как человек имеет земной мир с его физическими существами и процессами.

К этому духовному миру принадлежит все, что в настоящий космический момент совершается через Михаила. Такой Дух как Михаил тем, что он избирает ритмический мир своим местом обитания, вносит то, что иначе оставалось бы в люциферической области, в область чисто человеческого развития, не подверженного влиянию Люцифера.

Все это можно узреть, когда человек достигает имажинации. Ибо душа вместе с имажинацией живет в ритме; а мир Михаила есть тот мир, который открывается в ритме.

Воспоминание, память уже находятся в этом мире, но еще не глубоко. Обычное сознание ничего из этого не переживает. Но при вступлении в имажинацию раньше всего всплывает из мира ритма мир субъективных переживаний; однако, они тотчас же переходят в живущие в эфирном мире прообразы, сотворенные божественно-духовным миром для физического мира. Переживают вспыхивающий в космических образах, таящий в себе созидание мира эфир. И ткущие в этом эфире силы Солнца там не только сияют, - они начаровывают из света мировые прообразы. Солнце является как космический живописец миров. Оно есть космический противобороз тех импульсов, которые в человеке живописуют образы представлений (мыслей).

**Дальнейшие руководящие положения, данные
Гетеанумом Антропософскому обществу**

165. Человек, правда, живет как мыслящее существо в области физической Земли; но он не вступает с ней ни в какую общность. Он живет как духовное существо таким образом, что воспринимает физическое; но силы для мышления он получает от "духовной Земли" на том же пути, на котором он переживает судьбу как результат прошлых земных жизней.

166. То, что переживается в воспоминании (в памяти), находится уже в том мире, где физическое в ритме становится полудуховным и где происходят такие духовные процессы, как свершаемые в настоящий космический момент благодаря Михаилу.

167. Кто верным образом знакомится с мышлением и воспоминанием, у того возникает понимание, как человек, в виде земного существа живущий внутри земной области, в то же время не совсем погружается в эту область своим существом, а ищет как внеземное существо через общность с ^духовной Землей" своего самосознания как завершения «Я».

ЧЕЛОВЕК В СВОЕЙ МАКРОКОСМИЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ

Космос, прежде всего, открывается человеку со стороны Земли и со стороны внеземного, со стороны мира звезд.

Человек чувствует себя родственным Земле и ее силам. Жизнь весьма определенно вразумляет его в отношении этого родства.

Не столь родственным звездному окружению чувствует он себя в настоящую эпоху. Но это длится лишь до тех пор, пока он не сознает в себе своего эфирного тела. Постичь в имажинациях эфирное тело, - это значит настолько развить чувство сопринадлежности с миром звезд, насколько обладают чувством связи с Землей, благодаря сознанию физического тела.

Силы, которые вводят в мир эфирное тело, приходят из периферии этого мира, тогда как силы для физического тела излучаются из центра Земли.

Но вместе с эфирными силами, которые притекают на Землю из периферии Космоса, приходят также те мировые импульсы, которые действуют в астральном теле человека.

Эфир подобен морю, в котором, плывя со всех сторон из мировых далей, приближаются к Земле астральные силы.

Но в настоящую космическую эпоху только минеральное и растительное царства могут приходить в непосредственное отношение к тому астральному, которое притекает на землю на волнах эфира. Но - никак не животное царство и не человеческое царство.

Духовное видение обнаруживает, как в животном царстве живет в эмбриональном состоянии не то астральное, которое в настоящее время притекает на Землю, но то, которое притекало еще во времена древней Луны.

В растительном царстве видят, как образуются разнообразные чудесные формы, в то время как астральное выделяется из эфира и воздействует сверху на растительный мир.

В животном царстве видят, как из духовного мира было сохранено астральное, в далеком прошлом действовавшее во время лунного развития; оно действует как такое сохраненное, оставаясь в настоящее время в духовном мире и не вступая в эфирный мир.

Действенность этого астрального передается также через силы Луны, которые, ведь, равным образом остались от предыдущей стадии развития Земли.

Итак, в животном царстве перед нами результат импульсов, проявившихся внешне-природным образом на предыдущей стадии развития Земли, в то время как в настоящий космический период они отступили в духовный мир, который действительно пронизывает собой Землю.

Духовному видению открывается, что внутри животного царства для пронизания физического тела и эфирного тела астральным телом имеют значение исключительно те астральные силы, которые сохранены в современном земном бытии из глубокой древности. Но раз животное имеет свое астральное тело, то в него действительно вступают солнечные импульсы. Солнечные силы не могут дать животному ничего от астрального; но все же, раз это астральное есть в животном, они должны способствовать его росту, питанию и так далее.

Иначе обстоит с этим для человеческого царства. И оно получает свое астральное прежде всего от сохраненных лунных сил. Но солнечные силы содержат в себе астральные импульсы, которые в отношении животного царства остаются бездейственными, но в человеческом астральном действуют дальше так, как действовали лунные силы при первом пронизании человека астральностью.

В животном астральном теле видят лунный мир; в человеческом - гармоническое созвучие мира Солнца и мира Луны.

На этом солнечном начале в человеческом астральном теле покоится то, что человек может воспринять для выработки самосознания духовное, излучающееся в земное бытие. Астральное притекает из периферии Вселенной. Оно действует или как такое, которое изливается в настоящее время, или же как излитое в прошлом и сохраненное. Но все, что относится к образованию «Я» как носителя самосознания, должно излучаться из центра некоей звезды. Астральное действует из периферии, а сообразное «Я» - из некоего центра. Земля в качестве звезды импульсирует из своего центра человеческое «Я». Каждая звезда излучает из своего центра силы, которые формируют «Я» какого-либо существа.

Так представляется полярность центра звезды и космической периферии.

Из этого описания видно, как животное царство ныне еще существует в виде результата более ранних сил развития существа Земли, как оно потребляет сохраненные астральные силы, но как оно должно исчезнуть, когда эти силы будут израсходованы. У человека же, наоборот, из солнечного начала приобретены новые астральные силы. И они делают для него возможным нести свое развитие в будущее.

Из всего этого можно усмотреть, что нельзя понять человека в его сущности, если не осознать его связи как с бытием звезд, так и с Землей.

И то, что человек получает от Земли для развертывания своего самосознания, - это происходит, ведь, также и от действенного в земном бытии духовного мира. - То обстоятельство, что солнечное начало дает человеку все, в чем он нуждается для своего астрального, происходит от тех деяний, которые разыгрались во время древнего Солнца. Тогда Земля получила способность к развитию импульсов человеческого «Я». От солнечного бытия Земля сохранила именно духовное того времени, но оно сохраняется от отмирания благодаря действию современного Солнца.

Некогда Земля сама была Солнцем. Тогда она была пронизана духом. В современный космический период Солнечное оказывает свое действие извне. Оно непрестанно обновляет коренящееся в прошлом, стареющее духовное. Вместе с тем это действующее в настоящее время Солнечное предохраняет солнечное начало далекого прошлого от впадения в люциферическое. Ибо то, что продолжает действовать дальше, не став воспринятым в силы современности, подпадает люциферическому.

Можно сказать, что в этот космический период чувство сопринадлежности человека с внеземным Космосом стало настолько приглушенным, что человек не замечает его внутри своего сознания. И оно не только стало приглушенным, но еще заглушается чувством сопринадлежности человека и земного бытия. Из-за того что человек свое самосознание должен обрести в земном, он так

срастается с земным при наступлении эпохи души сознательной, что земное действует на него гораздо сильнее, чем это совместимо с правильным ходом его душевной жизни. Человек, до некоторой степени оглушен впечатлениями внешнечувственного мира. В состоянии этой оглушенности он не являет себя человеком со свободным, в себе самом живущим мышлением.

Вся эпоха с середины XIX века была эпохой такой оглушенности впечатлениями внешних чувств. Великой иллюзией этой эпохи является то, что слишком сильную жизнь внешних чувств сочили за правильную, - ту жизнь внешних чувств, которая старалась совсем угасить жизнь во внеземном Космосе.

В этой оглушенности могли проявить свое существо ариманические силы. Солнечное начало больше оттеснило Люцифера, чем Аримана, который был в состоянии вызвать - как раз в людях науки - опасное ощущение, что идеи применимы лишь к впечатлениям внешних чувств. Так что именно в этих кругах антропософия может встретить мало понимания. Стоят перед результатами духовного познания. Пытаются понять их с помощью идей. Но эти идеи не охватывают духовного, ибо их переживание заглушено ариманизированным внешнечувственным познанием. И охватывает страх, как бы не подпасть слепой вере в авторитет, если допустить данные духовно видящего.

Во второй половине XIX века все более темным становился для человеческого сознания внеземной Космос.

Если человек снова станет способным переживать в себе идеи также и тогда, когда он не обращается с ними к миру внешних чувств, то навстречу его взору, направленному во внеземной Космос, снова воссияет свет. Но это означает: научиться узнавать Михаила в его царстве.

Когда в некоем будущем осенний праздник Михаила станет настоящим и задушевым, тогда в ощущении справляющих этот праздник людей будет с глубочайшей честностью выступать его лейтмотив и жить в сознании: исполненная идеями душа переживает свет Духа тогда, когда видимость внешних чувств находит отзвук в человеке лишь как воспоминание.

Если человек ощутит это, он в соответствии с этим праздничным настроением снова правильно погрузится в мир внешних чувств. И Ариман не сможет нанести ему ущерб.

Гетеанум, январь 1925.

Дальнейшие руководящие положения, данные Гетеанумом Антропософскому обществу

168. В начале эпохи сознания наступила приглушенность чувства единства человека со внеземным Космосом. В противоположность этому чувство сопринадлежности с земным бытием при переживании впечатлений внешних чувств стало как раз у людей науки таким сильным, что это представляет собой оглушение сознания.

169. В этой оглушенности особенно опасно действуют ариманические силы, ибо человек живет в иллюзии, что слишком сильное, оглушающее переживание впечатлений внешних чувств правильно и является истинным прогрессом в развитии.

170. Человек должен найти силу просветить свой мир идей и пережить его просветленным также и тогда, когда он не опирается с ними на оглушающий

мир внешних чувств. При этом переживании самостоятельного, просветленного в своей самостоятельности мира идей пробудится чувство единства с внеземным Космосом. Из этого возникает основа для праздника Михаила.

СИСТЕМА ОРГАНОВ ВНЕШНИХ ЧУВСТВ И ОРГАНИЗАЦИЯ МЫШЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ОТНОШЕНИИ К ВНЕШНЕМУ МИРУ

Когда человек, наблюдая собственное человеческое существо, применяет к себе, прежде всего, имажинативное познание, то он в созерцании сбрасывает с себя свою систему органов внешних чувств. Для своего самосозерцания он становится существом без этой системы. Он не перестает иметь перед своей душой образы, которые до этого приносились органами чувств; но он перестает чувствовать себя связанным через эти органы с физическим внешним миром. Органы чувств теперь уже не несут образы, которые он имеет перед своей душой от физического внешнего мира: они для непосредственного созерцания суть доказательство того, что человек, помимо связи через органы чувств с окружающим миром природы, находится с ним еще и в другой связи, которую несут не органы чувств. Это есть связь с тем Духом, который воплощен во внешнем мире природы.

Следовательно, при таком созерцании физический мир отпадает от человека. Это - земное, которое отпадает. Человек больше не чувствует этого земного при себе.

Можно было бы подумать, что вместе с тем у него исчезает и самосознание. Это может казаться выводом из предыдущих рассмотрений, которые обрисовали самосознание как результат связи человека с существом Земли. Но это не так. То, что человек приобрел через земное, остается ему также и тогда, когда он после этого обретения в переживающем познании сбрасывает с себя земное.

Посредством описанного духовно-имажинативного созерцания обнаруживается, что человек, собственно, вовсе не интенсивно связал с собой свою систему органов чувств. В этой системе органов чувств живет, собственно, не он, а окружающий мир. Этот мир построил себя со своим бытием в систему органов чувств.

И поэтому имажинативно созерцающий человек рассматривает также систему органов чувств как часть внешнего мира - часть внешнего мира, которая ему, конечно, ближе, чем окружающий мир природы, но которая все же есть внешний мир. Эта часть отличается от прочего внешнего мира лишь тем, что в него человек может погрузиться не иначе, как познавая через восприятия органов чувств. А в свою систему органов чувств он погружается переживания. Система органов чувств есть внешний мир, но человек притягивает в этот внешний мир свое духовно-душевное существо, которое он приносит из духовного мира при вступлении в земное существование.

За исключением того факта, что человек наполняет свою систему органов чувств своим духовно-душевым существом, эта система есть такой же внешний мир, как простирающийся вокруг человека растительный мир. Глаз в конечном счете принадлежит миру, не человеку, - как роза, которую человек воспринимает, принадлежит не ему, а миру.

В эпоху, которую только что прошел человек в ходе космического развития, выступали люди, домогавшиеся познания, и они говорили: цвет, звук, впечатления тепла находятся, собственно, не в мире, а в человеке. "Красного цвета, - так говорили они, - нет вовне, в окружающем человека мире, но это есть

лишь воздействие на человека чего-то неизвестного". - Однако истина прямо противоположна этому воззрению. Не краска вместе с глазом принадлежат человеческому существу, а глаз вместе с краской принадлежат миру. Человек во время своей земной жизни не позволяет вливаться в себя земному окружению, но он сам вырастает между рождением и смертью в этот внешний мир.

Многозначительно, что к концу эпохи тьмы, когда человек оцепенело смотрит в мир, даже в предчувствии не переживая света духа, верная картина отношения человека к окружающему миру искажается как раз в противоположный истине образ.

Когда имaginативно познающий человек сбросил с себя этот окружающий мир, в котором он живет со своей системой органов чувств, в его переживание вступает некая иная организация, несущая мышление так же, как система органов чувств несет процесс восприятия чувственных образов.

И теперь через эту организацию мышления человек осознает себя столь же связанным с космическим звездным окружением, как раньше через систему органов чувств он осознавал себя связанным с земным окружением. Он познает себя как космическое существо. Мысли - уже не теневые образы; они пропитаны действительностью так же, как во внешнечувственном восприятии - образы органов чувств.

Если познающий человек поднимается теперь к инспирации, то он обнаруживает, что может сбросить с себя также и этот мир, основывающийся на организации мышления, как раньше сбросил земной мир. Он прозревает, как и с этой организацией мышления он принадлежит миру, а не собственному существу. Он прозревает, как мировые мысли правят в нем через его собственную организацию мышления. Он снова замечает, что мыслит не из-за того, что принимает в себя отображения мира, а вырастая вместе с организацией мышления в мировые мысли.

Человек есть мир, как в отношении системы органов чувств, так и в отношении системы мышления. Мир встраивается в него. Поэтому в восприятиях при помощи органов чувств и в мышлении он есть не он сам, но он есть тогда содержание мира.

Итак, в организацию мышления человек простирает то духовно-душевное своего существа, которое не принадлежит ни земному миру, ни миру звезд; оно - совершенно духовного рода и пребывает в человеке от одной земной жизни до другой земной жизни. Это духовно-душевное доступно лишь инспирации.

Так человек выступает из своей земно-космической организации, чтобы предстать перед собой через свою инспирацию как чисто духовно-душевное существо.

В этом чисто духовно-душевном существе человек встречается с господствующими силами своей судьбы.

Вместе с системой органов чувств человек живет в своем физическом теле, а с системой мышления - в своем эфирном теле. После сбрасывания обеих систем путем переживающего познания он находится в своем астральном теле.

Каждый раз, когда человек нечто сбрасывает из состава своего существа, то, правда, с одной стороны его душевное содержание становится беднее; но с другой стороны оно в то же время становится богаче. Если после сбрасывания физического тела красота растительного мира, доступного органам чувств,

блекнет для человека, то зато перед его душой выступает целый мир элементарных существ, живущих в растительном царстве.

Но оттого, что это обстоит так, у действительно духовно познающего человека никак не господствует аскетическое настроение по отношению к миру, воспринимаемому органами чувств. В духовном переживании он в полной жизненности сохраняет потребность: пережитое духовно снова воспринять также и органами чувств. И как у цельного человека, ищущего переживания всей действительности, восприятия с помощью органов чувств будят стремление к противоположному, к миру элементарных существ, так видение элементарных существ снова пробуждает стремление к тому, что содержится в восприятиях с помощью органов чувств.

В целостной жизни человека дух требует восприятия, а восприятие жаждет духа. В духовном существовании была бы пустота, если бы в нем не было в качестве воспоминания переживаний с помощью органов чувств; в переживании с помощью органов чувств была бы тьма, если бы там, сперва хотя бы и подознательно, не действовала, освещая, сила Духовного.

Поэтому, когда человек сделает себя зрелым для сопереживания деятельности Михаила, наступит совсем не обеднение душ в отношении переживаний природы, а наоборот - некое обогащение. Также и жизнь чувствований не будет расположена к тому, чтобы отворачиваться от переживаний органов чувств, а возникнет радостное желание целиком воспринять в душу чуда внешнего мира.

Гетеанум, февраль 1925.

Дальнейшие руководящие положения, данные Гетеанумом Антропософскому обществу

171. Человеческая система органов чувств принадлежит не существу человека, а встроена в него окружающим миром на время земной жизни. Воспринимающий глаз пространственно заключен в человеке, - по существу же он находится в мире. И человек простирает свое духовно-душевное существо в то, что мир посредством его органов чувств переживает в нем. Человек во время своей земной жизни не принимает в себя окружение физического мира, но он вырастает своим духовно-душевым существом в это окружение.

172. Подобным образом дело обстоит с организацией мышления. Через нее человек вырастает в звездное бытие. Он познает самого себя как звездный мир. В мировых мыслях действует и живет человек, если он в переживающем познании сбросил с себя систему органов чувств.

173. После сбрасывания обоих миров - земного мира и мира звезд - человек предстает перед собой как духовно-душевное существо. Тогда он тут больше не мир, - тогда он в истинном смысле человек. И обнаружение того, что он тогда переживает, означает познание себя, тогда как постижение посредством системы органов чувств и организации мышления означает познание мира.

ПАМЯТЬ И СОВЕСТЬ

В состоянии сна человек отдан Космосу. Он несет навстречу Космосу то, что он при нисхождении из духовно-душевного мира в земной, имеет как результат прошлых земных жизней. Во время бодрствования он изымает из Космоса это содержание своего человеческого существа. В этом ритме - отдачи Космосу и изъятии себя из Космоса - протекает жизнь между рождением и смертью.

Изъятие из Космоса есть в то же время принятие духовно-душевного человека через систему органов чувств и нервов. С тем, что разыгрывается в ней как физические и жизненные процессы, сочетается духовно-душевное существо человека во время бодрствования до единого способа действий. В этом способе действий содержатся восприятия органов чувств, формирование образов воспоминаний, жизнь фантазии. Эти деятельности связаны с физическим телом. Представления же, переживание мыслей, при которых человек становится сознающим то, что полусознательно разыгрывается в восприятии, фантазии, воспоминании, - это связано с организацией мышления.

В этой собственной организации мышления находится также та область, благодаря которой человек переживает свое самосознание. Организация мышления есть некая организация звезд. Если бы она изживала себя только как таковая, то человек нес бы в себе не самосознание, а сознание Богов. Но организация мышления есть организация звезд, выделенная из Космоса звезд и перемещенная в земное свершение. Переживая в земном мир звезд, человек становится самосознающим существом. Итак, здесь имеют перед собой ту область внутренней человеческой жизни, в которой божественно-духовный мир, связанный с человеком, отпускает его, чтобы он в полном смысле мог стать человеком.

Но сразу под организацией мышления, - там, где протекают восприятие с помощью органов чувств, фантазия, образование воспоминаний, - божественно-духовный мир живет совместно с человеческой жизнью. Можно сказать, что в бодрственном состоянии человека божественно-духовное живет в развертывании памяти. Ибо обе другие деятельности - восприятие с помощью органов чувств и фантазия - суть только модификации формирования образов воспоминаний. В восприятии с помощью органов чувств образование содержания воспоминаний находится в своем возникновении; в содержании же фантазии в душе вспыхивает то, что сохраняется в существовании души от этого содержания воспоминаний.

Состояние сна переносит духовно-душевное существо человека в космическое бытие. Там он вместе с деятельностью своего астрального тела и своего «Я» погружен в божественно-духовный Космос. Он находится не только вне физического мира, но также и вне мира звезд. Но он - среди божественно-духовных Существ, благодаря которым его бытие получило начало.

В настоящий момент космического развития эти божественно-духовные Существа действуют так, что они напечатлевают моральное содержание мира астральному телу и «Я» человека во время состояния сна. Все мировое свершение в спящем человеке есть реальное моральное свершение, а отнюдь не такое, какое можно было бы назвать хотя бы лишь похожим на природную деятельность.

Последствие этого свершения человек переносит из сонного состояния в состояние бодрствования. Но и последствие остается в сонном состоянии. Ибо человек бодрствует лишь в той жизни, которая обращена к области мышления. То, что происходит собственно в сфере его воли, - это и во время бодрствования человека окутано такой же смутностью, как вся душевная жизнь во время сна. Но в бодрственном состоянии человека в этой его спящей жизни воли божественно-духовное действует дальше. Человек морально настолько хорош или настолько плох, каким он может быть оттого, насколько близко он может подойти к божественно-духовным Существам во время сна. И он подходит к ним ближе или остается дальше от них, смотря по тому чем были в моральном отношении его прошлые земные жизни.

Из глубины бодрствующего существа души звучит то, что могло быть во время сна в общении с божественно-духовным миром пересажено в это существо души. И это, что так звучит, есть голос совести.

Так то самое, что материалистический взгляд на мир больше всего склонен объяснять лишь с природной стороны, для духовного познания оказывается лежащим в моральной области.

В памяти непосредственно действует в бодрствующем человеке божественно-духовное бытие; в совести это божественно-духовное бытие действует в бодрствующем человеке опосредованно, как последствие.

Образование памяти происходит в нервно-чувственной организации; образование совести происходит как чисто душевнодуховный процесс, но в организации обмена веществ и конечностей.

Между ними лежит ритмическая организация. В своей деятельности она образована полярно, на две стороны. Как ритм дыхания она тесно связана с восприятиями органов чувств и с мышлением. В легочном дыхании этот ритмический процесс грубее всего; он утончается и в качестве утонченного дыхания становится восприятием органов чувств и мышлением. То, что стоит еще совсем близко к дыханию, но к дыханию через органы чувств, а не через легкие, - это восприятие органов чувств. То, что находится уже дальше от легочного дыхания и поддерживается организацией мышления, это есть представление, мышление; а то, что уже граничит с ритмом кровообращения, что есть уже внутреннее дыхание, которое связывается с организацией конечностей и обмена веществ, - это обнаруживается в деятельности фантазии.

Она затем душевно простирается в сферу воли, подобно тому, как ритм кровообращения простирается в организацию обмена веществ и конечностей человека.

В деятельности фантазии организация мышления стремится подойти к организации воли. Это есть погружение человека в его - и при бодрствовании - сонную сферу воли. Поэтому у людей с организацией этого рода содержание души являет себя, как сны наяву. Такая человеческая организация жила в Гете. И поэтому он говорил, что Шиллер должен был бы ему истолковывать его поэтические сны.

В самом Шиллере была действительной другая организация. Он жил, исходя из того, что принес с собой из прошлых земных жизней. Он должен был к сильной воле искать содержание фантазии.

На людей, предрасположенных к сфере фантазии, так что у них восприятие действительности с помощью органов чувств как бы само собой превращается в образы фантазии, - на таких людей в своих мировых замыслах рассчитывает ариманическая сила. Она мнит, что может с помощью таких людей совсем отрезать развитие человечества от прошлого и повести его в том направлении, какого хочет она.

На людей, которые организованы согласно волевой сфере, но которые из внутренней любви к идеальному воззрению на мир мощно преобразуют восприятие с помощью органов чувств в образы фантазии, - на таких людей рассчитывает люциферическая сила. Она хотела бы посредством таких людей вполне удержать развитие человечества в импульсах прошлого. Она смогла бы тогда удерживать человечество от погружения в ту сферу, где должна быть преодолена ариманическая сила.

В земном существовании люди находятся между двух полярных противоположностей. Над ними простирается звездный мир. Оттуда излучаются силы, связанные со всей исчислимой регулярностью в бытии Земли. Регулярная смена дня и ночи, времена года, более долгие мировые периоды - все это есть земное отображение звездных свершений. Другой полюс лучится из земных недр. В нем живет нерегулярное. Ветер и погода, гром и молния, землетрясения, извержения вулканов отражают внутренние свершения Земли.

Человек есть некое отображение этого бытия звезд и бытия Земли. В организации его мышления живет распорядок небесных светил; в организации воли и членов его тела живет хаос Земли. В ритмической организации - в свободном уравнивании переживает себя земное существо человека.

Гетеанум, февраль 1925.

Дальнейшие руководящие положения, данные Гетеанумом Антропософскому обществу

174. Человек организован духовно-телесно с двух сторон. Во-первых, из физически-эфирного Космоса. То, что от Божественно-духовной сущности мира излучается в эту организацию человеческого существа, - это живет в ней как сила восприятия с помощью органов чувств, как способность памяти и как деятельность фантазии.

175. Во-вторых, человек организован из своих прошлых земных жизней. Эта организация совершенно духовно-душевная и живет в человеке посредством его астрального тела и «Я». Действие того, что вживается в это человеческое существо из божественно-духовных существ, вспыхивает в человеке как голос совести и все родственное ему.

176. В своей ритмической организации человек имеет постоянную связь с обеими сторонами божественно-духовных импульсов. В переживании ритма сила памяти вносится в бытие воли, а власть совести — в бытие идей.

КАЖУЩЕЕСЯ УГАШЕНИЕ ДУХОВНОГО ПОЗНАНИЯ В НОВОЕ ВРЕМЯ

Кто хочет иметь верное суждение об антропософии в ее отношении к развитию души сознательной, тот должен все снова обращать взор на тот духовный склад культурного человечества, который берет начало с расцветом естествознания и достигает своей высшей точки в XIX веке.

Поставим же перед душевным взором характер этой эпохи и сравним его с характером прошлых эпох. Во все времена сознательного развития человечества на познание смотрели как на то, что связывает человека с духовным миром. Познанию приписывали то, чем были люди по отношению к Духу. В искусстве, в религии жило познание.

Это стало иначе, когда забрезжила заря эпохи души сознательной. Тогда познание не стало дальше заботиться о большей части человеческой душевной жизни. Оно хотело исследовать, что развивает человек как отношение к бытию, когда он направляет в сторону "природы" свои внешние чувства и свой критический рассудок. Но это познание уже больше не хотело заниматься тем, что человек развивает как отношение к духовному миру, - когда он таким же образом использует свою внутреннюю способность восприятия, как он использует свои внешние чувства.

Так возникла необходимость связать духовную жизнь человека не с познанием настоящего времени, а с результатами познаний прошлого, с традицией.

Человеческая душевная жизнь раскололась надвое. С одной стороны перед человеком встало познание природы, стремящееся все дальше и дальше и развертывающееся в живой современности. С другой стороны было переживание некоего отношения к духовному миру, отношения, для которого соответствующее познание излилось в древние времена. Для этого переживания постепенно утрачивалось всякое понимание того, каким образом в прошлом было осуществлено соответствующее познание. Имели предание, но уже не путь, на котором были познаны переданные дальше истины. Можно было только верить в предание.

Человек, который бы в полном спокойствии обдумал духовную ситуацию около середины XIX века, должен был бы сказать себе: человечество пришло к тому, чтобы считать себя еще способным к развитию лишь того познания, которое не имеет никакого отношения к Духу. Знать о Духе и исследовать его могло прежнее человечество; но человеческая душа утратила способность к этому исследованию.

То, что, собственно, тогда произошло, не предстало перед душевным взором во всем его значении. Ограничились тем, что говорили: познание не достигает духовного мира; он может быть лишь предметом веры.

Для того чтобы несколько осветить этот факт, взглянем на те времена, в которые греческая мудрость должна была отступить перед христианизированным Римом. Когда последние философские школы в Греции были закрыты императором Юстинианом, тогда последние хранители древнего знания ушли из тех областей, где теперь развивалась европейская духовность. Они нашли пристанище в Азии, при академии Гондифапура. Это было одно из

мест на Востоке, где благодаря деяниям Александра хранилось предание о древнем знании. В той форме, которую смог придать этому древнему знанию Аристотель, жило оно там.

Но оно было захвачено тем восточным течением, которое можно обозначить как арабизм. Арабизм в одном из аспектов своего существа есть преждевременное развертывание души сознательной. Он через душевную жизнь, слишком рано начавшую творить в направлении души сознательной, дал возможность того, чтобы в нем излилась из Азии через Африку в Южную Европу и Западную Европу некая духовная волна, преисполнившая некоторое число европейцев тем интеллектуализмом, которому следовало придти лишь позднее; Южная и Западная Европа в VII, VIII веках получили духовные импульсы, которым следовало придти лишь в эпоху души сознательной.

Эта духовная волна могла пробудить в человеке интеллектуальное, но не то более глубокое переживание, благодаря которому душа погружается в мир Духа.

И вот, когда человек в промежуток времени от XV до XIX веков приводил в деятельность свою способность познания, то он мог погрузиться лишь до некоторой глубины души, где он еще не наталкивался на духовный мир.

Арабизм, вступающий в европейскую духовную жизнь, удерживал познающие души вдали от мира Духа. Он преждевременно привел в действие интеллект, который мог постигать лишь внешнюю природу.

И этот арабизм оказался очень мощным. Душою человека, охваченного арабизмом, начинало внутренне - большей частью совсем бессознательно - завладевать высокомерие. Такой человек ощущал могущество интеллектуализма; но он не ощущал неспособности голого интеллекта проникать в действительность. Так отдавался он внешней чувственной действительности, которая сама собой представала перед человеком; однако ему вовсе не приходило на ум подступить к духовной действительности.

В этом положении узрела себя средневековая духовная жизнь. У нее были могущественные предания о мире Духа; но средневековая душевная жизнь благодаря, можно сказать, втайне действующему арабизму была так пропитана интеллектуализмом, что познанию не открывалось никакого доступа к источникам, из которых, в конечном счете, происходило содержание имевшегося предания.

Уже с раннего Средневековья то, что инстинктивно ощущалось в людях как их связь с Духом, боролось с тем образом мышления, который был усвоен через арабизм.

Чувствовали в себе мир идей. Его переживали, как нечто реальное. Но не находили в душе силы пережить в идеях Дух. Так возник реализм, который ощущал в идеях реальность, но не мог найти этой реальности. Реализм слышал в мире идей речь Мирового Слова, но он не был способен понять Его язык.

Противопоставлявший себя реализму номинализм вообще отрицал наличие этой речи, раз он не мог понять ее. Для номинализма мир идей был лишь суммой формул в человеческой душе - без какого-либо укоренения в духовной реальности.

То, что вздымалось в этих течениях, продолжало жить вплоть до XIX века. Номинализм стал образом мышления природопознания. Этот образ мышления

выстроил грандиозную систему воззрений относительно мира внешних чувств, но он уничтожил прозрение в бытие мира идей. Реализм влачил мертвенное существование. Он знал о реальности мира идей; но в живом познании он не мог к нему проникнуть.

К нему проникнут, когда антропософия найдет дорогу от идей к переживанию духа в идеях. В истинно развитом дальшем реализме должен к естественнонаучному номинализму присоединиться путь познания, показывающий, что познание Духовного не угасло к человечеству и может в новом взлете снова вступить в человеческое развитие из заново открытых человеческих душевных источников. Гетеанум, март 1925.

Дальнейшие руководящие положения, данные Гетеанумом Антропософскому обществу

177. Кто обращает взор души на развитие человечества в естественнонаучную эпоху, тому, прежде всего, открывается прискорбная перспектива. Блестящим становится познание человека в отношении всего того, что есть внешний мир. И, напротив, выступает род сознания, будто познание мира Духа вообще больше невозможно.

178. Кажется, как если бы такое познание люди имели лишь в древние времена и как если бы в отношении духовного мира надо довольствоваться принятием старых традиций, сделав их предметом веры.

179. Из происходящей от этого неуверенности в отношении человека к духовному миру в Средние века возникает неверие в духовное содержание идей в виде номинализма, чьим продолжением является современное природовоззрение; а как знание о реальности идей возникает реализм, но он может лишь через антропософию найти свое осуществление.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОТЯСАЕНИЯ ПРИ ВОСХОЖДЕНИИ ДУШИ СОЗНАТЕЛЬНОЙ

Упадок римского государства в связи с выступлением народов, приходивших с Востока, - так называемое переселение народов, - это есть историческое явление, на которое все снова должен обращаться взор исследователя. Ибо современность содержит еще многое от последствий этих потрясающих событий.

Но понимание именно этих событий невозможно для внешнего исторического рассмотрения. Надо взглянуть на души людей, вовлеченных в "переселение народов" и в падение римской империи.

Греция и Рим процветают в то время, когда в человечестве разворачивается душа рассудочная, или душа характера. Да, греки и римляне суть настоящие носители этого разворачивания. Но разворачивание этого душевного этапа у этих народов не несет в себе какого-либо зародыша, который правильным образом из самого себя мог бы развить душу сознательную. Все то, что в виде духовного и душевного содержания помещено в душе рассудочной, или душе характера, - все это выявляется в жизни во время существования Древней Греции и Рима. Перелиться собственной силой в душу сознательную это не может.

Все же естественным образом наступает стадия души сознательной. Но это происходит так, словно душа сознательная не есть нечто, исходящее из личности грека и римлянина, а что-то извне привитое их существу.

Состояние связанности человечества с божественно-духовными Сущностями или состояние отторжения от них осуществляются в ходе времен с различной интенсивностью (о чем в этих рассмотрениях так много было сказано). В древние времена это было силой, вмешивающейся путем могущественного свершения в развитие человечества. В греческом и римском переживании первые века христианства это - уже более слабая сила. Но она есть налицо. Поскольку грек или римлянин вполне разворачивал в себе душу рассудочную, или душу характера, он чувствовал - бессознательно, но многозначаче для души происходящее отторжение от божественно-духовной сущности, самостоятельное становление человеческого существа. Это прекратилось в первые века христианства. Брезжащая заря души сознательной соединилась в ощущении с бытием божественно-духовного. Люди стали развиваться опять назад - от большей к меньшей самостоятельности души. Они не могли воспринять содержание христианства в человеческую душу сознательную, ибо сами ее не могли принять в состав человеческого существа.

Таким образом, это содержание христианства ощущалось ими как нечто данное извне - духовным внешним миром, а не как нечто такое, с чем срастались своими силами познания.

Иначе это было у народов, вступающих в историю и приходящих с северо-востока. Они прошли стадию души рассудочной, или души характера в таком состоянии, которое ощущалось ими как зависимость от мира Духа. Впервые они начали ощущать нечто от человеческой самостоятельности, когда в зарождающемся христианстве стали пробуждаться первые силы души сознательной. У них душа сознательная выступала, как нечто связанное с

существом человека. Когда в них пробуждалась жизнь души сознательной, они ощущали в себе радость внутреннего раскрытия ее сил.

В восходящую жизнь, связанную с пробуждением души сознательной, вошло у этих народов содержание христианства. Они чувствовали христианство как нечто оживающее в душе, а не как данное извне.

Таково было то настроение, с каким эти народности подступили к римскому государству и ко всему связанному с ним, Таково было настроение арианства в противоположность афанасианству. Тут во всемирно-историческом развитии выступило глубокое внутреннее противоречие.

В душе сознательной римлянина и грека, находящейся вне их человеческого существа, действовала, прежде всего, не вполне соединившаяся с земной жизнью, но лишь в нее излучающаяся божественно-духовная сущность. А в душе сознательной, впервые пробудившейся у франков, германцев и других народов, действовало, но еще слабо, то из божественно-духовного, что могло соединиться с человечеством.

Ближайшим последствием было то, что содержание христианства, которое жило в парившей над человеком душе сознательной, распространилось в жизни; а то содержание христианства, которое соединилось с душой, оставалось чем-то таким, что сохранялось как побуждение, как импульс внутри человека и ожидало своего развития, наступающего лишь при достижении известной стадии в разворачивании души сознательной.

Время, начавшееся с первых веков христианства и вплоть до эпохи развития души сознательной, - это время, когда в виде определяющей духовной жизни над человечеством царит такое духовное содержание, с которым человек не может соединиться в своем познании. И поэтому он соединяется с этим содержанием внешне: он "объясняет" его и размышляет о нем в той мере, в какой не достает душевных сил, чтобы добиться с ним связи путем познания. Он различает между той областью, куда проникает познание, и той областью, куда оно не проникает. Решающим делается отказ от приведения в действие тех душевных сил, которые, осуществляя познание, возносятся в духовный мир. И так приходит то время - поворот XVII и XVIII веков, когда, используя силы души, прежде направленные на духовное, люди на пути познания вообще отвращаются от духовного. Начинают жить лишь в тех силах души, которые направлены на воспринимаемое внешними чувствами.

Отупевшими становятся силы познания в отношении духовного, особенно в XVIII веке.

Мыслители утрачивают из своих идей духовное содержание. В идеализме первой половины XIX века они придают утратившим Дух идеям значение творящего мир содержания. Так у Фихте, Шеллинга, Гегеля. Или они указывают на некое сверхчувственное, которое улетучивается, ибо оно лишено Духа. Так у Спенсера, Джона Стюарта Милля и других. Идеи - мертвы, когда они не ищут живого Духа. И вот, наступает момент, когда утрачивается духовный взор на духовное.

Какое-либо "продолжение" древнего духовного познания невозможно. Силы души, в то время как в них разворачивается душа сознательная, должны стремиться к обновленной элементарной, непосредственно живой связи с миром Духа. Антропософия хочет быть этим устремлением.

В духовной жизни нашей эпохи именно ведущие личности пока что не знают, чего хочет антропософия. И потому широкие круги людей, следующих за этими вождями, также удерживаются вдали от нее. Эти вожди живут в таком содержании их душ, которое постепенно совсем отвыкло применять духовные силы. Для них это так, как если бы человека, имеющего какой-либо парализованный член, стали побуждать им пользоваться. Ибо с XIV века и вплоть до второй половины XIX века высшие познавательные силы человека были парализованы. А человечество совсем не сознавало этого: оно считало особенным прогрессом одностороннее применение познания, обращенного на мир внешних чувств.

Гетеанум, март 1925.

Дальнейшие руководящие положения, данные Гетеанумом Антропософскому обществу

180. Греки и римляне суть народы, которые были наиболее предрасположены к разворачиванию души рассудочной, или души характера. Они развивают эту душевную стадию вплоть до ее завершения. Но они не несут в себе зачатков для прямого перехода к душе сознательной. Их душевная жизнь приходит к концу в пределах души рассудочной, или души характера.

181. А во время от возникновения христианства и вплоть до эпохи развития души сознательной правит такой мир Духа, который не соединяется с человеческими душевными силами. Эти силы "объясняют" мир Духа, но не переживают его.

182. В народах, наступающих на Рим с северо-востока, при так называемом "переселении народов", живет некое сообразное чувствованию постижение души рассудочной, или души характера. В противовес этому в их душах образуется душа сознательная, встроенная в это сообразное чувствованию, как в некое лоно. Внутренняя жизнь этих народов ждет того времени, когда опять станет вполне возможным соединение бытия души с миром Духа.

ОТ ПРИРОДЫ К ПОДПРИРОДЕ.

Говорят о том, что с преодолением философской эпохи в середине XIX века началась эпоха естественнаучная. И говорят также, что эта естественнаучная эпоха продолжается еще и теперь, хотя в то же время многие подчеркивают, что следовало бы снова вернуться к тем или иным философским намерениям.

Все это соответствует путям познания, которыми идет новое время, но не путям жизни. Ибо со своими представлениями человек еще живет в мире природы, хотя он и вносит в понимание природы механистическое мышление. Но своей волевой жизнью он в таком широком объеме живет в механике технических процессов, что это уже давно придало совсем новый нюанс естественнаучной эпохе.

Если хотят понять человеческую жизнь, то ее надо, прежде всего, рассмотреть с двух сторон. Из прошлых земных жизней человек приносит с собой способность представлять себе космическое, действующее из периферии земного мира, и космическое, действующее в сфере самой Земли. Внешними чувствами он воспринимает космическое, действенное на Земле, и он мыслит благодаря своей организации мышления космическое, оказывающее воздействие на Землю из периферии земного мира.

Так посредством своего физического тела он живет в восприятии, а посредством своего эфирного тела - в мышлении.

То, что происходит в его астральном теле и в его «Я», - это правит в более сокрытых областях души. Это правит, например, в судьбе. Но это надо искать, прежде всего, не в сложных соотношениях судьбы, а в элементарных, простых жизненных процессах.

Человек связывает себя с некоторыми силами Земли, в этих силах ориентируя свой организм. Он учится прямо стоять и ходить, учится со своими руками и кистями рук включать себя в равновесие земных сил. Эти силы совсем не такие, которые действуют из Космоса, это только земные силы.

В действительности ничто из того, что переживает человек, не есть абстракция. Он только не усматривает, откуда приходит переживание, и тогда образует абстракции из идей о действительности. Человек говорит о механической закономерности. Он думает, что абстрагировал ее из природных связей. Но это не так. Все, что человек переживает в душе как чисто механические законы, внутренне узнано им из опыта его ориентации в условиях земного мира (в его стоянии, ходьбе и так далее).

Но тем самым механическое определяется как чисто земное. Ибо природно-закономерное, проявляющееся в цвете, звуке и так далее притекло в земной мир из Космоса. Лишь в пределах Земли механическое прививается также и природно-закономерному, подобно тому, как человек в своем собственном переживании встречается с механическим лишь в пределах Земли.

Гораздо большая часть того, что теперь через технику действует в культуре и во что человек в высшей степени вовлечен со всей своей жизнью, - это не природа, а под-природа. Это есть некий мир, который эмансипируется от природы в направлении вниз.

Взгляните, как человек Востока, стремясь к Духу, старается выйти из состояний равновесия, происходящих лишь от земного. Для медитации он принимает такое положение, которое вводит его в одно только космическое равновесие. Земля тогда больше не действует на ориентировку его организма. (Это сказано только в целях пояснения того, что здесь приводится, а отнюдь не для подражания. Кто знаком с моими сочинениями, знает, как в этом отношении различаются восточная и западная духовная жизнь).

Человеку для развития его души сознательной требовалось установить отношение к одному лишь земному. И тогда в новейшее время стала обнаруживаться тенденция, чтобы всюду в образ действия проводить в жизнь то, во что должен был вжиться человек. Вживаясь в одно лишь земное, он встречает ариманическое. И он должен со всем своим собственным существом поставить себя в правильное отношение к этому ариманическому.

Но до сих пор в ходе развития технической эпохи от него все еще ускользает возможность найти правильное отношение к ариманической культуре. Человек должен обрести концентрацию, внутреннюю силу познания, чтобы не быть покоренным Ариманом в технической культуре. Подприрода должна быть понята как таковая. Это может быть только тогда, когда человек в духовном познании поднимается по меньшей мере настолько высоко к внеземной сверхприроде, насколько он в технике спустился в подприроду. Эпоха нуждается в познании, восходящем над миром природы, ибо надо внутренне справиться с опасно действующим жизненным содержанием, погрузившимся ниже природы. Конечно, здесь говорится не о том, что нужно снова вернуться к ранним состояниям культуры, а о том, чтобы человек нашел путь к приведению новых культурных условий в правильное отношение к себе и к Космосу.

Ныне лишь очень немногие чувствуют, какие важные духовные задачи складываются тут для человека. Электричество, которое после его открытия восхвалялось как душа природного бытия, должно быть познано в его силе, - вести вниз от природы в подприроду. Но только человеку нельзя соскальзывать вместе с ним.

В то время, когда еще не было техники, независимой от первоначальной природы, человек в восприятии природы находил дух. Техника, делающаяся независимой, заставила человека смотреть оцепеневшим взглядом на механически-материальное как на то, что теперь для него становится научным. В этом теперь отсутствует все божественно-духовное, связанное с началом развития человечества. Чисто ариманическое царит в этой сфере.

В духовной науке будет создана теперь другая сфера, где вовсе не присутствует ариманическое. И как раз через принятие - путем познания - той духовности, к которой не имеют никакого доступа ариманические силы, человек укрепляется настолько, чтобы выступить в мире против Аримана.

Гетеанум, март 1925.

Дальнейшие руководящие положения, данные Гетеанумом Антропософскому обществу

183. В естествонаучную эпоху, начавшуюся около середины XIX века, культурная деятельность людей постепенно соскальзывает не только в самые

низшие области природы, но еще ниже природы. Техника становится подприродой.

184. Это требует, чтобы человек на пути собственного переживания нашел некое познание Духа, в котором он так же высоко поднялся бы в сверхприроду, как он через подприродную техническую деятельность погрузился ниже природы. Тем самым он создает в своем внутреннем существе силу, противостоящую этому погружению.

185. Более раннее воззрение на природу еще таило в себе Дух, с которым связано начало человеческого развития; постепенно этот Дух исчез из рассмотрения природы; в это рассмотрение природы вселился чисто ариманический дух, и отсюда он влился в техническую культуру.

ПРИМЕЧАНИЯ

В данной книге собраны Руководящие положения и принадлежащие к ним статьи-письма "К членам", которые были впервые опубликованы в 1924-1925 г. в Приложении к еженедельнику "Das Goetheanum": "Was in der Anthroposophischen Gesellschaft vorgeht. Nachrichten für deren Mitglieder" (Domach, Schweiz).

"Добрый Герхард" произведение Рудольфа Эмса, появилось между 1220 и 1225 годами. Рудольф Штайнер говорит о нём в лекции 25 декабря 1916 г. в Дорнахе.

Исидор Севильский, 560-636, архиепископ Севильи с 600 г.

"Герцог Эрнст", анонимное произведение немецкого эпоса, появилось около 1180 года.

"Песнь о Роланде", произведение старофранцузского эпоса, около 1100 года.

"Песнь о Нибелунгах", немецкий эпос, конец XII века.

Джефри Чосер, 1340?-1400 г., английский поэт, дипломат, учёный.

Орлеанская дева, Жанна д'Арк, ок. 1412-1431; Рудольф Штайнер говорит о ней в лекции 28 декабря 1910 г. в Штутгарте.

Рене Декарт. 1596-1650, французский философ, математик, физик, физиолог; Рудольф Штайнер пишет о нём в книге "Die Rätsel der Philosophie" ("Загадки философии").

Ансельм Кентерберийский, 1033/34-1109, теолог, "отец схоластики".

Джон Виклиф, 1324-1384, английский реформатор, предшественник Реформации.

Ян Гус, около 1370-1415, чешский реформатор.

Эразм Роттердамский, 1469-1536, гуманист.

Иоганн Иоахим Винкельман, 1717-1768, немецкий историк искусства, археолог.

О здоровой природе Гёте пишет в статье "Винкельман и его время", 1805 г

Письма Шиллера "Об эстетическом воспитании человека" появились в 1795 г.

Николай Коперник, 1473-1543, астроном.

Иоганн Кеплер, 1571-1630, астроном.

Последняя греческая философская школа была закрыта в 529 г.

ⁱ Примечание к последнему предложению руководящего положения №84 на стр. 35: в данном тексте прежняя редакция этого предложения, стоявшая ранее в печатном и электронном вариантах книги и содержащая ошибку перевода, заменена на верную, публикуемую здесь согласно переводу Г.А. Бондарева, данному им в книге «„Философия свободы“ Рудольфа Штайнера как основание логики созерцающего мышления. Религия мыслящей воли. Органон современной культурной эпохи», где эта фраза используется в качестве мотто.

Прежняя (неверная) редакция перевода предложения: «От того факта, что идеи человека не остаются только „мыслимыми“, но становятся в мышлении „зримыми“, зависит безмерно много».

Новая (правильная) редакция перевода: «От того факта, что человеческие идеи не только остаются „мыслящими“, но становятся в мышлении „видящими“, зависит неизмеримо много».